

ТАЙНА ЖИЗНИ

Prescription for Living" Rabbani, Ruhyyih

Мери Максвелл

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Все дело в нас самих	9
Глава 2. Двойственная природа человека	19
Глава 3. Дорога к счастью	36
Глава 4. Любовь и брак	62
Глава 5. Смерть	75
Глава 6. Работа	87
Глава 7. Привычка	98
Глава 8. Печаль и испытание	103
Глава 9. Большой план	110
Глава 10. Нужен идеал	128
Глава 11. Весна в XIX веке	141
Глава 12. Побег	171
Глава 13. Выбор за вами	208

Введение

Мысли, разбросанные на страницах этой книги, подобны летящим по ветру семенам, и автор надеется, что некоторые из них, упав на добрую почву, прорастут и принесут плоды. Здесь не дается исчерпывающих ответов на многочисленные вопросы нашей жизни, а лишь предпринята попытка приоткрыть завесу над их решением. Размышления автора основаны на том, что, несмотря на сложнейшую ситуацию на нашей планете, мы можем и должны сделать что-то, чтобы предотвратить или, по крайней мере, отдалить грозящие нам катастрофы. И к этому надо стремиться вопреки нашей занятости политическими, экономическими и социальными проблемами, которые по своей опасности превосходят все, что угрожало когда-либо людям на протяжении всей истории человечества.

Не удивительно ли, что имея в своем распоряжении такие творения рук человеческих, как самолеты, спутники, телевидение, компьютеры, лазерные лучи, используя поразительную мощь атомного ядра, - как для созидания, так и для разрушения, создав развитую индустрию развлечений и досуга, мы, тем не менее, не располагаем средствами, которые помогли бы сделать людей более просвещенными, добродетельными и счастливыми.

Находился ли мир когда-либо в более трагичном положении, нежели сегодня? Где можно найти в современном мире справедливость, как обрести спокойствие духа и безмятежность сердца? Удовольствий-то у нас вдоволь - поистине сумасшедший вихрь разнообразных увеселений; чем мы только не увлекаемся, чтобы как -то занять свое время, чтобы только отвлечься от мыслей, которые порой неотступно преследуют нас - мыслей о том, что на самом деле мы мучительно несчастны, ибо балансируем над краем пропасти, и будущее не сулит нам ничего хорошего.

Я же верю, что будущее дает нам шанс; более того, оно открывает для нас новую перспективу, предлагая более совершенную модель жизненного устройства, которая позволит сделать счастливой жизнь не только человека, но и всего человечества в целом. И единственный инструмент, с помощью которого мы сможем осуществить это и который мы должны усовершенствовать, - это мы сами. Ведь именно мы создали все эти проблемы, которые так угрожающе встают теперь перед нами. Это мы довели мир до такого плачевного состояния. Это мы в XX веке участвовали в двух глобальных, невероятно разрушительных войнах, и еще в целом ряде меньших по масштабу, но столь же ужасных и бессмысленных военных конфликтах, в которые были вовлечены народы всех континентов земного шара. Значит, именно мы и должны исправить это положение, ибо нет такой внешней силы, которая была бы способна сделать это за нас.

Мы обязаны спросить себя - чего же в нас недостает, что привело нас к теперешнему краху? В чем причина наших трагедий? Может ли человек, такой незаметный, незначительный по сравнению с колоссальной инертной массой, какую представляет собой население Земли, реально сделать что-то, что окажет влияние на ход будущих событий? Отвечаю: да, может. Ибо человек - это самое удивительное творение природы. В нем заключено все добро и зло, вся энергия созидания и разрушения. Он, поистине, те

врата, что могут привести человечество и в рай, и в ад, ибо от того, на что он направит свою энергию и способности, будет зависеть будущее земной цивилизации. Задумаемся о том, что сделали для своих стран и человечества в целом такие мыслители, как Лев Толстой в Европе и Авраам Линкольн в Америке, и что принесли миру фанатики и диктаторы, подобные Адольфу Гитлеру, дабы убедиться, как много в мировой истории зависит от одного человека.

При всей очевидной остроте кризиса человеческих отношений мы в силах преодолеть его и выйти из бури очистившимися, более совершенными, чем теперешние представители рода человеческого. Но то, как долго продлится наша агония, как скоро настоящее разрешится от бремени будущим, как быстро благие плоды этого будущего станут достоянием всех людей, зависит от нас - вас, меня, каждого живущего на Земле.

Эволюция нашего развития, начавшаяся с тех самых пор, когда мы были интеллектуально неразвитыми, неуклюжими обезьяноподобными существами, не может прерваться на полпути. Это было бы нарушением всех известных нам законов природы. Она, вне всякого сомнения, будет продолжаться и, возможно, приведет нас к таким высотам человеческого развития, о которых мы сегодня и не мечтаем. Но то, как быстро или медленно мы будем продвигаться по этому пути, всецело зависит от нас - людей. Цель этой книги - поразмышлять о возможностях преобразования человека, о возвращении его к истокам его бытия. Тому, кто болен, нужно лекарство. Каждый из нас, будучи неповторимой индивидуальностью, принадлежит, тем не менее, к одному и тому же виду, называемому <человек разумный>, и надо признать, что этот вид сейчас поражен серьезным недугом и живет в весьма нездоровой среде обитания - обществе. Существуют определенные законы, которые можно назвать законами внутренней гигиены - если их соблюдать, они непременно помогут каждому из нас обрести утраченное нравственное и духовное здоровье, а затем, когда изменимся мы, составляющие человеческого сообщества, жизнь на Земле станет счастливее и лучше во всех отношениях. Эта книга вкратце рассказывает о таких законах. События, которые сотрясают сегодня планету, вызывают в человеке чувство беспомощности. Волны этих событий несут нас с такой скоростью, что попытки что-либо изменить, как-то повлиять на их ход кажутся нам бессмысленными, требующими нечеловеческого усилия. Я думаю, что большинство людей во всем мире с тревогой наблюдают за происходящими в обществе процессами. После второй мировой войны люди мечтали о том, что на скорбном пепелище страданий и смерти поднимется новое здание международного сотрудничества. Народы Земли с восторгом приветствовали создание Организации Объединенных Наций, явившейся значительным шагом вперед по сравнению с Лигой Наций (последняя так и не сумела предотвратить вторую мировую войну), усматривая в ней гарант прочного мира. Однако и сегодня в мире по-прежнему происходит противостояние военных блоков; то и дело мы слышим сообщения о вооруженных конфликтах, вспыхивающих в разных частях планеты. Мир велик, но человек в нем живет бок о бок со своим соседом, независимо от того, считает ли он его своим другом или врагом. Мы - жители одного дома, все части которого благодаря научным достижениям и чудесам современной техники тесно взаимосвязаны! Мы знаем, что нам выгодно поддерживать хорошие отношения с соседями - даже если вчера они были нашими врагами - хотя бы из соображений

самосохранения, если уж отсутствуют более высокие побуждения. Похоже, что пока нам это плохо удастся. Стена ненависти и непонимания до сих пор разделяет людей. Как же нам быть?

Прежде всего заглянуть в самих себя. Мы получим, конечно, далеко не полный ответ, но это главное и основополагающее требование, если мы хотим достичь какой бы то ни было стабильности в будущем. Мы должны научиться быть действительно людьми, заново овладеть искусством жить, которое за последние столетия почти утратили. Сегодня, глядя беспристрастно на наш мир, мы, пожалуй, могли бы сказать, что его населяет странная порода плохо приспособленных к жизни существ, называемых <люди>. Именно эти существа, наделенные высоко развитым разумом и одновременно столь безответственные в своем поведении, способны ныне уничтожить себя как вид (а вместе с собой и большинство других видов). Увы, надо признать - мы не оправдываем пока наших собственных ожиданий. Считая себя венцом Творения, мы, зачастую, выступаем как жалкие, отвратительные существа, плохо приспособленные к окружающим условиям. Поэтому нам необходимо выяснить, каким образом мы стали такими, и - пока не поздно - направить нашу энергию в нужное русло.

Глава 1

Все дело в нас самих

Люди сегодня испытывают крайнюю неудовлетворенность тем, как они живут, и тем, что их окружает. Неважно, к какой социальной группе они принадлежат, где работают, как отдыхают и каковы их доходы, - сетования на жизнь и недовольство ею слышны повсюду. Там, где не жалуется на экономическую ситуацию, недовольны политической обстановкой. То церковь делают козлом отпущения, то возлагают ответственность за все беды на какую-нибудь политическую группировку. Однако нам никогда и в голову не приходит, что, возможно, все гораздо проще - причина наших бед в нас самих, и мы сами всему виной. Ни одно из ранее живших поколений не обладало такой властью над природой, как наше. Люди всегда устремляли свой взор к небу, ибо не владели теми знаниями, которые имеем мы. Сегодня нам ведомы многие тайны морей, небес, строения материи, и благодаря этим знаниям наше могущество крепнет день ото дня. Мы бороздим голубые просторы небес, наполняем эфир неуловимой небесной мелодией, заглядываем в самое сердце атома; мы даже научились использовать энергию солнца. И несмотря на все это, мы разочарованы и несчастны. Кажется, внутри нас развивается раковая опухоль, которая постепенно разрушает все, что создано гением человека, и лишает нас душевного покоя и трезвого разума, способности жить в мире с самим собой и с окружающими нас людьми. Мы создали могучую западную цивилизацию, которая быстро внедряется во все сферы жизни даже в самых отдаленных уголках мира, однако это грандиозное порождение человеческого ума, олицетворяющее собою прогресс со всеми присущими ему благами и возможностями, то и дело грозит нам уничтожением. Ныне цивилизация нависла над нами зловещей тенью и может в любую минуту обратиться в прах и нас, и самое себя. Не оттого ли, что эта великая цивилизация лишена души? Не оттого ли, что, затратив гигантскую энергию мысли, дабы обрести власть над материей, проникнуть в ее тайны, познать законы управления ею, мы напрочь забыли о том, что,

возможно, и мы, люди, подчиняемся неким законам, которые управляют нашим развитием, и отказались от попыток хоть

в какой-то степени понять свою истинную природу и нашу взаимосвязь с той Вселенной, в которой мы живем? В этом, очевидно, наша главная ошибка - в неумении и нежелании понять окружающий мир и приспособиться к нему. Мы, имеющие, казалось бы, все, не имеем ничего. У нас нет чувства внутренней уверенности, защищенности, которое было у наших дедов, нет и той духовной убежденности, которая была присуща тем, кто жил в так называемую мрачную эпоху средневековья. Никогда раньше в мире не высказывалось столько прекрасных идей и не выдвигалось таких удивительных проектов, как сегодня. Но в то же время, никогда еще жизнь не стоила так дешево, ибо никогда в прошлом человечеству не угрожала опасность погибнуть страшной смертью или вести жалкое, призрачное, бесплодное существование, в котором, кажется, все нормы жизни попераны, выхолощены и лишены смысла.

Наш прекрасный мир превратился в своего рода ад; и если мы не осознаем этого, то только потому, что не хотим осознать. Мы постоянно обманываем самих себя. И, наверное, пришло время задуматься - можно ли назвать жизнь цивилизованной, когда двести тысяч человек могут быть в одно мгновение превращены в пепел от слепящей вспышки одной только атомной бомбы; когда города обращаются в дымящиеся руины; когда беременная женщина пилотирует боевой истребитель; когда семнадцатилетнюю девушку-партизанку за убийство сотен врагов считают героем, а десятилетнему мальчику присваивают высокие награды за снайперскую стрельбу и подрывную работу; когда ни в чем неповинных людей захватывают в плен в качестве заложников, каждую минуту угрожая им расстрелом. Спросим себя - к чему это может нас привести?

Природа в сравнении с нами несравненно милосерднее. Идет ли дождь, падает ли снег или палит тропическое солнце, раскаляя воздух джунглей, - во всем есть равновесие и смысл, чего никак нельзя сказать о нашей беспорядочной, суетной, полной тревог и страхов цивилизованной жизни. Ночью, когда мы смотрим на звездное небо, кажется почти невероятным, что звезды продолжают безмятежно сиять в то время, когда повсюду в мире происходят ожесточенные конфликты, полыхают гражданские войны, в которых гибнут тысячи людей, рушатся домашние очаги. Нас поражает то, что птицы начинают петь, едва лишь умолкнут канонады пушек и стихнут сирены. Иногда создается впечатление, что мы живем в каком-то кошмарном сне, который должен вот-вот закончиться - и тогда весь мир обретет ту гармонию и покой, войдет в тот ритм, который присущ природе. Извечный путь Земли, как и все в космосе, подчинен определенным законам и составляет часть великого целого. А в мире людей мы наблюдаем хаос, разлад, вопиющие несоответствия: безграничное богатство, которое не используется во благо и зачастую бессмысленно расточается; злоупотребление неограниченной властью, от имени которой творится несправедливость; чрезвычайно мощные, обладающие огромными возможностями организации, которые несут разрушение или насилие.

Однако мы не хотим понять, что опасен тот разлад, который происходит именно внутри нас, а не вовне. Люди по-прежнему цепляются за опробованные, привычные средства: одни считают панацеей от всех бед демократию, другие - коммунизм, третьи убеждены,

что для разрешения проблем необходим национал-социализм. Одна группа настаивает на необходимости экономических преобразований, другая делает ставку на социальное развитие, третья - на образование, и так далее, и так далее. Первую и вторую мировые войны не смогла предотвратить и религия, хотя страны, участвовавшие в этих войнах, взывали к своему Богу, прося Его даровать им силу и привести к победе. Религия ничего не смогла изменить в ходе этих войн, хотя помогла тем, кто искренне верил, укрепиться духом и принять выпавшие на их долю испытания мужественно и со смирением. Сегодня человечество пребывает в состоянии более тяжелом, чем когда бы то ни было - и это несмотря на то, что в наши дни широкое распространение получила идея всемирного братства, идея объединения стран и народов в рамках системы всеобщего сотрудничества. Большую тревогу вызывает то, что в сердцах людей незаметно поселились равнодушие и жестокость, нечто вроде горького старческого цинизма, который мирно уживается с извечными человеческими чувствами - состраданием и добротой. Верят ли наши современники в возможность прочного мира, в спокойную жизнь, в свободу и счастье, о которых мечтает каждый человек? Верят ли, что ненависть между народами будет преодолена, что человечество в конце концов придет к истинной религии, религии в высшем смысле этого слова? Прикладывают ли они к этому усилия, делают ли что-нибудь в этом направлении? К сожалению, нет. Большинство людей не верит в возможность решения этих вопросов и не утруждает себя попытками воплотить мечты в реальность.

Человек склонен считать себя центром мироздания - персоной номер один, думать в первую очередь о себе. А что же такое он на самом деле, этот <номер один>, эта персона, которая занята лишь собой, озабочена только своими личными интересами? Что он представляет собой с биологической точки зрения - это ясно, психологическая мотивация его поведения тоже достаточно изучена. Но не в биологической природе и не в психологии человека кроется источник его трудностей, и не в них коренится то, что сулит ему надежду. Дело в том, что существует некая таинственная внутренняя сила, которая и делает человека человеком, и в этой силе - его суть. Что же это за сила и как нам с ней поступать? В сегодняшнем мире, где повсеместно царит разлад, люди постоянно нарушают законы, которые определяют развитие человека как личности. Они больны изнутри, изуродованны, недоразвиты по самой своей сути. Неудивительно, что в результате возникает хаос. Там, где, скажем, должно быть гладко - ухабы, то, что должно быть прямым, - искривлено, там, где должен царить покой, бушует буря. Кажется, что все против нас, все идет вкривь и вкось, во всем царит неразбериха; а причина этого в том, что мы сами себе не хозяева. И хуже того - зачастую мы просто не представляем, что такое мы, совершенно незнакомы с нашим истинным <я>.

Всякий человек, живущий в цивилизованном обществе, знает, что для того, чтобы вести самолет, необходимо соблюдать определенные правила; знает, что болезни распространяются вирусами и микробами - возбудителями, которые могут передаваться от одного человека к другому; знает, что радио - это не чудо, а гениальное использование определенных физических явлений. Многие знают, как управлять сложной машиной. А многие ли при этом знают хоть что-нибудь о своей человеческой сущности? Многие ли счастливы - не просто погружены в удовольствия или увлечены чем-то, не просто заняты интересной работой, а именно счастливы, по-настоящему и до глубины души? Мы знаем, что острым можно обрезать, что огонь обжигает, что при падении с высоты разбиваются; однако мы и не подозреваем, какой вред причиняем

себе, когда раним и ломаем свои души, и вовсе не задумываемся над тем, сколько наших способностей атрофируется лишь потому, что мы их не используем, сколько невидимых составляющих нашего существа становятся из-за этого неполноценными. Человечество мечется в поисках панацеи от всех бед. Деятельность союзников по окончании последней великой войны и образование в 40-50-х годах Организации Объединенных Наций дали исстрадавшемуся и жаждавшему мира человечеству надежду на облегчение в будущем. Однако заключался один договор за другим, а войны продолжали вспыхивать, и проблемы человечества так и оставались нерешенными. Как морские волны, накатывающиеся на берег, одна за другой следуют международные конференции, но все они либо терпят полный провал, либо лишь на недолгий срок приносят положительный результат - и то частичный - в то время как мировые проблемы стоят перед человечеством с прежней остротой. День за днем в эфире звучат политические лозунги и обещания. Ими пестрят газетные полосы по всему свету; мы устало проглядываем их, заранее зная - ничего нового в них нет, а мирный и разумный выход из тягостного, мучительного состояния, в котором пребывает человечество, еще не найден. Если бы какой-нибудь пришелец из космоса, разумный и бесстрастный наблюдатель, посетил нашу планету, его, наверное, поразила бы та безостановочная лихорадочная деятельность, которой занято человечество. Люди ни на минуту не остаются в покое, они все время находятся в движении, постоянно ускоряя темпы. Это относится не только к физическим скоростям, которые становятся просто фантастическими благодаря современным техническим средствам, но и к области интеллектуальной и эмоциональной жизни. Можно без преувеличения сказать: среди цивилизованных народов нет людей, которые жили бы спокойной размеренной жизнью. Кажется, что в мире действует какая-то мощная центробежная сила, стремящаяся оторвать людей от самих себя. Деловая активность и развлечения - вот что определяет темп нашей жизни. Мы расходует нашу энергию на множество разных дел, но лишь малая ее толика идет на истинно полезную деятельность - создание мирного, стабильного и счастливого сообщества людей. Примером такой бессмысленной траты нашей энергии служат бесконечные споры, в которые, за редким исключением, вовлечены почти все: все кого-то осуждают или критикуют, будь то политические партии или религиозные объединения, народы отдельных стран, социальные группы или целые расы. Редко можно услышать, чтобы кто-то критиковал самого себя, а если это и делается, то, как правило, является уступкой вежливости, а не искренним признанием своей вины. Нет ни одной державы, у правительства которой хватило бы мужества заявить: <То, что происходит сегодня в мире,

в значительной мере вина нашего народа; если бы он больше заботился о всеобщем благе, способствовал установлению взаимовыгодного сотрудничества, создал более справедливую модель внутригосударственной жизни, возможно, за ним последовали бы и другие народы; мы могли бы тогда избежать разрушительных войн, не заключать договоров, которые сами же и нарушаем, не тратить времени на бесполезные пререкания и бесконечные обвинения в адрес друг друга; будь это так, нам, возможно, не пришлось бы теперь вкладывать миллиарды в производство изощренных средств массового уничтожения, в которых мы видим способ улаживания наших споров>. То же относится и к различным социальным группам. Владельцы капитала отнюдь не склонны мучиться угрызениями совести и признавать свои ошибки точно так же, как не склонны к этому и те, кто на них работает. Не являются здесь исключением представители <белых> и

<черных>, политические партии и фракции. Что бы ни случилось, все ищут виноватых. То, что происходит в обществе и характерно для деятельности социальных групп, переносится и на личные взаимоотношения между людьми. Мы не управляем собой, не берем на себя ответственность за свои поступки - в первую очередь потому, что не знаем самих себя.

Если люди не познают свою истинную природу, если они не постараются проникнуть в свою суть с тем, чтобы научиться влиять на формирование собственной личности и управлять собой, то невозможны будут в человеческом обществе перемены к лучшему. Мы разрабатываем чудесные планы построения будущего, но выбранная нами конструкция неустойчива. Она то тут, то там проседает, поскольку строительный материал непрочен и не выдерживает нагрузки. А ведь материал этот - мы сами. Мы похожи на человека, который, желая участвовать в Олимпийских играх, пьет, курит, недосыпает, и при этом еще совсем не тренируется. Подобно избалованным детям мы твердим, что не сможем стать олимпийскими чемпионами только потому, что соперник слишком силен, закрывая глаза на истинную причину - мы все делаем не так, как надо. Грандиозные планы будущих преобразований располагают к умозрительным размышлениям. Общественная безопасность, демократическое устройство жизни ранее угнетенных народов, международный банк, резерв продовольствия - красивые, удобные слова, которые с такой легкостью привлекают миллионы людей. Но вот перестроить, полностью изменить внутреннюю жизнь почти четырех миллиардов человек!.. Тут не хватит никакого воображения, да и стоит ли тратить время на обдумывание подобных глупостей! Но вернемся к роли отдельной личности. Обычно количество людей, оказывающих влияние на ход истории, исчисляется не трех- или четырехзначными цифрами, а единицами. Хотим мы это признавать или нет, но неопровержимым фактом остается то, что один человек или горстка людей могут, словно дрожжи, поднимать огромную массу народа. Нет необходимости пытаться за один день изменить миллионы людей; достаточно тысячи или сотни. Такая возможность всегда существует благодаря необыкновенной способности человека обучаться. Человек - существо чрезвычайно чувствительное и восприимчивое. Он реагирует не только на сильные внешние раздражители, но и на тонкое воздействие. Даже самый грубый, неразвитый представитель рода человеческого откликается на доброту и вежливость, способен воспринимать гармонию. Нет гарантии, что эти силы добра смогут полностью преобразить человека, особенно если он уже перешагнул порог зрелости, но они, безусловно, не оставят его безучастным.

Представим себе некую фантастическую ситуацию, при которой стало возможным изолировать от общества, скажем, группу американских младенцев

и воспитывать их в условиях полной обособленности от других людей; можно не сомневаться, что тот, кому будет поручено их обучение, сможет внушить им все, что угодно - вплоть до того, что они есть некий вид розовой ящерицы; он сумел бы научить их любым, самым невероятным вещам, например, говорить на древнегреческом языке, есть с помощью ног и тому подобное; и если индивидуумы, сформировавшиеся в ходе этого эксперимента, не будут ни с кем общаться, кроме своего наставника, то они, несомненно, будут непринужденно говорить друг с другом на древнегреческом и при еде ловко пользоваться ногами. Мы хотим сказать этим лишь одно - да, мир нельзя переделать в одночасье, но можно подобрать группу людей, которые отважились бы

стать первопроходцами - научились жить, используя все богатство присущих человеку практически неисчерпаемых возможностей; и тогда, несомненно, явился бы на свет тот высокоразвитый тип человека, который служил бы образцом для других и которому другие хотели бы следовать. Борьбу за любой новый способ действия можно считать наполовину выигранной, когда способ этот можно продемонстрировать на практике, доказав, что это не просто теория, но отработанный и усовершенствованный в реальных жизненных условиях метод.

В истории немало примеров того, как один человек поднимал, словно дрожжи тесто, огромные массы людей; так неужели и сегодня в мире не найдется горстки поистине просвещенных и преданных своей идее людей, наделенных правильным пониманием жизни - пониманием, точно соответствующим потребностям современной эпохи - и в силу этого способных стать двигателем в процессе преобразования мира? Да не поймут нас превратно. Мы вовсе не хотим принизить необходимую, полезную и заслуживающую всяческой похвалы деятельность иных правительств, организаций и отдельных людей, которые стремятся осуществить преобразования в своих странах и решить стоящие перед ними многочисленные экономические, социальные и национальные проблемы. Их усилия есть не что иное, как поиски путей изменения того механизма, который приводит в движение колесо жизни, и направлены они на усиление действия центростремительных сил в жизни человеческого общества в противовес ужасающей активности центробежных сил, действующих в сфере человеческой морали; их деятельность - это эксперименты, часто, к сожалению, не соответствующие духовным потребностям человека; это наметки, если можно так выразиться, курса практического оздоровления духовной жизни.

Глава 2

Двойственная природа Человека

Несколько упрощая действительность, можно сказать, что в сегодняшнем мире бытуют две основные концепции, касающиеся природы человека; согласно первой, человек представляет собой некое сверхразвитое животное - под этим <сверх> подразумевается чрезвычайно высокое развитие его психики; согласно другой, человек - это существо, отличающееся от всех других созданий некими внутренними качествами, благодаря которым он как личность продолжает существовать после физической смерти.

Судя по историческим данным, человек не только всегда верил, что существует некая непостижимая сила, превосходящая его самого - он был при этом глубоко убежден в том, что сам он каким-то образом к ней причастен.

И именно религия изначально была тем историческим феноменом, который неизменно сопутствовал человечеству на всех этапах его развития. Все народы и племена земного шара всегда исповедовали какую-либо религию, и не будет преувеличением сказать, что религиозный инстинкт находит то или иное проявление у всех человеческих сообществ. Письменные памятники истории помогают понять механизм возникновения религий. Человек, называющий себя Пророком, заявлял своим собратьям, что у него есть для них некое послание, полученное непосредственно от <Бога>. А далее события разворачивались следующим образом: у него появлялись последователи, его Учение широко распространялось, с быстротой лесного пожара охватывая страны и народы, и в

конце концов коренным образом изменяло общество, заставляя людей отбросить старые верования и представления. Воздвигались храмы, вводились новые законы, создавалась новая культура. Приблизительно таким был путь развития всех ныне существующих мировых религий. В их основе лежит одна фундаментальная доктрина: Бог един; человек создан по Его подобию; он должен следовать <Золотому правилу> и подчиняться <Божественным законам>.

Тема религии будет затронута далее. Здесь же важно отметить, что человек, в силу некоей присущей ему особенности и благодаря влиянию Пророков - основателей религий, а также великих реформаторов и учителей, которые следовали за Ними, всегда верил и верит до сих пор, что и после смерти он будет существовать как личность, в виде души или духа; и это вопреки сумбуру, внесенному в его сознание материалистическими и атеистическими доктринами, порожденными современной цивилизацией. Если человек верил в это в прошлом, когда материя представляла перед ним как твердое, непроницаемое нечто, а представления о природе души как некоей эфемерной субстанции были весьма туманными, насколько проще поверить в это человеку нашего времени, когда наукой доказано, что в основе материи лежит крошечный сгусток электричества крайне малых напряжений, в котором, вопреки ранее принятым представлениям, практически отсутствует вещественный субстрат. И уж если что-то и должно убедить неверующих и агностиков в существовании души, так это величественное чудо космоса с его бесчисленными галактиками. Такой великолепный, упорядоченный механизм, управляемый незыблемыми законами и включающий в себя такое многообразие форм, может быть случайностью не в большей степени, чем случайно устройство отлично отлаженных швейцарских часов.

У космоса должен быть Создатель, и не подтверждает ли Он косвенным образом то, о чем всегда от начала времен возвещали Пророки, облакая это в простые и доступные людям слова: <Вы - дети Бога; Он взрастил вас; к Нему вы все вернетесь>.

Если признать тот факт, что мы, люди, есть некая неоднозначная величина, поскольку в нашем уравнении есть неизвестное - <икс> (чего нельзя сказать о всех прочих живых существах), не должны ли мы сделать из этого вывод о том, что большая часть проблем современного мира, таящего в себе столько удивительных возможностей, проистекает из нашего полного незнания этой загадочной величины, подчиняющейся, как и все сущее во Вселенной, определенным законам, которыми мы, по невежеству своему, пренебрегаем и которые то и дело нарушаем?

Человек - изумительное существо. Как ни загадочна туманность, как ни совершенен кристалл, как ни сложно устройство атомного ядра, их нельзя сравнить с человеком. Сложнейшая и совершенная организация его тела, сокровищница его ума, богатейшая гамма чувств - все это, поистине, делает его венцом Творения. Его способность к совершенствованию практически безгранична. Сверхзвуковой реактивный самолет является чудом человеческой изобретательности, но сколь далеко ему до совершенства человека, того поразительного существа, которое пилотирует этот самолет - поднимает его с аэродрома, ведет сквозь стратосферу, а затем благополучно сажает на другой стороне земного шара. Человеческий род, кажется, наделен неограниченными возможностями. Он может породить мученика, который спокойно, с достоинством и чуть ли не с благодарностью принимает смерть у позорного столба, исполненный такой непоколебимой убежденности в том, что умирает за лучший мир, что в это почти

невозможно поверить; но род человеческий может породить и чудовище - изобретателя садистских пыток, чья жестокость и варварское упоение разрушением страшнее и отвратительнее кровожадности самых агрессивных хищников. Он может гордиться тем, что подарил миру Шекспира, Бетховена, Рембрандта, Дарвина, Эйнштейна и покрыть себя позором, явив на свет Нерона и Гитлера. Он рождает бесчисленных героев и героинь, и одновременно - орды преступников. Ясно только одно - человеческие существа обладают поразительными способностями и наделены колоссальной энергией. Исходя из достижений человечества, мы можем утверждать, что не существует, в принципе, ничего такого, чего люди не могли бы добиться, если, конечно, они поставят перед собой соответствующую задачу и попытаются открыть законы, которые помогут им осуществить задуманное.

Что предстает нашему взору, когда мысленно мы окидываем картину тех бедствий, от которых сегодня страдаем? Перед глазами отчетливо проступает зло, которое в избытке со знаком <плюс>; почти столь же четко очерчивается добро - но оно в недостатке, со знаком <минус>. Памятуя о том, что нас интересуют проблемы индивида, а не проблемы правительств и общественных движений, мы, вглядываясь в картину мира, видим, что ненависти и неприязни среди людей сегодня намного больше, чем любви и сострадания; предрассудки и нетерпимость возобладали над терпимостью и пониманием; равнодушие к страданиям других, себялюбие, ложь, пьянство, наркомания, количество разводов и преступлений возрастает с каждым днем. Все это свидетельствует о нарастающем зле, о его избытке. Менее очевидно, но не менее опасно такое зло, как цинизм, отчаяние, незаметно подкрадывающиеся сомнения в ценности добра и в том, что добро вообще стоит творить, когда столько людей вокруг не прилагают к этому ни малейших усилий, а также ощущение, что бороться в одиночку бесполезно, что легче сдаться и плыть по течению. К понятию <добро, которое в минусе>, мы могли бы отнести все то, что создает преграды между людьми: это сектанство и групповщина, служащие интересам лишь узких, замкнутых сообществ; это попытки улучшить условия жизни большинства за счет или в обход благополучия различных меньшинств; это эксплуатация одних народов другими.

Правительства стараются облегчить положение человека, проводя реформы и осуществляя новые программы; медицина представляет в его распоряжение средства, облегчающие бремя его недугов; психология помогает понять, как работает его мозг и благодаря этому преодолеть многие, казавшиеся прежде неразрешимыми, проблемы. И все-таки человек не обрел уверенности в себе, он чувствует, что по-прежнему несвободен и несчастлив. И что за польза ему от этого прогресса, от всех усовершенствований и преобразований, если он не уверен в себе и не может обрести покой.

Человеку необходимо найти определенный полюс, сориентироваться на что-то, что является неизменным и стабильным. Ныне же стрелка его компаса то и дело колеблется; не успев прибыть в пункт назначения, он обнаруживает, что это вовсе не то место, куда он стремился. Радость исполненной надежды тут же улетучивается. Ни успех, ни богатство, ни брак, ни дети, как правило, не приносят, человеку того, чего он от них ждет, - радости и постоянного чувства удовлетворения. Он трудится годами, часто всю свою жизнь, пытаясь добиться определенного положения, а когда он его достигает, оказывается, что все было напрасно, что он по-прежнему не удовлетворен. Но вместо того, чтобы сказать: <Виноват, наверное, я сам, что-то во мне не так>, он скорее всего

будет утверждать, что ошибся в пути, пропустив где-то нужный поворот. Мы часто думаем, что нам больше всего на свете нужно именно то, до чего мы чуть-чуть не дотянули. Мы не хотим всмотреться в свое внутреннее <я>, не пытаемся разглядеть, что там у нас внутри, что нужно расставить по местам, что расчистить, какие чудесные инструменты нам даны для того, чтобы мы могли бы получать от жизни глубокое удовлетворение.

Возможности человека неограниченны. На Востоке есть люди, которые, подняв вверх руку, держат ее в таком положении двадцать, а то и тридцать лет, до тех пор, пока мышцы ее не атрофируются и ее нельзя уже будет опустить.

Есть люди, которые проходят по канату над Ниагарским водопадом; есть такие, которые могут удерживать на кончике носа стол, стулья и еще массу других предметов. Хирурги проводят тончайшие операции на ткани мозга, на глазах, на сердце, сшивают нервы. Физики и математики совершают такие научные открытия, которые кажутся почти невероятными. За счет чего удастся людям решить эти удивительные и сверхсложные задачи? Ответ один - за счет силы воли, тренировок, усилий. Человек - существо обучаемое, он способен освоить практически все. Страдающие бессонницей с помощью аутотренинга начинают спать, пьяницы и наркоманы избавляются от своего пристрастия, заики выучиваются говорить гладко и не запинаясь. Как они этого добиваются?

Упорством, терпением, тренировкой. Для человека нет почти ничего недостижимого. Так неужели невозможно, чтобы люди стали счастливы, научились сами строить свою жизнь? Трудно поверить, чтобы это было им не под силу. Природа исполнена покоя и радости, хотя и бывает сурова к своим детям. Все в мире уравновешено и имеет свое место и предназначение. И людям, несомненно, определено место, каждому свое, точно ему соответствующее, место, найдя которое, человек может развить то, что в нем заложено, обрести свою меру счастья; но пока человек не станет самим собой и не постигнет те законы, которые управляют его внутренним бытием, до тех пор он будет неприкаянно блуждать по жизни. Нам кажется неуместным подкреплять доказательствами или пространными цитатами последующие рассуждения; они приводятся здесь как очевидные истины, на основании которых можно сделать некоторые выводы и дать практические рекомендации.

Человек - единственный из всех существ - наделен двойственной природой, и эта двойственность проявляется в том, что у него есть не только тело, но и душа - неумирающая, бессмертная душа. Наличие духовного начала - это и есть то главное, что определяет сущность человека, то, что отличает его от всех прочих живых существ. Этот уникальный дар дается человеку в момент его зарождения, то есть в момент зачатия эмбриона, и именно в нем заключается неповторимость каждого человеческого индивидуума, основа его личности. Тело человека почти не отличается от тела животного; его потребности, желания и инстинкты во многом те же, что и у четвероногого. Как и любая другая форма жизни на нашей планете, тело живет только раз, оно рождается, растет, умирает, распадается; с телом связаны такие состояния, как голод, старение, страх, привязанность, гнев, удовольствие

и тому подобное; и хотя человек испытывает все это по-своему, но по существу во всех этих проявлениях он мало отличается от любого представителя животного мира.

Высший дар Бога человеку - это его душа, нематериальная реальность, связанная с телом через функции его мозга и наделенная индивидуальностью, сознанием, высшими

психическими способностями, а также тем, что можно назвать духовной силой - качеством, не существующим в животном мире. Душа человека начинает свое существование вместе с его телом, другими словами, в момент зачатия, и пока живет тело, она находится в постоянной связи с ним, взаимодействуя с телесными функциями, постигая опыт земной жизни. Душа не умирает со смертью тела, напротив - она обретает свободу и продолжает жить вечно - как индивидуальность человека, как неповторимая личность, сознающая самое себя и других.

Душу можно сравнить с наездником, а тело с конем. Если наездник недостаточно умел, если он не настолько владеет своим искусством, чтобы при езде конь и человек сливались в единое целое, то ему приходится либо беспрестанно взнуздывать коня, либо в конце концов бросить поводья, подчинившись его воле. Нынче почти все мы изо всех сил стараемся удержаться на коне, который несется вскачь, закусив удила; но правим мы не очень хорошо, и на уме у нас только одно - как бы не упасть, как бы другие не заметили, что мы едва удерживаемся на коне. Мы скверные наездники; нам бы хорошую школу верховой езды, да построже!

Давайте рассмотрим эти две стороны человеческой природы. Мы знаем, что у тела есть свои, специфические, потребности, и потому логично предположить, что таковые должны быть и у души. Тело - чувствующая машина и его, как и всех животных, прежде всего заботит, как заручиться всем, что ему необходимо и обеспечить столь желанный для него комфорт; и еще - как выполнить великий биологический закон природы - закон воспроизведения потомства, чтобы сохранить вид. Вместе с тем тело человека, в силу его уникальной организации, способно, благодаря взаимодействию физических способностей человека с его иными, высшими способностями - силами его души и ума, достигать известного совершенства, позволяющего ему обрести определенную степень свободы от природы, которая неведома животным. Человек до известного предела свободен в выборе того, как ему жить, тогда как всякое животное живет так, как ему определено. Человек использует свои природные возможности (при этом зачастую злоупотребляя ими) таким образом, как этого не может сделать ни одно животное. Возьмите, к примеру, половой инстинкт; у рода человеческого он стал чем-то совершенно иным, чем у животных; он может быть связан с самыми бескорыстными, нежными и прекрасными чувствами любви и жертвенности, а может быть низведен до извращений, садизма, излишеств, не существующих в животном мире. Принятие пищи человек превратил в своего рода искусство, способ получения удовольствия, предлог для общения; иные через питание заболевают, другие, наоборот, излечиваются от болезней. Иными словами, даже наша животная природа наделена свободой, недоступной другим животным существам.

Каковы же потребности нашего высшего, духовного начала, которое пребудет вечно? Тело знает свой путь - оно должно расти, набираться сил, удовлетворять свои потребности; оно знает также, что в конце концов обратится в прах. Большинство из нас, весьма поверхностно осознавая природу своего истинного <я> и почти не уделяя внимания внутренним потребностям души, едва ли когда задумывается - получает ли душа то, что ей нужно, в добром ли она здравии, какое будущее ее ждет? Между тем, именно состояние хронического духовного голода, постоянное пренебрежение потребностями своего истинного <я> является главным препятствием на пути человека к

подлинному счастью. Мы нередко встречаем людей, у которых с материальной точки зрения все хорошо - они здоровы, богаты, у них есть семья, время для досуга; но при этом они, не зная покоя, лихорадочно мечутся от одного развлечения к другому и никогда не испытывают удовлетворения; они без оглядки бегут по жизни - в действительности же стараясь убежать от чувства глубокой внутренней неудовлетворенности, иными словами, от своей изголодавшейся, несчастной души. Другие же, если и задумываются о том, что же они на самом деле собой представляют, то нередко испытывают раздражение, а порой и неприязнь по отношению к своей внутренней сути; они размышляют примерно так: <Послушайся я тебя, разве были бы у меня удовольствия в жизни!> Несомненно, такой подход к нашей сокровенной внутренней сути свидетельствует о нашем безрассудстве и незрелости. Все в природе движется слаженно, пребывая в рамках вполне понятных законов. Почему же тогда мы, высшая форма творения, не в состоянии установить гармонию между двумя заложенными в нас началами - душой и телом? Почему мы не способны обрести радость, и - самое драгоценное - душевный покой, удовлетворить все наши потребности: и материальные, и духовные?

Сознание, разум, способность любить - самые прекрасные наши качества. Их можно сравнить с зеркалом: если повернуть зеркало вниз, к земле, в нем отразится чернота, если же повернуть его к солнцу, то оно наполнится таким ослепительным светом, что от отраженных им лучей вспыхнет вокруг все, что только способно гореть. Именно эти наши качества и есть тот компас, по которому мы должны определять свой курс. На что же нам сориентировать его стрелку? Можно - на незыблемую высшую ценность, которая пребывает неизменной, - на своего рода духовную Полярную звезду. А можно - на очередную прихоть, очередную сиюминутную цель - сегодня это будет новый автомобиль, завтра - дачный домик, послезавтра - еще что-нибудь. Выбор за нами.

Прежде чем мы попытаемся понять, как на самом деле нужно заботиться о потребностях нашей души, давайте спросим себя - а в чем ее предназначение? Никто, кроме Пророков, до сих пор не дал определенного ответа на этот вопрос; Пророки же - все до одного - учили, что Бог создал нас, чтобы мы познали Его и шли тем путем, который Он указал нам, исполнившись любви к Нему и вкушая от Его бессмертия. Живя в этом мире, мы не можем в полной мере понять, что такое бессмертие; это доступно нам не более, чем ребенку, находящемуся во чреве матери, доступно понимание того, что ему предстоит, когда его крошечное существо явится в новый мир. Бог, Создатель всего сущего, сотворил мир таким, чтобы в результате долгого, удивительно сложного, многогранного процесса развития возник плод; и этот плод - мы. Живя на земле, мы, подобно находящемуся в утробе младенцу, готовимся к переходу в иной мир. Поначалу мы формируемся в нашей временной, земной оболочке и у нас, так же, как у ребенка в материнской утробе, развивается два жизненных механизма - тот, которым мы пользуемся в этой жизни, и еще один, который с точки зрения удовлетворения наших телесных потребностей представляется почти бесполезным. Пока ребенок, сжавшись в комочек, заключен в темной, непроницаемой для света, наполненной жидкостью оболочке, кажется бессмысленным то, что у него развиваются различные органы. В самом деле, зачем ему зрение, когда вокруг темно, или дыхание, когда вокруг нет воздуха, или конечности, когда нет возможности передвигаться, или органы речи и слуха - ведь он не может ни говорить, ни слышать; но при этом мы знаем, что если ножка

ребенка окажется недоразвитой в утробе, то он родится калекой, если у него не сформируется орган зрения, он никогда не сможет увидеть мир, и так далее. Если бы неродившийся младенец был способен думать, он счел бы все свои формирующиеся органы абсолютно бесполезными и ненужными; но ведь именно они и составляют основу его будущей жизни. То же, в значительной мере, происходит и с нашей душой в этом мире: здесь, на первом этапе своего пути, она должна развить определенные свойства; если этого не произойдет, то когда она родится вновь, иными словами, расстанется с телесной оболочкой и вступит в новую, вечную жизнь, ей будет не хватать чего-то очень важного - она будет калекой.

Спросим себя - каких главных черт, присущих человеку, не обнаруживают животные? Быть может, это подскажет нам, какие свойства нам необходимо развить здесь, на земле, для того, чтобы стать счастливыми в этой жизни и обрести вечное блаженство в жизни будущей. Человек наделен даром любви - он любит своих братьев, идеалы, красоту, знания, и прежде всего - своего Создателя; этого дара совершенно лишены животные. Следовательно, любовь есть одно из бесценных свойств человеческой души, и человек должен стремиться развивать это свойство в течение всей своей земной жизни. Человек наделен способностью к аналитическому мышлению, способностью к познанию; и опять - он должен совершенствовать силы своего ума здесь, на земле, чтобы и в этом мире, и за его пределами он мог постигать смысл и таинственный механизм жизни, замысел творения. Человек способен на переживание, ему присущи целая гамма чувств: сочувствие, жалость, доброта, терпимость, прощение, и ему необходимо обрести эти бесценные человеческие достоинства в этом мире, дабы они послужили ему в мире будущем. Человек способен к самопожертвованию, может многое вынести благодаря чувству долга, любви или справедливости. Эти качества мы также должны воспитать в себе, сделав их основой нашей первоначальной земной жизни. Некоторые люди обладают удивительным свойством - они светятся изнутри, и кажется, что им дана особая радость, убежденность, понимание смысла своего существования и существования Того, Кто призвал их к жизни; они выделяются этим среди прочих людей, вызывая у одних зависть, у других - восхищение. Эта радостная спокойная внутренняя уверенность - уникальное свойство нашей души, и его можно и нужно развивать здесь, в этом мире. Еще одно бесценное свойство человека - вера, способность доверять; эта та убежденность сердца, которая, в отличие от чисто интеллектуальной убежденности разума, не нуждается в доказательствах и научном подтверждении, она сродни способности любить; вера - чудотворная сила, которая способна оказывать великое преобразующее воздействие на человека. Веру тоже нужно взрастить на земле.

Извечный призыв <Познай себя> - краеугольный камень жизни. Причащаясь Божественного бессмертия, мы обретаем почти безграничную способность к развитию. Истинный мир и истинные чудеса - внутри нас. Читая Шекспира, следя за опытами физика, следуя за логическими умозаключениями ученого, наблюдая, как гигантский ревуший авиалайнер идет строго по курсу, мы восхищаемся великими достижениями человеческого ума. И как редко мы осознаем, что все это родилось в глубине чьей-то души, что внутри нас есть гигантский источник энергии, которым нужно только уметь воспользоваться и направить в новое, творческое русло.

Животное не может грешить. Его поступки определены его инстинктами, и каждое мгновение своей жизни животное свободно не более, чем дерево или камень. Мы же, пусть относительно, но свободны, ибо у нас есть право выбора. Наш выбор может зависеть от нашего окружения, но в определенных пределах мы вольны сами решать, как поступать. В этом и заключается торжество Человека. Свободная воля - великий дар его души. Если бы человек на деле не мог делать собственный выбор, он был бы просто животным, развивающимся по заданной программе. Богу же было угодно, чтобы Его создание верило в Него и любило Его не по принуждению. Он возжелал, чтобы Его возлюбили ради Него Самого, ибо только любовь по свободному выбору дарит радость; оттого Он и наделил Свое высшее творение - человека - свободной волей, благодаря которой тот может изменять свой характер, духовно расти, познать радость преодоления и счастье любви к Богу. Наша воля - это наше кормило; по своему выбору мы можем установить стрелку нашего компаса в направлении к истинному Полюсу - настоящей, достойной цели, или же, повинувшись мимолетной прихоти, повернуть ее в противоположную сторону; мы можем обратить удивительное зеркало нашей души вверх, так, чтобы уловить свет, излучаемый Движущей Силой Вселенной - Богом; а можем повернуть его вниз и направить к темному миру - миру тела. Обращая зеркало вверх, мы делаемся добрее, становимся хозяевами своей жизни, обретаем покой, уверенность и счастье. У нас появляются силы творить добро и созидать, иными словами, мы обретаем истинно человеческие качества, которыми мы и отличаемся от всех прочих существ. Повернув зеркало вниз, мы становимся хуже самого дикого зверя; ненависть в сочетании с хитростью - самое отвратительное, что только можно себе представить. Пропасть, в которую может пасть человек, поистине бездонна. Наша жадность, похоть, хладнокровная жестокость приносят в мир - тот самый мир, где все мы живем, - неисчислимые страдания. Обращая наше зеркало вниз, мы лишаем себя покоя, мы чувствуем, как нас снедает тревога и внутренняя неудовлетворенность, ибо оказывается поруганным наше истинное <я>, наша сущность, наша душа, которую мы так и не удосужились познать, а вместо этого понуждали к тому, что противно ее природе.

Все это хорошо в теории, но вопрос заключается в том, что же мы можем - и должны - делать? Что необходимо предпринять, чтобы начать двигаться в нужном направлении? Спросим себя - а почему мы вообще что-то делаем в этом мире (я не имею в виду то, что мы просто вынуждены делать: есть, спать, зарабатывать на жизнь и т. д.)? Мы делаем что-то, потому что мы этого хотим. Например, нужно бы почитать книгу, но так хочется танцевать

- и мы отправляемся на танцы. Мы едим и пьем то, что, по словам врача, медленно, но верно, разрушает наш организм - только потому, что не хотим отказать себе в удовольствии, хотя знаем, что это для нас плохо кончится. Никто не в силах заставить другого человека заглянуть в себя и что-то в себе изменить. Если у человека нет желания или силы воли, чтобы действовать, никто на свете не сможет ему помочь. Поступок зависит только от самого человека. В этом и заключается борьба между вами и вашим настоящим <я> - вашей сущностью. Даже тот, кто любит вас больше всего на свете, кто готов пожертвовать ради вас жизнью, не сможет сделать за вас то, что должны сделать для себя вы сами.

Из всех дел, которыми приходится заниматься в жизни, пожалуй, самое неприятное - это, оставшись наедине с самим собой, отбросить пелену гордыни и мелкого самодовольства

и внимательно взглядеться в собственный характер. Конечно, легче жить, питая в отношении себя приятные иллюзии, убаюкивая свою совесть забывчивостью или находя себе оправдания типа:

<Как раз сегодня у меня для этого нет времени> или же: <Это неприятно, а мне сейчас нельзя расстраиваться>. Это, конечно, может вас успокоить, но беда ваша останется с вами, внутри вас. И лучше всего для вас избавиться от нее сегодня, сейчас, не откладывая. Когда вырывают зуб, иногда бывает очень больно, но после удаления, боль проходит. Так и с душевной болью.

Устранив ее очаг, вы заметите, как постепенно будет проходить подспудно мучившее вас чувство усталости, тревоги, страха; вам больше не нужно будет прятаться от себя, боясь остаться с глазу на глаз со своей совестью, если только однажды вы прислушаетесь к тому, что она вам все это время пыталась сказать. И тогда вы обретете крепость духа, поскольку смелый поступок всегда наполняет человека сознанием собственной силы.

Но есть и еще один фактор, помогающий нам сделать первый шаг, - фактор более глубокий, более вдохновляющий, который оправдывает все трудности, неизбежно возникающие при первых попытках познать нашу истинную сущность, то, что непременно обеспечивает нам успех. Это тот же фактор, что лежит в основе саморазвития материи, определяя его закономерность. Предположим, нечто (клетка или семя), существующее вначале в единственном числе, начинает множиться: вначале оно удваивается, затем процесс повторяется, и мы получаем уже не три, а четыре, то есть в два раза большее количество; число четыре при следующем цикле увеличивается, но не на две единицы, а в два раза и сразу дает восемь, из восьми единиц образуется шестнадцать, из шестнадцати - тридцать две, из тридцати двух - шестьдесят четыре, из шестидесяти четырех - сто двадцать восемь. За семь циклов вы из одной единицы получаете сто двадцать восемь, поскольку рост в жизненных процессах происходит по закону геометрической прогрессии, а не по правилам сложения. Если бы развитие шло по правилам простого сложения, после семи последовательных действий мы получили бы всего восемь единиц вместо ста двадцати восьми. Так и в духовном развитии: каждый наш шаг вперед - это вовсе не медленное, ползком, взбирание наверх; это могучий рывок, колоссальное приумножение нашей энергии и способностей. Возможно, сделать эти первые шаги нелегко, но каждый из них даст поразительный результат, оправдывающий затраченные усилия.

Любое развитие - это поистине чудо: крохотное зернышко под воздействием лучей раскаленного шара, находящегося от него на расстоянии миллионов километров, за короткий срок превращается в огромное дерево, а почти невидимая яйцеклетка всего за какие-то девять месяцев развивается в существо, способное видеть, слышать, двигаться, а затем и мыслить, то есть в существо, воплощающее в себе всю силу жизни. Душа - такая же живая и жизнеспособная сущность, как зерно или яйцеклетка, и она столь же поразительным образом реагирует на воздействие тех сил, которые способствуют ее росту.

Приняв как данность то, что не только физический мир, но и мир духа подвластен определенным законам, мы можем задать вопрос: что же необходимо для духовного роста? Первое, изначальное условие - нужно оказаться под лучами солнца. Для нашей

души солнце - это любовь Бога, которую нам несут исходящие от Него лучи. Все живое растет на свету, преобразуя свет в необходимую для его роста жизненную энергию, все развивается благодаря силе света. Любовь Бога - это свет, необходимый для жизни души. Под его лучами душа расцветает, растет, наливается свежестью, обретает прекрасную форму. Многочисленные возникающие у нас <почему> - это то, что нам пока неизвестно. Мы не знаем, почему существует Бог. Мы не знаем, почему Вселенная именно такая, какая она есть. Мы не знаем, что такое Бог и что такое материя, как, в сущности, не знаем, что такое и мы сами. Но зато мы знаем ответы на вопросы, начинающиеся с <как?>: как мы произошли на свет становится ясно при изучении эволюции; как жить в этом мире наиболее полноценно нам помогают понять достижения науки. Нам также известен ответ на вопрос - как можно развить нашу внутреннюю сущность? Листья расправляют свои маленькие зеленые ладошки, стремясь получить максимум необходимого им света. Животные выходят из тени на солнце, чтобы погреться в его лучах и вобрать в себя его животворящую энергию. Хотя мы несоизмеримо выше по своему развитию, нежели растения и животные, нам, похоже, недостает того, чем наделены они - инстинктивного движения первых и незамысловатого здравого смысла вторых. Мы не пытаемся согреть свою душу в лучах духовного солнца; напротив, мы всячески отгораживаемся от него, захлопывая ставни заносчивости, недоверия или голого упрямства, холодом и голодом истязая свои несчастные души.

В этом мире нередко существование одного явления обусловлено отсутствием другого, противоположного первому. Так, темнота существует в том пространстве, где нет света; холод наступает тогда, когда уходит тепло, смерть - когда прекращается жизнь; ненависть овладевает душой, если любовь, постепенно убывая, незаметно уступает ей свое место. И если люди несчастны (а по большей части так оно и есть), то только потому, что они отторгли себя от той единственной силы, которая может дать им уверенность, радость, удовлетворение - силу любви, которую их Создатель непрерывно изливает на них и от которой они неизменно отворачиваются.

Глава 3

Дорога к счастью

Чтобы жить в мире и согласии с самим собой, человек должен соблюдать некоторые обязательные для него условия. Прежде всего он должен научиться любить Бога, поверив в то, что Бог существует, как существует и бессмертная душа самого человека. Он должен научиться молиться, научиться жить по-новому. Это необходимо для человека вовсе не потому, что иначе его можно будет в чем-то упрекнуть, и не потому, что ему за неверие грозит наказание адским огнем, и даже не потому, что обращение к вере вообще-то не самое плохое дело. Это необходимо ему, ибо условия, о которых мы упомянули, основаны на объективных законах, столь же непреложных, как закон тяготения или законы, управляющие движением атомов и звезд.

Почему нужно любить Бога? Растение любит солнце, говорим мы, ибо знаем, что стоит только поместить растение на солнце, как каждая его клеточка начинает интенсивно вбирать в себя солнечную энергию. Иными словами, растение реагирует на то, что наиболее полезно для его жизнедеятельности. Так и мы в глубине своего существа сразу

откликаемся на солнечный свет Божией любви, как только раздвигаем темные шторы, затемняющие его. Только вот реакция наша не может быть автоматической, она должна быть осознанной и разумной. В нашем мире не существует абсолютно бескорыстной любви; даже любовь матери к ребенку не свободна от самолюбия и гордости, хотя она и в высшей степени жертвенна. Только Он - наш Создатель - любит нас совершенной любовью, не помышляя получить от нас что-нибудь взамен. Почему это так? По двум причинам. Во-первых, потому что для Него любить столь же естественно, как для солнца светить; а во-вторых, Он не нуждается в нас и совершенно независим от нас, подобно тому, как Солнце не зависит от Земли. Будет ли жизнь на нашей планете или она исчезнет, Солнце по-прежнему будет излучать свет; любим ли мы своего Творца или нет - это совершенно не отражается на Нем, ибо Он не зависит от нашей любви, как не зависит ни от чего другого. Наша жизнь, однако, целиком и полностью зависит от Его любви. В чем выражается самая высокая и бескорыстная любовь, на какую способен человек? Мать, любя свое дитя именно такой любовью, стремится его воспитать, защитить от беды, сделать все, чтобы он вырос разумным, счастливым и сильным. Пусть эта человеческая любовь несовершенна, тем не менее она являет собой высшее и лучшее из того, на что мы способны. Такова же по своей природе и любовь Бога к нам; в основе ее лежит желание добра для всех нас и постоянная готовность прийти на помощь, но при этом она еще и совершенна, ибо в ней нет ни капли своекорыстия. Хотя нам трудно постигнуть это рассудком, мы непрестанно, образно говоря, купаемся в сверкающих лучах Божией любви, и все, что от нас требуется, - это снять заслоны, которыми мы себя окружили, и позволить этому высшему свету напитать наши души! Разве можно не откликнуться на воздействие подобной силы? Неужели мы менее чувствительны, чем растение, тянущееся к солнцу, неужели в нас заложено меньше способности любить Того, Кто любит нас, меньше, чем в детеныше волка или в цыпленке - ведь даже они любят свою мать.

Что такое вера? Нет ничего более важного, чем вера, ничего, что в большей мере способствовало бы успеху, но при этом она ускользает от определений. Возможно, будет легче понять, что это такое, если рассмотреть результаты ее воздействия на людей. Вера, доверие - огромная сила; иногда она опирается на осмысленное знание, иногда - на чисто интуитивное убеждение. Предположим, ученому известны какие-то конкретные, доказанные факты. Он убежден, что за ними кроется некий закон или функция, которые до сего времени не были определены или продемонстрированы. Эта убежденность позволяет ему продолжать поиск, помогает открыть ранее непознанное. Убежденность - это та самая сила, которая движет им на пути к новому открытию. С другой стороны, существует интуитивная, не основанная на фактах убежденность, в которой также заключена огромная сила. Представим, например, что человеку никогда не доводилось чего-то делать, и он никогда не слышал, чтобы это было сделано кем-то другим, но тем не менее он уверен, он верит всем сердцем, что дело это выполнимо и ему удастся его осуществить. Он не руководствуется ни знанием, ни опытом, им движет только вера в возможность осуществления задуманного, но эта вера настолько сильна, что приводит его к успеху. Как только вы начинаете верить в возможность осуществить что-либо, в вас сразу же пробуждается огромная внутренняя сила; но стоит вам потерять веру в себя, вы более чем наполовину проиграли сражение, ибо вместе с верой из вас ушла необходимая энергия.

Психиатры считают веру важнейшим фактором успешного лечения - она закрепляет в мозгу пациента мысль о том, что он способен исцелиться. На этом же, во многом, основано и знахарство: знахарь внушает больному, что некое действие излечит его; часто так и происходит, при этом исцеление больной воспринимает как чудо. Очевидно, потому, что вера являет собой могучую силу. И все-таки, такого рода вера, как бы ни была она действительна, в определенной степени ограничена, ибо существует сама по себе. Иное дело, если ваша вера подключается к неистощимому источнику питания. Представьте, что у вас есть друг, который может сделать для вас абсолютно все - так велики его возможности, и что он готов открыть вам, при определенных условиях, доступ к источнику своих сил. Являясь при этом лишь проводником энергии, вы, тем не менее, обретете невиданную силу, не ограниченную вашими собственными возможностями.

Такой друг есть у всех нас. Это - Бог, и Он готов допустить нас к Своему неистощимому источнику силы - в разумных, конечно, пределах - если мы поверим в существование этой силы, уверовав прежде всего в Него Самого. Именно об этом сказано в Библии: <Ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас>*. И это вовсе не игра воображения, в словах этих заключена истина, основанная на великих духовных Законах. Вера - магнит, она притягивает силу, подобно тому, как сверкающий кристалл или стекло ловит солнечные лучи. Когда мы внутренне тянемся к Богу, уверовав в Его безграничное могущество, в то, что Он не только может помочь нам, но и обязательно поможет, мы совершаем то, к чему изначально стремится наша душа - открываем канал, по которому к нам устремляется поток исцеляющей силы и вдохновения - животворящий нас дух. Это подобно уравнению: если мы к нулю усилий прибавляем ноль средств, то получаем результат, равный нулю. В духовной сфере, так же, как и в материальной, справедлив извечный закон жизни; если мы жаждем влаги, солнечного света, воздуха, мы должны искать источник всего этого; если мы жаждем помощи Бога, нам следует поверить не только в то, что Он может помочь нам, но и в то, что Он обязательно поможет, ибо по природе Своей Он - Помощник наш и Заступник.

Поразительно, что в мире так мало людей, которые имеют обыкновение молиться. Даже верующие не всегда прибегают к молитве. Некоторые не видят в этом смысла, другие, когда пытаются молиться, испытывают чувство неловкости. Веруя в Бога, люди ни о чем Его не просят. Они рассуждают примерно так: <Бог знает обо всех наших нуждах и Сам посылает человеку то, что ему необходимо>; или: <Не стоит просить Бога о помощи, мы сами в состоянии добиться того, что нам нужно>. В чем же цель молитвы? Почему она необходима? Прежде всего, спросим себя - с какой стати Бог должен постоянно удовлетворять каждое наше желание, если мы даже не удосуживаемся обратиться к Нему? Почему мы должны что-то получать без всяких усилий с нашей стороны? Мы не камни, мы - живые существа, и не просто живые существа, мы являем собой наивысшую форму жизни на земле. Живая материя - это не сосуд, который кто-то наполняет; она получает все необходимое в процессе жизнедеятельности и ассимиляции и ее можно сравнить с рукой, которая тянется, чтобы взять то, в чем есть потребность, или с корнями растения, что упорно прорывают почву, стремясь впитать ее влагу. Принято считать, что во власти человека - протянуть руку и взять все то, что ему необходимо; однако существует многое такое, что не достигаемо для нас, то, чего мы могли бы достигнуть лишь с чьей-то помощью. И не лучше ли оставить гордыню и все-таки

обратиться за помощью? Какие у нас есть основания считать, что все наши духовные потребности должны постоянно и безвозмездно удовлетворяться, а мы при этом не соизволим даже попросить об этом?

Есть еще одна причина, почему нам необходимо молиться, намного более веская. Зеркало нашей души, даже если оно и повернуто вверх, со временем покрывается пылью и тускнеет, молитва же помогает очистить его. Поначалу эта мысль может показаться странной, но если задуматься, ничего странного в ней нет. Что мы на самом деле делаем, когда молимся? Мы думаем о Том, Кто могущественнее нас - о нашем Отце, нашем Друге, нашем Боге, о Бесконечной Сущности, Источнике всего - назовите Его как пожелаете - важна суть, а не имя. Мы понимаем, что Он - этот Великий Сущный, Исток всех источников - обладает всей полнотой власти, ибо Он создал не только нас, но и все сущее, космос с его бесчисленными галактиками. Молясь Ему, мы вспоминаем, что Он любит нас, что будь на то Его воля, Он поможет нам. Просим ли мы Его о помощи или о снисхождении, молимся ли потому, что хотим выразить свое восхищение Его деяниями или поблагодарить Его, мы сосредоточиваем мысли на той незаходящей Полярной звезде, по Которой нам следует держать курс. Молитва помогает нам, если стрелка нашего компаса размагнитилась, вернуться на правильный путь; она напоминает нам о том, что ждет нас в будущем, заставляет нас, пусть на мгновение, обратиться к вечным ценностям, отвлекая от суеты повседневной жизни.

Молитва помогает нам стряхнуть с души пыль повседневности. Произнося всего два слова - <О Боже> - и думая о том, что за ними стоит, мы отрешаемся от житейских проблем, мелочных интересов, сиюминутных радостей или печалей. Молясь, мы не только взываем к Господу. Посмотрите на влюбленных: как искренняя и прекрасна их любовь, как она возвышает их, даря неведомое прежде счастье; она словно приоткрывает для них дверь в лучший, более благородный мир, о существовании которого они и не подозревали. Однако проходит время, и они вдруг замечают, что их любовь уже не так прекрасна, как прежде; они начинают видеть недостатки друг друга, прислушиваться к тому, что говорят об их любимом другие; любовь тускнеет, теряется за массой досадных мелочей. И если те двое не осознают этого и не попытаются спасти свое чувство, защитив его от давящего груза житейских неприятностей, в один прекрасный день они обнаружат, что их любовь прошла или - еще хуже - решат, что ее вообще не было.

Кажется, сам материальный мир устроен так, что все в нем приводит к суете, и надо быть поистине мудрым наблюдателем, чтобы уметь отделить истинные ценности от мелочей. Во многом то же происходит и в наших взаимоотношениях с Богом. Светлое зеркало наших сердец - то <сердце>, под которым мы подразумеваем вместилище всех нежных, теплых и прекрасных чувств и которое служит нам синонимом слова <душа> - постепенно покрывается житейской пылью. Оно неизбежно вбирает в себя всякого рода мелочи: суетные мысли, мелкие желания и чувства, заботы о хлебе насущном - и вот солнце уже не отражается в нашем потускневшем зеркале, а мы сами и не помним, было ли зеркало, да и есть ли само солнце. Молитва стирает житейскую пыль с зеркала сердца, и когда свет истины и непреходящих ценностей падает на него, оно вновь наполняется сиянием, и мы лучше видим свой путь. Все, в чем мы запутались, становится ясным, и мы начинаем понимать, что - главное, а что - второстепенное. Более того, теперь для нас становится доступным тот самый неиссякаемый источник, которым

владеет наш <Друг>, и мы можем черпать из него силы и уверенность, чтобы справляться с жизненными трудностями и решать задачи, встающие на нашем пути. Если бы люди наконец поняли, что их внутренняя жизнь подчиняется строго определенным законам, они, приобщившись таинства молитвы, избавились бы от сумятицы в своих мыслях. Они бы не отдалялись от этого светлого источника, соприкоснувшись с ним, как это часто бывает. На войне, в тяжелых жизненных обстоятельствах, под угрозой опасности, в состоянии сильного физического или душевного страдания люди часто начинают молиться

- даже если раньше они этого не делали, разве что в детстве; и они чувствуют, что молитва им помогает. В отчаянии ища выход из безвыходного, казалось бы, положения, человек, не зная, в чем искать спасения, делает вдруг попытку пробиться к Тому, о Ком он знает, но к Кому никогда не обращался, - Тому, Кого называют Богом. И к своему великому удивлению - облегчению - он обнаруживает, что в ответ на отчаянное <Помоги!> - он действительно получает помощь. До этого он просто не осознавал, что помощь у него всегда под рукой, - ибо такова природа взаимосвязи между человеком и Божественной сущностью - и потому никогда о ней не просил. Часто, когда накал событий спадает, люди перестают молиться - до тех пор, пока снова не <припечет>. Они вновь поворачивают зеркало души вниз или забывают протирать его, тем самым не давая свету отражаться в нем. Они делают это неосознанно, скорее всего потому, что Бог для них - это нечто слишком туманное, а жизнь каждый день предъявляет свои неотложные требования. Если они не попытаются противодействовать мощной центробежной силе, раскручивающей их ультрацивилизованную жизнь, такую суетную, полную самых разных проблем, в них ослабнет та внутренняя сила, которую они впервые или заново открыли в себе.

Если задуматься о том, как мы молимся, то станет ясно, что в своих молитвах мы чаще всего небескорыстны, и почти всегда, обращаясь к Богу, мы просим у Него чего-то для себя. Мы нечасто говорим Богу <спасибо> и уж совсем редко возносим молитвенное благодарение за красоту окружающего нас мира, за чистую воду, голубое небо, звезды, леса, за радость жизни, за то, что мы не калеки, за то, что не голодаем, не мерзнем, имеем кров над головой, за то, что любим и любимы - многие ли из нас хоть раз в жизни поблагодарили Бога за все это? Благодарность Богу не следует превращать в ритуал; во время благодарственной молитвы нас должно наполнять сознание того, сколь неисчислимы благодеяния, которые Бог изливает на нас. Молитва успокаивает, благодаря ей душа освобождается от мелочного недовольства, алчности и зависти, от мыслей о том, что кто-то имеет больше или живет лучше. Молитве нужно учиться, во всяком случае тем из нас, кто не молился раньше или молился неправильно, автоматически. Если человек бормочет какие-то заученные фразы, думая при этом совсем о другом, - это не молитва; вряд ли она даст положительный результат - да и с какой стати? Для того, чтобы начать что-либо делать, необходимо преодолеть силу инерции - приложить усилие. Мы же делаем усилие, чтобы подняться на ноги

и пойти, чтобы собраться с мыслями и что-то обдумать; иными словами - чтобы вызвать движение, нужен толчок. Молиться надо искренне, с чувством; кроме того, вам потребуется определенное упорство и терпение, чтобы <настроиться> на ту Высшую Энергетическую Инстанцию, с которой вы стремитесь установить контакт. Она реально существует, вам нужно только к ней подсоединиться. Если вы верите в существование

высшей силы, достаточно будет минимального усилия; ваша уверенность будет действовать как магнит, как устройство автоматической настройки. Если вы в нее не верите, вам придется учиться молитве постепенно, шаг за шагом. Попробуйте - это все равно, что осваивать новое ремесло; не прекращайте попыток, пока не получится; в конце концов вам удастся прорубить тоннель сквозь толщу собственных сомнений, проблем, неуверенности - проложить путь к Богу. Это непременно должно произойти, это соответствует закону, управляющему жизнью вашей души. Ибо чтобы пребывать в ладу с собой, душа должна быть сознательно и активно настроена на своего Создателя. Жить по-новому - что это значит? В этом мире условия существования всеобъемлющи и едины: в основе бытия всего сущего - от атома до космической туманности - лежит определенная система, и все пребывает в совершенном равновесии. Элементы целого находятся в точном и закономерном взаимодействии. Пока не нарушено внутреннее равновесие, все идет гладко. Здоровье живых организмов определяется правильным взаимодействием их органов: нарушение заданного соотношения и гармонии приводит к болезни или проявляется как аномалия. Если убрать из яйцеклетки хромосому <X> и заменить ее хромосомой <Y>, то вместо женской особи получится мужская; весь ход жизни человека будет определен этой столь незначительной, казалось бы, заменой: физиологические функции, голос, фигура, эмоциональные реакции, даже привычки и занятия - все будет иным. Равновесие, таким образом, - абсолютно необходимое условие жизни, как на биологическом, так и на духовном уровне. Наши знания о потребностях тела и уходе за ним за последние два столетия значительно возросли, полученные данные о функциях человеческого мозга привели к развитию такой науки, как психиатрия. Мы начинаем понимать психологические мотивы наших поступков, знаем, как работает мозг. Людям, живущим в цивилизованном обществе, уже нет нужды объяснять, что плохие санитарные условия, болезнетворные микробы, загрязнение воды и атмосферы, перенаселенность и недоедание ведут к болезням - они и так прекрасно это знают. Мы обдумываем пути усовершенствования общества, пытаемся на основе данных психологов изменить стиль общения между людьми. Реформы в системе исправительных учреждений, трудовая терапия, работа с малолетними преступниками, психологическая помощь людям, пострадавшим в войнах, - все это свидетельствует о том, что мы действительно хотим переустроить наш мир в соответствии с определенными законами, которые, как доказала наука, управляют им и которым необходимо следовать для того, чтобы поддерживать наше физическое и психологическое здоровье. Однако теперь нам необходимо познать законы, по которым живет наша душа, понять, что полезно для нашего духовного развития и как нам надо жить, чтобы здоровыми были не только тело и разум, но и наша душа.

Мы знаем - ни одна теория, ни одна структура, будь то математическое построение или конструкция из кирпича и строительного раствора, не будет надежной, если она не основана на прочном фундаменте. Построение может быть либо точным, основанном на выверенных фактах, и значит, истинным, либо необоснованным, ложным, и не способным в силу этого служить опорой для чего бы то ни было; если фундамент и каркас дома надежны и достаточно прочны, они держат на себе весь дом, если нет - дом рухнет. То же самое можно сказать и о нашем характере, несущей конструкцией которого является правдивость. Ложь, обман, лицемерие - ненадежный материал; на них нельзя полагаться, потому что они уведут от истины; то, что основано на них,

рассыпается при первой же проверке. Правда - истинна и выдержит любое испытание. В природе все зиждется на истине, природу не обманешь, она приемлет только то, что занимает положенное место, то, что поддерживает равновесие. Любые подделки, имитации неизбежно отторгаются ею. Человек же, существо относительно свободное, наделенное королевской привилегией выбора, сам решает, жить ему по правде или по лжи. Однако, если он вплетает в свою жизнь ложь, то неизбежно коверкает, запутывает и обедняет ее. И если вместо истинных ценностей он станет то и дело заполнять свою душу суррогатами, все в нем в конце концов пропитается фальшью, и основа его характера окажется сотканной из негодного материала. Ложь вводит в обман не только других, но прежде всего самого лжеца. Тот врожденный разумный инстинкт, присущий всякому живому существу, включая и человека, с помощью которого истинное может быть отключено от ложного, притупляется от бездействия и в конце концов атрофируется. Мы не можем лгать и оставаться самими собой, потому что, обманывая, мы привносим в наш характер фальшь; в наш живой организм попадает примесь чего-то мертвого. Омертвление живых тканей очень опасно, ибо ведет к постепенному загниванию всего организма. Ложь медленно, но неизбежно разъедает нравственные основы. От слова неправды не такой уж большой шаг до нечестного поступка - попытки присвоить то, что тебе не принадлежит. Если позволить себе забыть о ценности истины, если перестать разграничивать факты и выдумку, то может произойти такое смещение понятий, когда граница между <мое> и <твое> исчезнет! Правдивость - тот краеугольный камень, который должен быть заложен в основание характера, и тогда никакая буря не сможет разрушить его. Огромная Вселенная, эта пульсирующая, расширяющаяся, эволюционирующая реальность, основана на несомненных законах, которые истинны, в ней нет места фальши. И может ли человек быть полноценным, если в его жизни много пустот? Ведь всякая ложь есть не что иное, как пустота, отсутствие чего-то реально существующего, какого-то факта или истины. Ложь порождается ленью, тщеславием, жадностью или трусостью. Когда люди говорят: <Будет милосерднее не говорить правду>, они обычно придумывают себе отговорку или обманывают себя. Правда, в конечном итоге, всегда оказывается милосерднее, потому что помогает человеку осознать свое истинное положение и понять, как правильно поступить. Пожалуй, единственным исключением из этого общего правила может быть врач; от него нельзя требовать, чтобы во имя торжества истины он говорил пациенту всю правду, ибо знание этой правды может оказаться для больного роковым - оно может замедлить его выздоровление или даже привести к смерти. Мелкая ложь, случайный вымысел могут стать источником серьезных недоразумений и привести к беде. Ложь разрушает доверие; если человек однажды солгал вам, у вас не может быть уверенности в том, что он не сделает этого еще раз или не будет обманывать постоянно. Сказав неправду одному, почему бы не солгать другому? И на такого человека уже нельзя положиться.

Второе важнейшее качество, составляющее основу здорового характера, - это честность. Правдивость и честность необязательно сопутствуют друг другу. В мире встречаются честные лгуны и правдивые воры. Честность определяется не только тем, что человек не ворует и не берет чужого; это понятие подразумевает абсолютную невозможность воспользоваться тем, что тебе не принадлежит, будь то вещь или нечто неосязаемое. Если вы ухаживаете за женой вашего друга, вас вряд ли можно назвать честным человеком - ведь вы крадете у него любовь, которую обычно люди ценят больше денег и

даже больше жизни, а если и не крадете любовь, то уж во всяком случае лишаете его чести. Сегодня в характере многих людей наблюдается свойство, которое можно назвать квазичестностью. Если выделить в морально-этической сфере <белое> и <черное>, то данное свойство будет относиться к <серой зоне>. Оно не подразумевает честность, то есть <белое>, но и не может быть однозначно охарактеризовано как лживость, то есть <черное>: это компромисс между первым и вторым, и сюда подпадают такие явления, как взяточничество, незаслуженные привилегии, чаевые, и все то, что входит в понятие <подкуп>. Если бы мы захотели перечислить все, что входит в эту <серую зону>, потребовалось бы написать увесистый том. Покупаете ли вы себе доходное место или заручаетесь незаконным покровительством, обеспечиваете ли за взятку посредничество своей конторы в выгодной сделке или делаете подарок нужному человеку, втираясь к нему в доверие и вынуждая его тем самым оказать вам услугу, даете ли деньги тому, кто помог вам, намекая на то, что и в дальнейшем заплатите за дополнительные услуги, - иначе говоря, даете чаевые в широком смысле этого слова - вы поступаете нечестно, ибо обходными путями получаете то, что в девяти случаях из десяти принадлежит другому - тому, у кого прав на это больше, чем у вас. Даже если в десятом случае вы получаете то, что вам действительно причитается по праву, используемые вами методы способствуют укоренению практики, которая по существу является бесчестной, аморальной. Может быть, это и поможет вам увеличить свой банковский счет, но вряд ли сослужит вам добрую службу в отношении вашего характера; возможно, в жизни вы будете пользоваться большими мирскими благами нежели другие, но вы не сможете испытывать уважения к себе, осознавая в глубине души свою непорядочность. А поскольку покидая сей мир, нельзя взять с собой ни денег, ни богатства, то не лучше ли сделать в жизни ставку на то, что останется с вами навеки - ваши личные качества.

Цельность. Вы можете быть абсолютно правдивы, безупречно честны и при этом не обладать цельностью характера. Цельная личность ассоциируется в нашем сознании с чем-то надежным; подспудно все мы хотим, чтобы рядом с нами был именно такой человек. Его слово надежно, ему не страшно довериться, ибо он не способен ни на какой низкий или коварный поступок, как бы ни было велико искушение.

Надежность - еще одно бесценное человеческое качество, которое сегодня так редко встречается в мире. Удивительно, как мало среди людей тех, кто держит свои обещания и выполняет то, о чем договорился с другими; и даже тех, кто просто добросовестно выполняет взятые на себя обязательства, в семье ли, на работе ли. Надежность не только предполагает наличие внутренней силы в человеке, она ее порождает. Вы направляете вашу энергию, ваше время, ваши мысли на нечто определенное, концентрируетесь на поставленной задаче - будь то деловая встреча или какая-то иная цель (к примеру, выучить французский язык) - и неуклонно идете к этой цели, пока не осуществите ее. Это приносит вам удовлетворение, рождает чувство уверенности в себе и самоуважения: <Я не только пообещал, я действительно сделал это, и сделал как следует!> Наградой вам служит сознание собственной силы и удовлетворенность, а также высокая репутация, уважение в восхищение товарищей, благодарность людей и множество связанных с этим приятных впечатлений. Если человек поставил себе задачу выучить французский язык и выучил его, этим он расширил свой кругозор, стал более образованным и знающим. Ответственно относясь к делу, человек делает превосходное вложение, значение которого трудно переоценить; если он в своих отношениях с людьми

проявляет чувство ответственности, если он надежен и верен, то им гордятся друзья, в нем видит крепкую опору семья, а его фирма заинтересована в нем как в хорошем, ценном работнике.

Все эти в высшей степени необходимые качества составляют фундамент характера человека. Однако их можно назвать <холодными добродетелями>, и хотя они являются главными, их недостаточно для того, чтобы сформировалась благородная личность. К ним необходимо добавить <теплые добродетели>, и первая из них - доброта.

Перечисленные выше качества можно назвать светом, а доброта - это дождь, который, как и солнце, дарит жизнь, ибо изливаясь на землю, очищает и животворит все сущее. Бывает так - правдивый, честный и надежный человек оказывается жестоким, холодным, равнодушным к страданиям других, эгоистичным, недобрым, придирчивым. Он похож на мраморную статую - прекрасную, но неживую. Ему не хватает тепла, от которого порозовеет кожа, начнет биться пульс, задвигаются члены. Чтобы стать полнокровной живой личностью, человеку необходима доброта. Само слово <доброта> ласкает наш слух - так много хорошего стоит за ним; оно снимает тяжесть с души, ярким лучиком пробивается сквозь мрак жизни.

В этом слове заключено столько теплоты и благородства! Доброта проявляется то как жалость и сочувствие, то как любовь или справедливость - ее источает множество родников нашей души. Иногда мы особенно добры к людям потому, что счастливы, а иногда потому, что сердце наше разбито; порой мы считаем, что быть добрыми - это наш долг, а порой - что это наша величайшая привилегия. Есть тысячи способов проявить доброту. В одном случае поступить по-доброму значит удержаться от чего-то: не критиковать того, у кого что-то не получается, не высмеивать наивность ранней юности или серьезную торжественность детской тирады, не заметить физического недостатка или растерянности того, кому в жизни повезло меньше, чем нам.

В другом случае быть добрым значит похвалить, ободрить, проявить любезность.

Доброта может проявляться в улыбке, слове, жесте, но чаще всего о ней свидетельствуют наши поступки. При этом можно быть уверенным в одном: все наши милосердные дела - каким бы благом они ни оборачивались для других - это прежде всего наш дар самим себе. Прибегнув к аналогии с биологическими процессами, можно сказать, что доброта вырабатывает в нас духовные ферменты, которые помогают перевариванию наших твердых субстанций, таких, как эгоизм, жадность, предрассудки, подсознательный страх; они смягчаются или исчезают под благотворным воздействием милосердия, которое мы проявляем по отношению к другим.

Человеку присущи и другие теплые чувства: щедрость, сочувствие, сострадание, умение понять и простить другого. Мы часто поступаем неправильно, и в большом, и в малом, ибо мы несовершенны; за ошибки же надо платить. Для того, чтобы смягчить последствия ошибок и не расплачиваться за каждую из них, люди должны научиться прощать друг друга. Недаром в молитве Господней сказано: <Прости нам прегрешения наши, как мы прощаем врагам нашим>. Если мы хотим заслужить прощение Бога, Небесного Отца нашего, мы сами должны уметь прощать тех, кто причинил нам зло или боль. Прощение есть акт милосердия. Будем же милосердны, дабы и Бог мог явить нам Свое милосердие, дабы Он снизошел до нас, видя, что мы живем в мире друг с другом, исполнены любви и терпимости. Тогда возрадуется Он, и вознаградит нас за терпение наше, простив нам наши ошибки и заблуждение.

Понять горе других людей, мотивы их поведения, их трудности и слабости - значит сделать первый шаг к тому, чтобы помочь им. Нетерпимость не ведет к решению проблем; подобно мудрым врачам, мы должны сначала выявить симптомы болезни, затем поставить диагноз. Но как мало понимания проявляем мы в общении друг с другом! Кажется, мы охвачены эпидемией жестокосердия (а может быть, жестокоумия). Народы мира не пытаются понять друг друга, вникнуть в существо обоюдных претензий и проблем; то же справедливо и в отношении различных рас и социальных групп. Все заняты тем, что обвиняют друг друга, никто не хочет остановиться и выслушать другую сторону. Это же характерно и для взаимоотношений людей. Вместо того, чтобы относиться друг к другу непредвзято и искренне, мы либо пытаемся использовать другого человека в своих целях, либо подходим к нему с таким предубеждением, что вообще отказываемся выслушать его. Такая нелепая позиция - явление весьма распространенное, идет ли речь о взаимоотношениях в семье или на работе: так поступают родители с детьми, дети с родителями, работодатели - со своими работниками, а работники с работодателями, бедные с богатыми и богатые с бедными и так далее. Это противоречит разумному подходу к жизни, принятому, например, в науке. Ученый не может в своих поисках руководствоваться заранее выработанным представлением, потому что это поведет его по ложному пути, не позволит увидеть сути явления, и он в погоне за иллюзией потеряет драгоценное время. Его ум должен быть свободен от предвзятости, а мысль сосредоточена на тех реальных фактах, которые связаны с исследуемой проблемой и выявляются в ходе поиска решения. Почему бы и нам не подходить друг к другу с таким же пониманием, бесстрастно, непредубежденно? Тогда и мы могли бы вникнуть в суть проблемы и действительно помочь друг другу. Есть люди, которые не способны, кажется, на жалость или сочувствие (речь идет о нормальных людях, а не о преступниках); они даже гордятся тем, что могут обойтись без этих, как они называют их, проявлений слабости. Они утверждают, что человек сам во всем виноват, что его страдания - это всегда расплата за собственные грехи, глупость или прихоти. Эти люди поражены той ужасной болезнью, которая называется самодовольством. Всем нам приходилось сталкиваться с такими уверенными в своей правоте субъектами. Они встречаются и среди атеистов, и среди верующих. На самом деле, это несчастные люди, которых можно только пожалеть - втиснув свою мысль в заранее определенные рамки, они создали непреодолимое препятствие для своего развития. Считая излишним проявлять сочувствие или сострадание к другим, они убеждены, что и сами могут прекрасно обойтись без посторонней помощи. А такая позиция весьма рискованна. Кто может быть уверен в том, что в его жизни не наступит когда-нибудь такой день, когда больше всего на свете ему будет нужно чье-то участие, сочувствие или жалость, которые станут бальзамом для его ран? Когда человек воображает, что это ему никогда не понадобится, он становится наиболее уязвимым и особенно нуждается в помощи, потому что закрыл дверь, ведущую к развитию его души. Если он считает, что и с ним не может случиться беда, что он не может пасть с высот своего благополучия, ему действительно угрожает опасность, ибо он утратил бдительность; а жизнь идет рука об руку с опасностью, она таится и внутри нас, и вовне. Не развиваться, не продвигаться вперед, значит постепенно деградировать. Самоуверенный человек считает, что он стоит на достаточно высокой ступени развития, но при этом он на самом деле неизбежно катится вниз, и не исключено, что он может

расшибиться. И вот тогда-то ему и понадобятся жалость и сочувствие людей, ибо только благодаря им ущербная душа способна воспрянуть.

Теперь еще об одной ценной человеческой черте - о щедрости. Как ни странно, но именно бедные, а не богатые и обеспеченные, чаще бывают щедрыми. Тот, кто живет в нужде, по собственному опыту знает, как много порой значит и самая малость; пройдя через страдания, человек становится более чутким к страданиям других и готов отдать последние крохи, чтобы облегчить тяготы ближнего. Отдавать всегда приятно. Если вы расстаетесь с чем-то, чтобы помочь или порадовать другого, это рождает удивительно радостное чувство, от которого легко и отратно становится на сердце. Говорят, природа не терпит пустоты и незамедлительно заполняет ее, и потому то, что вы отдали другому (разумеется, если это был истинный дар, а не тот случай, когда <я тебе, ты мне>) - возвратится к вам чувством счастья и удовлетворения, обогатит вашу душу, сделав ее мягче и совершеннее.

Умение пользоваться великим даром речи и вежливость - две другие жизненно важные составляющие полноценной человеческой личности. Хорошие манеры - это маленький, но очень ценный подарок, который мы можем преподнести друг другу. Все, что искусно отделано и обработано, становится красивее: драгоценные камни, добытые из недр земли, обычно шлифуют; сработанную мебель красят и полируют, одежду сначала выкраивают и шьют, а затем аккуратно подрубают края и украшают ее различными деталями, построенный дом отделывают. Наша вежливость подобна этим последним штрихам мастера; она нас украшает, делает наше общение с людьми более приятным. Никому не нравятся острые углы, и порой бывает так досадно видеть хорошо сделанную вещь, которой недостает отделки - тех самых деталей, которые придают ей совершенство. То же относится и к людям: честный, порядочный, добрый человек может быть между тем грубым, невнимательным в мелочах, невоспитанным. Насколько было бы приятнее общение с ним, если бы он отшлифовал те шероховатости своего характера, которые так действуют людям на нервы и приносят окружающим много огорчений, как было бы отратно, если бы он сделал еще один маленький шаг на пути своего совершенствования.

В последнее время появилась довольно странная тенденция, особенно широко распространившаяся среди молодежи, - развязный, грубоватый и в чем-то даже непристойный стиль поведения; это стало считаться своего рода удалью и проявлением искушенности в жизни. При этом, если бы в присутствии тех же самых молодых людей, которые щеголяют своей грубостью, кто-то, съев обед руками, вытер жирные пальцы об одежду или ходил бы с волосами, напоминающими грязную, дурно пахнущую копну, или, находясь в гостиной, стал бы плевать на пол, они вряд ли усмотрели бы в этом проявление искушенности или раскованности. Даже простое упоминание о таких вещах вызывает у нас чувство отвращения и возмущает; но подчас считается вполне приемлемым рассказывать грязные истории, быть резким, невежливым, невнимательным. Это может показаться парадоксом, но галантность и вежливость очень высоко ценились еще в те далекие времена, когда люди, в том числе и благородного происхождения, ели руками, редко мылись, привычно мирясь со всякого рода паразитами, обитавшими на них, и почти не чистили свою одежду из мехов и бархата. Для них было законом уважительное отношение к старшим, забота о немощных и

слабых. Сколь разительно отличаются от тех людей их потомки, кичащиеся достижениями прогресса, но безнадежно отставшие в области морали.

Возможно, в этом контексте стоит упомянуть о некоторых чертах характера, которые не только отравляют жизнь окружающим и делают нас гораздо менее привлекательными, чем мы могли бы быть, но и свидетельствуют о явном дефиците человечности в наших взаимоотношениях. К примеру, вы так любите разглагольствовать и говорить обо всем и за всех, что делаете это не переставая; понимаете ли вы, что подобная неумеренность в речи есть признак застоя в вашем развитии? Вы не продвигаетесь вперед, вы просто толчете воду в ступе. Если вы цените себя и свои взгляды столь высоко, что только об этом и говорите, значит, вы не способны ничего получить от других, вы утратили стремление познавать, наблюдательность, живость ума, словом, стали исключительно надоедливым субъектом, которого за глаза обычно называют занудой! А ведь на самом деле вы можете быть интереснейшим человеком; попробуйте сделать над собой усилие и вы, вполне возможно, перестанете раздражать окружающих, потому что перестанете слушать только себя и упиваться собственными речами.

А может быть вы из тех пожилых людей, которые пренебрежительно отмахиваются от всего, что исходит от молодежи, считая, что если человеку нет еще и тридцати, он не способен сделать что-то выдающееся, повлиять на ход событий, изменить чьи-то взгляды? Разве сами вы не были молоды? И с каких это пор возраст стал эквивалентом мудрости? Будьте чуть скромнее. Вспомните, что все государственные мужи и политики, которые до сей поры так скверно правили миром, были в большинстве своем отнюдь не юнцами!

А может быть вы, наоборот, из тех самоуверенных молодых, кто считает всякого, кому за тридцать, ходячей мумией? Возможно, вы думаете, что ваши эмоции, ваши сиюминутные убеждения, ваши интересы и являются подлинным критерием истины, а все остальное - лишь проявление старческого маразма. Будьте чуть благоразумнее. Пройдет совсем немного времени, и ваша молодость останется позади. Неужели вы полагаете, что тогда ваш интеллект истощится и вы больше не будете нужны обществу, поскольку превратитесь в бесполезную развалину? Или вы надеетесь, что ваша нынешняя кипучая энергия неиссякаема и будет бить ключом еще долгое время? Не будьте столь самонадеянны. Сейчас вам даны достоинства молодости - энергия, отвага, смекалка, широта взглядов и отсутствие консерватизма, но зрелому возрасту присущи свои достоинства - опыт, уравновешенность, мудрость, терпение и осторожность. Миру требуется и то, и другое, и вам еще многому придется научиться.

Склонны ли вы презирать и умалять достоинства других? Если да, то это признак комплекса неполноценности. Если вы считаете, что вежливые люди <пускают пыль в глаза>, одетые со вкусом - тщеславны и суетны, а обходительные стремятся <выслужиться>, тогда вы, скорее всего, невежливы, неопрятны, невнимательны к окружающим и завистливы. А почему бы вам не перемениться? Ничто не мешает вам развить в себе те качества, которые придают человеку изящество, очарование, теплоту, делают его приятным для окружающих. Когда вы видите в другом что-то хорошее, возьмите это на вооружение - ведь все эти прекрасные духовные качества доступны каждому и даются нам как дар. Поработайте над собой, сгладьте острые углы. Природа

- великий преобразователь, учитесь у нее. Если вы в чем-то неполноценны или ущербны, преодолите это; если вы вышли из неблагополучной семьи и начинали свой жизненный путь среди людей низкого круга, усиленно развивайте ваши способности - ведь нет людей бесталанных! - и превратите то, что казалось вам недостатком, в достоинство. Если вы некрасивы и невзрачны, так, может быть, вы находчивы, интеллектуальны, мягки, обходительны или услужливы. Если вы калека - забудьте об этом; пусть внутри вас засияет яркий свет, и тогда ваше увечье обернется силой, и вы будете вызывать у окружающих не жалость, а восхищение. Одним из самых замечательных людей, которых я когда-либо знала, был человек очень маленького роста, горбун. У него были изуродованы не только спина и плечи, но и лицо. Но был он таким веселым и обаятельным, умницей, что вызывал всеобщую любовь. Он ощущал себя полноценным человеком, и доказательством тому была его жена - высокая, привлекательная женщина и двое очаровательных детей. Когда дети его уже выросли и он в пятидесятилетнем возрасте овдовел, он женился во второй раз, и на этот раз его женой стала красивая, без какого-либо физического изъяна, женщина. И это не удивительно. Он так умело выпестовал все дарованные ему способности ума и души, что его изуродованное тело не только не было для него помехой в жизни, но, казалось, делало его особенно привлекательным. Никто не представлял его себе другим, да никто и не хотел, чтобы он стал не таким, каким был.

Недовольные физиономии! Нравятся ли вам люди с кислой миной? Или с выражением враждебности на лице? Или с угрюмым взглядом? Думаю, что нет. А если это так, стоит ли вам самим встречать людей недовольной миной? Обычно так выглядят люди, страдающие каким-то недугом или чем-то расстроенные. В общем-то, есть средство, которое может помочь избавиться от подобной привычки. Допустим, вы больны; безусловно, вам надо лечиться, чтобы скорее выздороветь, и в то же время будет неплохо, если вы сделаете над собой небольшое усилие и попытаетесь стереть с лица выражение страдания. Это не только не повредит вам, а скорее всего принесет пользу: стараясь выглядеть повеселее, вы, возможно, вскоре действительно почувствуете прилив бодрости. Помните, от жизни мы получаем то, что в нее вкладываем. Если у вас злой и угрюмый вид, вряд ли кто-то отнесется к вам с сочувствием, за исключением, конечно, тех редких душ, которые любят вас не за то, чем вы кажетесь, а за вашу истинную сущность. Что касается недовольной мины, то лучшее средство избавиться от нее - исполниться чувства благодарности, для этого надо подумать о тех, кому живется хуже, чем вам, а таких немало. Труднее избавиться от привычки раздражаться и выплескивать на людей свой гнев. Впадая в гнев, мы перестаем слушать голос рассудка; но у нас может хватить ума отнестись к себе при этом с некоторой долей иронии. Если по натуре вы человек справедливый, вы поймете, что нелепо бросать на людей свирепые взгляды и изливать свое недовольство на тех, кто ни в чем не виноват.

Сегодня мы живем в суетном, усталом и беспокойном мире. И когда наш взгляд падает на улыбающееся добродушное лицо, на душе становится теплее, хотя порой мы этого даже не замечаем. Постарайтесь сделать что-то, что поможет улучшить настроение и вам, и окружающим вас людям, взирайте на мир радостно и по-доброму, ибо только это достойно человека.

В моей жизни был случай, когда я своим поведением явила яркий пример бестактности и откровенно дурного тона, которым все мы подчас грешим в той или иной степени. Путешествуя в отдаленных краях, я встретила человека, который привлек мое внимание своим экзотическим внешним видом. Ярко разряженный, он производил впечатление эдакого смешного <туземного денди>. Когда я его увидела, он играл со своими друзьями в какую-то местную игру, похожую на шашки. Я не успокоилась до тех пор, пока кто-то не уговорил его попозировать в лучах солнца перед объективом моего фотоаппарата. Вначале он отказывался, но под натиском уговоров в конце концов все-таки сдался и с добродушным видом стал позировать; сделав снимок, я удалилась со своим бесценным трофеем. Позже, разглядывая с усмешкой проявляющуюся фотографию, я вдруг поняла, что вела себя тогда как человек в высшей степени самодовольный и бестактный! Я подумала - а как бы повела себя я, окажись на месте того человека? Вот я сижу у себя дома (а не в зоопарке и не на подмостках уличного балагана), в кругу своих друзей, и мы играем в какую-то игру, а в это время совершенно незнакомый человек подходит ко мне и весьма настойчиво предлагает встать на свет, чтобы попозировать перед его фотоаппаратом? Скорее всего я возмутилась бы и позвала полицию! Однако, находясь в той далекой стране, я, подобно тысячам туристов, сочла, что у меня есть полное право обращаться таким чудовищным образом с другим человеком - ведь я же была не дома, и человек тот был другой расы! Проанализировав свой поступок и реакцию этого мужчины, я подумала - представители белой расы, и в особенности ее англосаксонской ветви, должно быть, производят впечатление самых невежливых людей в мире.

Утонченность манер! Над этим понятием многим из нас стоило бы задуматься. Оно входит в общий перечень качеств, благодаря которым мы действительно отличаемся от представителей вида человекообразных обезьян. В этом отношении поучительным опытом могло бы стать посещение обезьяньего питомника, где мы можем понаблюдать за поведением наших дальних биологических родственников: вот они восседают рядами, почесываясь, ковыряя в носу, сосредоточенно разглядывая свое тело, а то начинают гоняться друг за другом, издавая пронзительные крики. Их более крупные сородичи - дикие люди Борнео (орангутаны), шимпанзе и гориллы ведут себя гораздо с большим достоинством. Если говорить о манерах некоторых представителей человеческого рода, то, к сожалению, они подчас напоминают низших обезьян, а не их человекообразных собратьев. Что же отличает нас от животных? Это прежде всего наш разум, наш цивилизованный образ жизни. Утонченность - последний изящный штрих в портрете существа, называемого *homo sapiens*. Раньше представление об утонченности укладывалось в одну фразу: <Он - джентельмен>, <Она - настоящая леди>. Первым уроком на пути овладения этим качеством может стать как раз наблюдение за повадками обезьян: посмотрите на их жесты и ужимки и спросите себя, а не делаю ли и

я нечто подобное? Едва ли не первое, чему мать учит своего ребенка - это не ковырять в носу в присутствии посторонних. Понаблюдайте за маленьким белолицым господином Гиббоном или мадам Бабуин - они отнимают друг у друга все, что можно, у них чудовищно развит хватательный инстинкт. Мораль: не хватай, не вырывай ничего у других. Прислушайтесь к ним - их голоса достигают дикого форте. Мораль: не обрушивайся на людей с воплями, ни при каких обстоятельствах не позволяй себе перейти на крик.

Подобные сравнения могут показаться обидными, и вы, скорее всего, возмутитесь - мол, незачем говорить людям в глаза такие пошлости. Однако я придерживаюсь иного мнения. На самом деле нам всем следует задуматься над этим; не так уж редко можно наблюдать, как взрослые люди что-то отнимают друг у друга, кричат во весь голос, хлопают дверьми, на виду у всех ковыряют в носу и почесываются; а ведь им пора бы знать, как себя вести, а если они этого еще не знают, то не мешало бы поучиться, хотя бы из самоуважения. Долгое время в утонченности манер усматривали привилегию <высшего класса> - считалось, что чем больше у человека свободного времени, слуг, комфорта, тем легче ему быть утонченным. Однако хорошие манеры не зависят ни от количества денег, ни от социального положения - их можно встретить даже в самых ужасных кварталах наших перенаселенных городов, в домах бедняков; если под истинной воспитанностью понимать доброжелательность, гостеприимство и вежливость, то, как я убедилась на собственном опыте, она присуща именно простым людям, жителям рабочих поселков и деревень, часто даже неграмотным.

А теперь немного о речи. Слово - очень сильное оружие. Словом можно прославить нацию и можно повергнуть ее в прах. Речь - один из величайших даров, которым обладает человек, но она, подобно обоюдоострому мечу, разит без разбора. Прибегая к столь сильному оружию, мы должны быть предельно осмотрительны, дабы использовать его во благо, а не во зло. Как часто бывает, что люди, порой даже без всякого злого умысла, хладнокровно разрушают чужую жизнь - неосторожной сплетней, рассказами, пересудами.

Мы бережем нашу руку от воровства, мысль - от лжи, но мы не оберегаем свой язык от злословия. А между тем, одна непродуманная, неосторожно брошенная фраза, сказанная от имени правительства одной страны в адрес другой, может послужить поводом для войны; чьи-то досужие слова, в которых нет и доли правды, произнесенные по недомыслию, могут погубить репутацию, разрушить дружбу, расстроить брак, посеять раздор в семье, испортить карьеру. Жертвами сплетен и клеветы чаще всего становятся самые порядочные и безобидные люди. Чудесный дар речи дан нам не для бездумного разрушения, мы не вправе использовать его во зло, так же, как не вправе использовать разум в качестве инструмента преступных или корыстных замыслов, а наше сердце превращать в источник ненависти и порока.

Глава 4

Любовь и брак

Как индивиды мы не изолированы от окружающего мира. Вся наша жизнь тесно переплетена с жизнью других людей, и именно через отношения с окружающими происходит наше развитие и совершенствование. По своей биологической природе мы представляем собой вид стадных, то есть подобны животным, чья жизнедеятельность осуществляется в условиях совместного проживания, и потому мы не способны развиваться в условиях изоляции. В наше время, когда человечество идет к всеобщему объединению, мудрец, удалившийся от мира в поисках своего личного пути к спасению, суфий, занимающийся в одиночку совершенствованием своего <я>, монах, отказывающийся от мирских благ и добровольно принимающий на себя страдания, идут

по неверному пути, ибо пытаются плыть против течения жизни. Прогресс индивида, включенного в любой стадный вид, возможен лишь в процессе общения, сотрудничества, соревнования, он должен быть мотивирован и основываться на положительных примерах. Следовательно, наш путь к самосовершенствованию неотделим от жизни тех, с кем мы вступаем в общение. Наши взаимные отношения, основанные на добре или зле, в конечном итоге определяют и формируют наш характер. Мир развивается благодаря постоянному процессу размножения - одни клетки делятся, другие соединяются, порождая потомство. Человек, как и все другие формы жизни, тоже воспроизводит себя как вид. Следовательно, первостепенную роль в жизни человека играет семья. Как бы ни была прекрасна дружба, не она являет собой тот фундамент, на котором строится человеческое общество. В его основе лежат брачные узы. Мужчина и женщина образуют первоначальную ячейку; вокруг нее формируется постоянно расширяющийся круг детей, родственников и знакомых. Поэтому для каждого индивида ключевым моментом в жизни становится его подход к отношениям полов. Люди всегда осознавали жизненную важность этих отношений, но никогда прежде этот вопрос не вставал перед ними с такой остротой. Сегодня цивилизованный мир погряз в сексуальной вседозволенности, его захлестнула волна эротической литературы и секс-стимуляторов. Несмотря на повышенное внимание к сексу, решение возникающих в этой области проблем, кажется, еще не найдено; скорее наоборот - проблемы эти множатся с такой быстротой, что по текущим прогнозам в Соединенных Штатах в ближайшее время предполагается расторжение половины всех браков. По выражению одного журналиста, в современном обществе <просвещение и упадок идут рука об руку>. Кривая разводов неуклонно ползет вверх, число венерических заболеваний, несмотря на все имеющиеся чудодейственные средства, постоянно увеличивается, о чем свидетельствует и распространяющийся ныне СПИД. Рождаемость во многих великих державах падает; все больше распространяется моральная извращенность, и что хуже всего, распушенность и вседозволенность захватывают юных: в современном западном обществе случаи проституции среди девятилетних - отнюдь не редкость, а это значит, что общество катится в бездну нравственной деградации, чему немало способствует ежегодно увеличивающийся выпуск детской порнографии, отражающей такой извращенный менталитет, которому не может не ужасаться человек с нормальной психикой. Здесь явно что-то нарушено - как в самом обществе, так и в отношениях индивидов, составляющих это общество. Кажется, что люди яростно восстали против всех врожденных нравственных ориентиров, столь важных для развития человека; только вернувшись к ним, можно победить зло, поразившее эту сферу жизни.

В целом сегодня в мире существует три разных подхода к брачным отношениям. Самая распространенная форма брака, принятая не только в Азии

и Африке, но также на островах Тихого океана и среди племен Западного полушария, - это когда брак рассматривается не только как общественный институт, но прежде всего как практическая необходимость и как долг по отношению к семье, то есть внутрисемейное дело, которое решается в первую очередь родителями. Вторую форму брака можно условно назвать <европейской моделью> - здесь брак рассматривается как основа отношений, необходимых для организации жизни общества; в силу этого к браку относятся философски стараются заключить его с максимальной выгодой для всех заинтересованных сторон; при этом от брака не ждут слишком многого, например,

романтической любви, ибо ее, если захочется, можно найти и на стороне. Третий подход к браку можно было бы назвать ультраамериканским; для него характерен крайний индивидуализм и романтическая идеализация брачных отношений, основой которых считается <любовь> - не в истинном, а в расхожем ее понимании. В сознание людей внедряется мысль о том, что если блаженство любви не достигнуто в браке, то его можно и расторгнуть, после чего начать поиск нового партнера; также считается, что если у супругов романтические отношения постепенно сошли на нет, то, значит, брак потерпел полный крах и его можно без сожаления разрушить.

Эти три модели не более чем обобщение, и именно так их и следует воспринимать. Конечно, исключения встречаются, и каждый брак на самом деле неповторим. Но в широком смысле три перечисленные подхода к браку являются реальностью. Первый - это взгляд жителя Востока, не питающего иллюзий относительно идеальной любви и романтических взаимоотношений супругов, смотрящего на брак, как на необходимое жизненное проявление - благодаря ему он может с честью увековечить свое имя, продолжив свой род. Второй - это взгляд европейца (термин, разумеется, условный), который также не смотрит на брак как на залог идеальных отношений и счастья; он относительно свободен в своем выборе, но все же до определенной степени подчиняется традиции и преисполнен высокого уважения к семье как к институту, хотя при этом не прочь поразвлечься на стороне. И, наконец, третий - это взгляд американца, который ждет от брака слишком много при минимальных затратах со своей стороны и подходит к нему крайне индивидуалистически; вступая в брак, он, как правило, не советуется со своей семьей, а потерпев неудачу, слишком поспешно рвет брачные узы. Если обратиться к статистике, отражающей благополучие брачных союзов, то данные по Соединенным Штатам вряд ли будут лучше, чем, например, по Таиланду. Возможно, мы будем удивлены, обнаружив, что гармонию и счастье в семье чаще можно встретить у тех народов, которые североамериканцы или европейцы привыкли считать отсталыми; в действительности же все дело в том, что отношение к браку у этих народов гораздо более реалистично. В любом случае, о какой бы нации ни шла речь, очевидно, что духовная незрелость и забвение нравственных норм отнюдь не способствуют достижению счастья в такой интимной сфере, как брак. Здесь прослеживаются две крайности: житель Востока в целом ждет обидно малого от отношений, способных дарить глубокую радость, делая жизнь богаче и счастливее; с другой стороны, американец ждет слишком много и изначально делает акцент на ложные ценности.

Большая часть рода человеческого относится к браку как к возможности воспроизведения потомства. Американцы же склонны считать, что цель брака - в достижении партнерами полового удовлетворения. Чем скорее люди осознают, что первая точка зрения основана на истине и законах природы, а вторая - на том, что важность одного из второстепенных аспектов брака преувеличивается, тем счастливее станут семьи. Возможно, именно здесь, в связи с такой важной темой, как брак, будет уместным остановиться на некоторых общих основополагающих истинах. Краски окружающего мира, ощущения, которые нам присущи, - все это прекрасно, и мы вправе, и, пожалуй, даже обязаны наслаждаться этим, ибо это даровано нам Богом. Мы развили в себе способность к тонкому восприятию окружающего, научившись получать эстетическое наслаждение от звука, цвета и формы. Отказ от земных радостей, которые щедро, словно из рога изобилия, изливает на нас природа, - вовсе не признак святости;

бегство от разумных удовольствий, которые дарует нам жизнь, не есть путь спасения. Все наши ощущения - это врата, которые ведут нас не только к более полному ощущению жизни, но и к лучшему пониманию ее и в итоге - к самосовершенствованию. Но здесь, как и во всем остальном, нужна умеренность - нельзя терять контроль над чувствами, ибо они не должны руководить нами.

Человек наделен способностью испытывать чувственное наслаждение - через восприятие запахов, звуков, форм, света. Богатство ощущений вовсе не свидетельствует о чрезмерной чувственности человека, так же, как научный взгляд на мир сугубо - о его материализме. Совсем наоборот - это говорит о том, что человек наиболее полно реализовал способности, данные ему Богом. Однако есть грань между полнотой самовыражения и эпикурейством. Подчиняя свою жизнь исключительно удовлетворению своих желаний и потребностей - чувственных, эстетических или даже интеллектуальных - человек начинает злоупотреблять ими, что становится препятствием для развития его души. Радости этого мира, став его единственным устремлением, подчиняют его себе, и он делается их рабом; это равносильно тому, как если бы клавиши вдруг вышли из подчинения и начали диктовать музыканту, каким образом и что ему играть. Как противоестествен и фальшив в своей основе аскетизм, так противоестественна и распущенность, но при этом она более пагубна для человека, ибо последствия излишеств, в чем бы они ни проявлялись, приносят больше зла, чем самое суровое воздержание. Вспомним уже упоминавшееся нами сравнение с наездником и лошадью. Как хорошо мчаться вскачь на резвом коне! Но нет ничего опаснее, чем оказаться верхом на коне, который вас не слушается. Сегодня люди во многом ощущают свою беспомощность, но наиболее очевидной является их полная неспособность управлять своей сексуальной жизнью. Они упрямо верят в то, что удовлетворение их чрезмерно развитого полового инстинкта есть не только их неотъемлемое право, но и единственная дорога к счастью и самое большое удовольствие, какое только можно получить от жизни. В западных странах секс, в разных его проявлениях, занимает все более важное место в жизни людей; к потоку развлекательной литературы, с ее неистощимым запасом дешевых любовных мелодрам, которыми пичкают уже третье поколение читателей (в основном, женщин), теперь добавилась волна откровенно непристойной литературы, хлынувшая на полки книжных и иных магазинов, вокзальных киосков, аптек и гостиниц, несущая то, что совсем недавно считалось порнографией и было запрещено. Киноиндустрия производит теперь такие фильмы, что даже их афиши и их реклама на телевидении помогает детям всех возрастов приобрести исчерпывающие знания в области секса, причем речь идет не только о нормальном половом акте, но и о всякого рода извращениях, включая гомосексуализм и лесбиянство. Музыка, живопись, мода, косметика, реклама, использующие тонкие и зачастую опасные способы воздействия на подсознание человека, подобно ураганному ветру, раздувают в человеке пламя чувственных желаний. В такой общественной атмосфере брак, как вид человеческих взаимоотношений, не может не разрушаться. Создается впечатление, что для многих людей единственным жизненным устремлением стал поиск сексуального наслаждения; секс, считают они, это то, в чем мы свободны, и этой свободой надо пользоваться сполна. Бездумно следуя этому пагубному заблуждению, человечество движется к катастрофе, которая уже сегодня проявляется в невиданном по размаху распространении болезней, в извращениях, в увеличении количества разводов.

Весьма сомнительным является утверждение о том, что человек, подобно животному, должен следовать своим инстинктам, ибо это полезно для его здоровья. Человек - существо иного порядка, его жизнь не может подчиняться животному началу, и потому для него не только вредно, но и опасно давать волю своим инстинктам. У животных инстинкты служат способом самовыражения, они же выполняют защитную функцию. А у человека есть разум, который в сочетании со способностью к свободному волеизъявлению, абстрактному мышлению, глубоким переживаниям, порождает в нем мощные силы, и этими силами нужно уметь владеть, устремляя их в нужное русло и не позволяя им стать неуправляемой, разрушительной стихией, как это происходит в современном обществе.

Самое прекрасное человеческое чувство - это любовь. Любовь - наиболее прочный фундамент человеческого общежития, она являет собой ту единственную, неизменную силу, которая способна объединить людей, упорядочить их отношения и создать такие условия, в которых жизнь достигнет наивысшей формы. Несдержанность в проявлении полового инстинкта унижительно для истинной природы человека. То, что для животного является спонтанным естественным откликом на зов природы, ведущим к воспроизведению вида, для человека может стать грехом - просто потому, что такое поведение недостойно человека, низводит его до уровня животного, а ведь, в отличие от последнего, человек не только отдает себе отчет в своих поступках, но и несет ответственность за них. Доходя до унижительных извращений, нарушая все нормы морали, вступая в случайные связи, люди делают свой выбор вполне осознанно. Большинство из них, хотя и смутно, но все же понимает, что в погоне за чувственным наслаждением они жертвуют другими, куда более важными ценностями.

Если бы в природе обнаружили особи каких-то иных видов, которые бы спаривались, не производя при этом потомства, мы сочли бы это явной аномалией. Тем не менее человеческие особи ведут себя гораздо хуже, убажывая каким угодно способом свой гипертрофированный сексуальный аппетит, им и в голову не приходит стыдиться этого или ужасаться! Неудивительно поэтому, что в мире столько несчастливых людей; неудивительно, что браки не приносят радости и распадаются. Да и могут ли быть счастливыми браки, когда в таком важном вопросе, как секс, люди совершенно пренебрегают потребностями своей души и тела: в теле искусственно разжигается непомерная чувственность, толкающая человека к распущенности, несвойственной животным, а душа при таком образе жизни человека не в силах развиваться и совершенствоваться. И если брак - этот краеугольный камень общества - непрочен и не выполняет своего предназначения, могут ли быть нормальными и полноценными отношения, складывающиеся на его основе, - отношения между родителями и детьми, братьями и сестрами, родственниками и знакомыми супругов?

Теперь о самой сути вопроса - о любви. Доктор Алексис Кэррэл, знаменитый врач и исследователь, лауреат Нобелевской премии, кратко, но очень выразительно определил исключительную роль любви в наших взаимоотношениях: <Мы все еще не вполне понимаем, что любовь - это необходимость, а не роскошь, только она может сплотить семью - мужа, жену, детей. Любовь - это достаточно надежный раствор для того, чтобы скрепить добрые отношения между богатыми и бедными, сильными и слабыми, работодателями и работниками. Если в доме у нас нет любви, ее не будет нигде и за его пределами. Любовь нам так же необходима, как способность мыслить, как секреции

щитовидной железы или желудочного сока. Никакие человеческие отношения не удовлетворят нас, если они не будут согреты любовью. Нравственная заповедь "Возлюбите друг друга" отражает фундаментальный закон, возможно, столь же непреложный, как и первый закон термодинамики>*

Абдул-Баха выразил ту же мысль еще более явно: <Любовь есть причина Божиего откровения человеку, жизненные узы, присущие в соответствии с Божественным твореньем самой природе вещей.

Любовь есть единственное средство, что обеспечивает подлинное блаженство в сем мире и в мире будущем.

Любовь есть свет, что ведет в темноте, живая связь, что соединяет Бога с человеком и помогает восхождению всякой просвещенной души.

Любовь есть величайший закон, что правит в сем могучем небесном круговращении, дивная власть, что связывает воедино все частицы сего вечногo мира, высшая притягательная сила, что определяет движения сфер в горних царствах.

Любовь обнаруживает с безошибочным и безграничным могуществом любые таинства, сокрытые во Вселенной.

Любовь есть дух жизни в украшенном теле человечества, устроитель истинного просвещенного града в сем смертном мире, кладезь вечной славы для всякого племени и народа, имеющих высокую цель...>**

Почему же именно любовь являет собой столь могущественную, всепроникающую силу? Потому, что Бог, создавший нас, есть Бог любящий, и Он пронизает все творение. Сила, которая связывает атомы, невидимые нити притяжения, которые удерживают на своих орбитах вращающиеся галактики, сила сцепления частиц внутри вещества, бутоны цветов, раскрывающиеся для опыления, дающего новую жизнь, токующие и строящие гнезда птицы, царственный олень со своей оленихой и оленятами, муж, жена и дитя - все они отражают самое главное в сущности Создателя - любовь. Поэтому, когда близость мужчины и женщины основана на любви и законе, то есть освящена узами брака, она становится неиссякаемым источником счастья и силы. Интимные отношения в браке еще больше укрепляют любовь, а любовь возвышает физическую близость до состояния духовного общения, делая ее радостью не только для тела, но и для души.

Брак следует рассматривать также и с точки зрения отношений между индивидом и обществом. Нельзя извлечь максимум пользы из того, о чем не имеете достаточного представления. Вступить в брак - это прежде всего обрести дружбу, которая продлится всю жизнь. Вполне возможно, что придет день, когда ваш супруг останется для вас единственным близким. Родители, скорее всего, умрут раньше вас, дети вырастут, и у них будет своя жизнь,

у ваших братьев, сестер, друзей будет свой круг близких, которые будут значить для них гораздо больше, чем вы. Но ваш супруг или ваша супруга всегда останутся с вами,

вы вместе будете делить радость и горе, у вас будет общий дом, дети, общий доход, кроме того, ваши интересы и увлечения с годами будут все больше совпадать. Прежде чем вступить в брак, вам следует представить свою будущую жизнь, задуматься над тем, сможете ли вы пройти весь свой жизненный путь вместе с вашим избранником.

Не ждите от брака слишком многого и в то же время не занижайте своих требований. Ваш союз не может дать более того, что вы оба привнесете в него. Если вы нетерпеливы, излишне строги, властны, подозрительны, нетерпимы, вспыльчивы, эгоистичны, знайте, что эти черты вашего характера не сделают ваш брак крепким и счастливым; даже если вы расторгнете его и смените партнера, вряд ли новый союз сложится более удачно! В браке, как и в любых других отношениях, необходимо сглаживать острые углы. Процесс это болезненный: поначалу приспособиться к характеру другого человека очень трудно, вот почему любовь поистине необходима в браке; пожалуй, здесь она более важна, чем в любых других взаимоотношениях. Любовь, эта изначальная Божественная сила, способна соединять непохожее. Подобно лучу солнца, она рассеивает тучи разногласий; она залечивает раны, которые мы бездумно, в минуты раздражения, наносим друг другу. С годами к всепрощающей силе любви постепенно добавляется еще один мощный фактор стабильности - привычка. Общий дом и ежедневное общение сближают людей, и появляется привычка к определенному укладу жизни - одна из самых могучих сил в супружеской жизни, поддерживающая ее равновесие. И даже если наступит день, когда супруги поймут, что любовь ушла, привычка может стать той силой, что сохранит союз.

Семейная жизнь зиждется на двух китах: первый - целомудрие, второй - дети. Целомудрие - редчайшая из нравственных жемчужин современного мира. Оно связано с самой интимной стороной вашей жизни и способно внести в нее столько радости и красоты, если только вы его сбережете до того момента, когда оно найдет выражение в вашем супружеском союзе! Сохраните его для того, с кем, помимо всего прочего, вас будет объединять общий дом и дети, с кем вы разделите все житейские радости и печали. Достоинство, духовная чистота умножаются стократ, если целомудрие до вступления в брак соблюдалось как женщиной, так и мужчиной. В этом случае шансов на счастливое супружество будет намного больше, поскольку супруги в полной мере разделят друг с другом то, что связано для них со вступлением в новую жизнь. Им не с кем будет сравнивать друг друга, у них не будет развито непомерное желание, которое может повредить браку, а, главное, секс станет для них естественной и здоровой составляющей их супружеской жизни, помогающей сглаживать шероховатости в отношениях, приносящей умиротворение и покой.

В противовес расхожему представлению о том, что воздержание вредит здоровью и является посягательством на законные права индивида, доктор Кэррэл утверждает: <До вступления в брак идеальное состояние - это целомудрие. Целомудрие требует нравственного воспитания с ранних лет. Оно есть наивысшее проявление самодисциплины. Сознательное воздержание от половых отношений в юности, как ни одно другое нравственное или физическое усилие, способствует совершенствованию жизни>. Логическое продолжение состояния целомудрия - брак, и брак, по возможности, должен быть ранним.

Цель брака - дети, а в нашем современном мире, особенно в суетной жизни крупных городов, этому придается все меньшее значение. Заблудившись в лабиринте

материальной цивилизации, мы так оторвались от матери-природы, породившей нас, что все чаще отказываем себе даже в тех первозданных и благословенных радостях, которые доступны каждой живой твари. Деторождение заложено в нашей природе. Это не только благоприятно влияет на здоровье, не только необходимо обществу - дети суть духовное благословение. Появление новой жизни, подобной нам, происходящей от нас, нуждающейся в нас, вызывает в человеческом сердце целую гамму особых, доселе неизведанных чувств. Только мертвое сердце не вздрогнет и не забьется учащенно при прикосновении детской руки. Отцовство и материнство очищает нас от шелухи эгоизма, которую мы нарастили на себе; оно привносит в нашу жизнь новый, страстный интерес, совершенно особое чувство ответственности; заставляет человека задуматься о себе и о своей чести; рождает такую любовь, которая ни с чем не сравнима - любовь жертвенную, побуждающую нас к самоотдаче и великому терпению. Поистине, рождение ребенка открывает для родителей путь к самоочищению. В жизни появляется некая <искорка>, и, кроме того, она обретает новое предназначение - маленькое человеческое существо требует любви, заботы, помощи, его надо воспитывать и обучать. Ребенок связывает отца и мать самыми тесными узами, обновляет родник их любви, их супружеское древо покрывается зеленой листвой. С появлением ребенка заполняется та пустота, которую нередко ощущают в старости бездетные супруги. Молодой жизнь представляется полной и без детей, да и в среднем возрасте людям кажется, что они вполне могут обойтись без них, поскольку зрелость - это пик самовыражения, но одинокая старость, лишенная любви, ужасна своей бессмысленностью.

Есть еще одна причина, намного более глубокая, по которой человеку положено иметь детей. Нашу жизнь можно сравнить с полетом: неодушевленная материя преобразовалась в одушевленную, в процессе эволюции жизни возник человек - единственный, кто возвращается к Богу. Полету суждено достичь апогея, познать который в этом мире нам не дано; после смерти человеческая индивидуальность, его душа продолжают жить, совершенствоваться, развиваться, и мы не должны по своей воле, если нет на то веской причины, преднамеренно разрывать звено в цепи, препятствуя появлению на свет новой жизни, которая продолжит полет дальше и выше.

Глава 5

Смерть

В жизни каждого человеческого существа есть два ключевых события - рождение и смерть; нам дается жизнь и нам дается другое - то, что происходит после жизни. Отдавая жизни всю свою энергию, посвящая ей наши мысли и надежды, мы уделяем поразительно мало внимания той загадочной метаморфозе, тому катаклизму, который зовется смертью. Смерть всегда с нами, и при этом мы почти никогда не думаем о ней, если только обстоятельства не вынуждают нас к этому. Смерть подспудно присутствует в жизни, жизнь и смерть - неразделимые спутники. Наши пульсирующие артерии, полные живительной силы, должны бы напоминать нам о том, что их биение может в любой момент прекратиться. Переход от одного состояния к другому так быстр, а разрыв между ними окончателен и бесповоротен. Если бы люди больше задумывались о том, что такое смерть, в чем ее смысл, какова природа тех перемен, которые ей сопутствуют, они жили бы иначе - более осознанно, сдержанно и с большей уверенностью за свое будущее. Жизнь надо рассматривать под углом зрения смерти. Отделять одно от другого

означало бы существенно нарушить равновесие. Жизнь - дорога, ведущая к одним вратам, и эти врата - смерть. Жизнь - это посев и цветение, урожай же будет собран за вратами смерти. Для души земная жизнь, со всей ее красотой, богатством и разнообразием впечатлений, - всего лишь период внутриутробного развития; смерть же и есть та истинная жизнь, для которой мы рождаемся.

Мы должны подготовить себя к тому, чтобы занять отведенное нам в мироздании место. Но мы, в большинстве своем, не ведаем, в чем заключается Высший План, сердцевинной, а не просто частью которого мы являемся. Все это движущееся море материи, весь поток сложного эволюционного процесса направлен к одной цели - созданию человека, который является венцом творения. Вся деятельность человека, весь его мир - и ментального, и физического уровня, существует только для того, чтобы подготовить его к вечному пути, конечный пункт которого прекраснее его самой вожденной мечты. День, когда его самолет оторвется от земли, чтобы отправиться в этот путь, будет днем его смерти. Земля, работа, знакомые предметы, долгая подготовка самолета к путешествию - все в единое мгновение остается позади; самолет устремляется в тот новый мир, для которого он был создан. Хороши ли его летные качества? Есть ли на борту приборы, необходимые для ориентации в пространстве? Как мы можем допустить, чтобы таким важным вопросам уделялось столь мало внимания? Одна из главных причин царящего в мире хаоса заключается в том, что люди, в большинстве своем, считают, что их жизнь случайность, а не составная часть некоего плана. Они живут в неведении, не думая о великом, совершенно очевидном законе существования материи: каждая сотворенная песчинка - составная часть определенной структуры, и она занимает в этой структуре определенное место, отправляя свои функции свойственным только ей образом; так и человек должен ощущать себя частицей единого целого, созданного по определенному плану, и он должен знать, что занимает в нем отведенное ему место и выполняет ему одному присущие функции. Как уже упоминалось, земную жизнь, если говорить о ее функции в общем плане бытия, можно сравнить с периодом внутриутробного развития, когда у души, как у биологического зародыша, находящегося во чреве матери, развивается все то, что ей понадобится в последующей жизни - жизни, которая начинается после рождения, а рождением для души является именно смерть. Древнегреческий баснописец Эзоп почти две тысячи лет тому назад в одной из своих поучительных басен сравнивает отношение к жизни кузнечика и муравья. Муравьи все лето работали не покладая рук, и зимой питались припасами, которые своевременно заготовили. А кузнечик жил беспечно, одним днем, не думая о будущем, и с наступлением зимы был вынужден голодать. Мораль сей басни не нуждается в комментариях.

Смерть обычно приходит внезапно, без предупреждения; мы живем, не зная, когда пробьет час и начнется наше путешествие в неизведанное. Смерть застает нас врасплох - как правило, мы совсем не расположены отправляться в дорогу. Конечно, мы распорядились бы иначе своим временем, осознавая со всей серьезностью, что дни пребывания на земле не только никогда не повторятся, но также предоставляют нам бесценную возможность подготовиться в путь; если бы мы понимали, что в дорогу кое-что нужно собрать, а сделать это можно всего лишь однажды, и что это однажды только сейчас, только в этой жизни, только в этом мире. Однако это вовсе не означает, что нужно впасть в меланхолию и постоянно думать о смерти как о каком-то несчастье,

которое рано или поздно постигнет нас, или как о чем-то единственно важном, что исключает вообще интерес к чему-либо. Нам, существам разумным, следует отдавать себе отчет в том, что жизнь - быстротечный, целенаправленный процесс; что мы мчимся сквозь дни и годы, неуклонно приближаясь к пункту назначения; что из этого пункта мы начнем путешествие в новую жизнь. У нас транзитный билет (нравится вам это или нет), и пока нас несет жизненный поток, мы должны быть разумны, должны успеть подготовить все, что нам понадобится в будущем при посадке, ведь не в нашей власти задержать отправление самолета, как не можем мы и вернуться назад, чтобы прихватить то, что забыли!

Мысль о смерти не должна вызывать у человека чувства страха, она должна быть ему приятна. К сожалению, для большинства людей это не так, и основная причина в том, что им не хватает знаний об истинной природе человека - они не осознают свою душу как часть своего <я>. Человек смешивает такие понятия, как тело и душа, мозг и разум. Зная, что тело бrenно, и почти ничего не зная о своей духовной сущности (и при этом не прикладывая особенных усилий, чтобы познать ее), он относится к смерти со страхом и опаской. Он смотрит на нее как на последнюю дань жизни и потому стремится взять от этого мира как можно больше - все, что можно. Вечно неудовлетворенный, он жадно бросается в водоворот жизни, потому что в глубине его сознания живет мысль о том, что впереди конец, небытие, а если и не конец, то нечто неведомое и пугающее. Если бы кто-то сумел убедить его в том, что и после того, как его сердце перестанет биться, он останется самим собой и будет по-прежнему осознавать себя! Смерть напоминает ситуацию, когда человек, перейдя из одной комнаты своего дома в другую, плотно закрывает за собой дверь. Загробная жизнь нематериальна - после того, как физическая оболочка отброшена, с человеком остается лишь то, что он вобрал в себя как личность, и только с этим багажом ему придется жить дальше; со смертью подводится итог всей жизни, и человек уже не может ничего ни добавить, ни исправить. Если бы кто-то смог убедить его в этом, человек проживал бы отпущенные ему на земле дни иначе, думая о будущей жизни и боясь не смерти, а того, что после смерти откроется ему о нем самом.

Люди, серьезно относящиеся к браку, обычно готовятся к нему заранее. Мужчина, как правило, заботится о жилье, желая обеспечить своей будущей семье хотя бы минимальный материальный комфорт. В свою очередь, женщина тоже стремится накопить приданое. Такие люди не устраивают скоропалительную свадьбу, они ждут, пока не будут к этому готовы. А ведь смерть - гораздо более серьезное изменение в нашей жизни, чем вступление в брак, и при этом она приходит без предупреждения. Потому-то следует готовиться к ней заранее.

Единственное, что мы уносим из этого мира, - это наши личные качества, то есть нечто вполне конкретное. Находясь в этом мире, мы можем создавать некий <имидж> самих себя - изменять внешность, представлять перед людьми в определенном облике, скрывать свои подлинные чувства и мысли. В нашем поведении много наносного. Люди маленького роста любят туфли на высоких каблуках, чтобы казаться выше; одежда помогает нам скрывать изъяны и уродства, вежливые фразы порой маскируют ложь или прикрывают душевную скудость. Мы обманываем друг друга, а часто и самих себя. Мы забавляемся нашими невинными хитростями. Но приходит смерть и срывает с нас всю

эту мишуру. Кажущееся уважение друзей, низкопоклонство льстецов, почет, доставшийся нам не по заслугам, - все спадает, словно с нас сняли одежду. Мы вступаем в новую жизнь такими, каковы мы на самом деле. Так почему бы нам не взглянуть в себя и не задуматься над тем, что мы из себя представляем? Почему не поработать над собой заранее, прежде чем настанет время этого необратимого перехода?

Человеческое сознание не в силах постичь того, чего человек не испытал на опыте. Поэтому Пророки никогда не говорили ничего конкретного о будущей жизни. Да и могли ли Они? Все, что мы знаем об этом мире, мы постигаем посредством наших органов чувств; людям, чей опыт до сих пор ограничивался сенсорным восприятием, невозможно дать представление о мире, в котором нет внешних раздражителей, действующих на органы чувств, да и самих органов чувств, способных воспринимать такие раздражители, тоже нет. Пророкам все же удалось донести до людей идею загробной жизни, и при этом Они сделали это весьма убедительно, прибегнув к языку, единственно понятному для человеческого разума, - языку символов, притч, аллегорий. Они рисовали нам картины, поначалу весьма примитивные, но доступные незрелому уму - картины небес и ада, огня и пыток, плача и стога, а также райских кущ, виноградных лоз, прелестных дев, ангелов с золотыми венчиками, усыпанными самоцветами... Это было необходимо для того, чтобы различие между адом и раем четко запечатлелось в сознании людей, и это было единственно разумным, психологически верным способом передачи этого послания. Людей, естественно, страшат огонь, пытки, страдания, а с другой стороны, их влечет безмятежная жизнь в красивом месте, где бы им оказывали почести и предоставляли роскошные покои! К каким бы образным сравнениям ни прибегали Пророки, смысл их наставлений был один: в мире, куда вы уйдете после смерти, правит Бог, и там вас ждет воздаяние или наказание; поступайте в этой жизни, как вам подобает, и стяжаете нетленные блага; если же отступите от законов Божиих, то лишитесь этих благ навеки.

К сожалению, большинство из нас относится к этим наставлениям, как к докучным проповедям. Мы не даем себе труда задуматься - а что, если Пророки, используя эти аллегории, которые кажутся нам несовременными, и обращаясь к нам на древнем, с трудом воспринимаемом нами языке, излагали законы, столь же непреложные и всеохватывающие, как и те, что действуют в материальном мире. Воздаяние и наказание - два столпа, на которых зиждется жизнь - и физическая, и духовная. В плане материальном обретение благ является результатом соблюдения закона, определенного для данной формы жизни, а их потеря - результатом его нарушения. Если растение получает все, что ему необходимо, оно <получает воздаяние>, то есть вырастает крепким и жизнеспособным. Не получая того, что ему нужно для развития, растение истощается, вянет и в конце концов погибает, то есть лишается блага (<наказывается> вследствие того, что были нарушены условия его произрастания). Нечто подобное происходит и с нашим телом, но в отличие от растения мы способны анализировать и осмысливать происходящее. Животные, подобно человеку, в полной мере осознают, что, нарушая закон, они страдают, а соблюдая его, обретают благо. Так, вполне возможно, что у гончей, преследующей скунса, который обрызгает ее отвратительно пахнущей жидкостью, возникает смутная мысль: <Почему я не оставила его в покое? - Ведь я знала, чем это может кончиться!> Лошадь, когда у нее саднит натертая седлом спина, кладет голову на руку хозяину, зная, что тот поможет ей. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что подчинение закону означает безопасность, облегчение

страданий или удовлетворение потребностей, а неподчинение им ведет к неудобствам или беде.

И животные, и люди вполне осознают действие закона воздаяния и наказания. Кошка, сидя под столом, знает, что ей достанется, если она прыгнет на стол, потому что хозяин ясно дал ей понять, что это запрещено; собака знает, что если она встанет на задние лапы и хорошенько попросит, то получит лакомый кусочек; ребенок знает, что в случае непослушания он будет наказан, а, если будет послушным, то его ждет похвала.

Есть два вида проявлений добра и зла, две сферы действия закона воздаяния и наказания. Первое - это произвольные проявления; например, огонь обжигает нас, потому что такова его природа; пища поддерживает наши силы, ибо содержит необходимые для организма вещества, и так далее. С другой стороны - добро и зло может быть результатом сознательного выбора, зависеть от того, кто наделен волей и властью. Если мы перееедаем, то вскоре начинаем плохо себя чувствовать, и тогда говорим: <Я сам виноват, мне не следовало так много есть>. Мы признаем, что наши страдания являются результатом того, что мы преступаем некие границы, нарушаем закон, и в результате этого неизбежно происходит какой-то сбой. Если пьяный намеренно едет на красный свет, он нарушает закон, установленный властями. Человека в этом случае могут арестовать и отправить под суд, предъявив ему два обвинения: первое - опьянение, которое является произвольной реакцией на повышенную дозу алкоголя, второе - намеренное нарушение установленного закона, поскольку он проехал на красный сигнал светофора. Однако держать ответ перед законом и нести наказание ему придется как в том, так и в другом случае, хотя первое было следствием бездумного пренебрежения законами природы, а второе - преднамеренным нарушением закона, установленного властями.

В минуту смерти мы оказываемся в весьма похожей ситуации - душа наша принимается такой, какова она есть на данный момент; отбор произойдет автоматически, мы на чаше весов. Если мы пренебрегали основными духовными законами, которые определяют развитие нашей души, то обнаружим в себе дефицит некоторых качеств - так в результате недоедания в нашем теле образуется дефицит тех или иных веществ. Если мы намеренно нарушали законы, установленные высшей властью, то есть Богом, то нам придется за это расплачиваться. В этом - вся концепция ада ирая. Рай - не место, а состояние. То же можно сказать и в отношении ада. Как часто в повседневной жизни мы называем счастье раем, а в минуты глубокой печали и страдания говорим, что мы живем как в аду. На самом деле и то и другое - внутри нас самих. Мы не направляемся туда после смерти, мы берем их с собой.

Час удовольствия пролетает, как одно мгновение, минута страдания кажется вечностью. Нам не следует забывать об этом, чтобы в момент смерти не оказаться застигнутыми врасплох.

Этот мир - место, где мы можем действовать; в нем мы растем и развиваемся, взаимодействуя с окружающей средой. Как растет и работает наше тело, так развивается и наша душа, чуткая, впечатлительная и нежная, реагирующая на все наши поступки. В момент смерти душа отделяется от тела и покидает физический мир. Дни ее взаимодействия с ним окончены, и она не может более развиваться. Она отделена и от

своего носителя, и от прежнего окружения. Теперь она просто существует. Это состояние бытия, однако, несравненно более насыщенное, чем то, которое мы осознавали как свою истинную сущность, свое <я> в земной жизни. Это различие, наверное, можно лучше представить себе, если провести аналогию с кинофильмом: пока мы находимся в этом мире, мы как будто снимаем фильм. Лента запечатлевает все: пейзажи, цветы, предметы. Создавая фильм, мы отчасти ограничены в своих действиях - тот, кто находится в Швейцарии, не может заснять пустыню Сахару; но в чем-то у нас полная свобода, мы можем выбрать ракурс, время дня, сам сюжет. Ведь примерно так происходит и с нашей жизнью - мы как бы снимаем фильм, он небольшой, один кадр сменяет другой, и эта кинолента - мы сами. Камера непрерывно работает, и мы еще не успели как следует насладиться, прочувствовать и достойно оценить пейзаж или опыт, а кусок уже отснят, и мы заняты следующими кадрами. Когда мы умираем, перед нами прокручивается весь фильм. При этом каждый кадр проходит в большом увеличении, и на экране появляется то, что мы вовсе и не собирались снимать: в нижнем углу прихватили свалку (мы этого совсем не хотели - а она тут как тут!); на цветочной клумбе неожиданно для себя видим бабочек, которые порхают над ней, переливаясь красками, - случайный красивый мазок, а как он теперь радуется нас! Нет нужды пояснять, что под свалкой подразумевается какая-то вредная привычка или грубость, или преднамеренное нарушение закона, а бабочки - это доброе дело, какая-то жертва, которую мы принесли, некое благое приобретение, которым мы обогатили свою душу, даже не подозревая, как красиво это смотрится со стороны.

Никогда уже мы не сможем снять эти виды заново: время, место, люди - все ушло. Наш фильм может стать для нас радостью - значит, мы будем вознаграждены за терпение и труд, которые в него вложили. А возможно, мы найдем его посредственным и скучным и пожалеем, что уже не удастся в чем-то изменить, доработать его. Но может статься, что мы увидим нечто ужасное: сцену убийства, акт жестокости, что-то непристойное, что-то такое, что не дает нам покоя и своим постоянным присутствием служит нам наказанием. Ну что тут поделаешь? Фильм этот, запечатлевший наше тело, нашу жизнь, выбранный нами сюжет, уже в прошлом.

Всякое сравнение - даже самое лучшее - неадекватно. Главное же заключается в том, что в той жизни, которая начнется после смерти, мы не властны над тем, что уже сделано; оно осталось в нас; лишь другая рука может изменить картину, коль ей вообще суждено быть измененной. Даже если человек вначале живет дурно, но потом, осознав свои ошибки, принимается исправлять их, у него еще есть шанс, уходя, взять с собой светлую картину, ибо пока он жив, он свободен в своих действиях, способен меняться, может добром загладить зло; он жив, а жизнь удивительно пластична и восприимчива (на теле заживают все раны, кроме самых безнадежных; так у дерева, потерявшего во время бури ветвь, вырастает новая). Однако человек теряет возможность заниматься самосовершенствованием, завершив отмеренный ему земной путь. Теперь все будет зависеть от двух факторов: хочет ли он сам меняться, и согласится ли Высшая Власть вмешаться, чтобы помочь этим переменам свершиться. Желание измениться проявляется в раскаянии, в неудовлетворенности собой, в искреннем стремлении принять помощь. Иные души и после смерти остаются столь же невосприимчивыми, столь же упрямыми и замкнутыми. Поскольку по благословию Бога человек наделен свободой выбора - и в определенной мере свободной волей - этот твердый орешек не может быть вскрытым силой извне. Таким душам может помочь раскрыться только любовь тех, кто любил их

при жизни, тепло их молитв, но никто не в силах заставить их измениться. От рождения нам дан Богом бесценный дар - право на осознание самих себя.

В действительности никто не может властвовать над нами, никто не в состоянии отпереть силой замок нашей души. Поэтому человек, покидающий эту жизнь с мраком в душе и чувством внутренней опустошенности, с тяжелым грузом зла за плечами, должен осознавать, что его ожидает несчастливая доля и что он должен сам очень захотеть измениться, если рассчитывает на помощь Бога. Однако и тогда процесс очищения может быть долгим и трудным, и все доброе, что этот человек получит, будет только подаванием: ведь в этом мире он ничего не посеял, следовательно, ему нечего ожидать, что он снимет урожай в мире ином. Он будет питаться скудной пищей бедняка. Понятно, насколько глубоким будет его сожаление о том, что он не удосужился вырастить собственный урожай, пока у него была такая возможность.

Поистине безрассудно не задумываться о смерти, которая может прийти в любое время, став для нас поистине грандиозной переменой - ведь она может принести нам и безграничную радость, и безграничное сожаление, и ужас расплаты за содеянное нами. Если эта картина покажется вам чересчур мрачной, спросите себя - каково состояние души тех, кто сознательно, используя свою власть, совершал злодеяния в концентрационных лагерях?

Если нам угодно предъявить претензии к Богу за то, что Он сотворил этот мир таким, каков он есть, - это другой вопрос. Но нужно быть весьма недалеким и самодовольным человеком, чтобы критиковать столь разумную, столь превосходно отлаженную и отработанную систему, каковой является Вселенная и сама жизнь, в том числе и жизнь человека. Самое мудрое, что мы можем сделать, - это найти время, чтобы не спеша разобраться в себе, подумать о том, как мы живем сейчас и чего ждем от будущего. Наша физическая жизнь от начала и до конца более или менее запрограммирована природой; нам же следует позаботиться о своей душе и решить, что бы мы хотели получить, выполнив программу самовоспитания, ибо именно это в итоге останется с нами навечно.

Глава 6

Работа

Мы живем в энергетической Вселенной; куда ни повернешься, в какую область ни заглянешь - будь то изучение звезд и атомов, биология и химия, сфера общественных или экономических наук - мы видим проявления все той же энергии, безудержной активности, производные которых - сила и власть, а в живой материи - размножение, рост, эволюция.

В последние десятилетия коренным образом изменились представления о материи. Исследования показали - все, что нас окружает, состоит из бесконечно малых, наэлектризованных частиц, которые с огромной скоростью вращаются на своих крошечных орбитах; даже кажущиеся неподвижными миры постоянно совершают движение по своим космическим траекториям. Таким образом, бесконечно малое становится бесконечно большим по масштабу выполняемых функций - будь то свет

далекой звезды, путешествующий сквозь пространство миллионы лет, прежде чем дойти до нас, по которому мы узнаем о природе раскаленного шара, излучившего его; или извечное чудо превращения семени, гены которого содержат информацию о миллионах лет эволюции, в саженец, саженца - в мощный дуб, или преобразование человеческого дитя во взрослого человека. Все это примеры проявления силы и энергии. Бесконечно малое оказывается огромным. Маленький мальчик-корсиканец вырастает, чтобы сотрясти до основания всю Европу, стать виновником гибели тысяч людей и войти навеки в историю человечества. Ученый, пристально вглядываясь в микроскоп, выделяет бациллу тифа или микроб малярии. Тем самым он одолевает исконного врага рода человеческого, и благодаря его открытию сотням миллионов людей будет сохранена жизнь.

И коль скоро активность есть свойство любой формы материи (каждый атом камня находится в движении), она присуща и всему живому; если живые существа теряют активность, они переходят в другое состояние, называемое смертью. Активность животных подсознательна; в то время, когда они не охотятся, не спариваются и не ухаживают за своим потомством, они чаще всего чем-то заняты - играют, устраивают жилища, вылизывают свою шерсть. Некоторые живые существа вообще трудятся непрерывно, причем по установленной схеме: муравьи не переставая благоустраивают муравейник, тащат в него пищу на зиму, захватывают других муравьев и заставляют их помогать в работе, сражаются с врагами; и какой бы неприметной ни казалась нам их деятельность, тем не менее они трудятся безостановочно и старательно.

И все-таки ни одно животное не трудится так, как человек. Одно из уникальных достоинств человека состоит именно в том, что его активность, которая является универсальным свойством материи, направлена и устремлена в грандиозное русло, называемое работой. Все свои способности человек отдает работе: его слух работает, создавая музыку и музыкальные инструменты; его руки научились делать все - от примитивных шалашей до стоечных небоскребов, от двухколесной тачки до сверхзвукового авиалайнера, от каменного ножа далеких праотцов до скальпеля современного хирурга. Способность издавать звуки породила его речь, которая привела к письменности, а позднее и к книгопечатанию, и теперь мир наполнен книгами, издающимися на многих языках. Его глаза - окна его мозга - дали ему возможность воспринимать живопись, со всем ее богатством формы и цвета, помогли создать приборы, благодаря которым человек становится хозяином окружающего мира; таким образом, приборы геодезиста и оборудование физика - это все те же человеческие глаза и руки - орудия его мозга.

Вряд ли существует другое живое существо, столь же неутомимое по своей натуре, как человек. Ему все время нужно что-то делать. Он не способен часами нежиться на солнце, подобно рептилии, или впадать в зимнюю спячку, как медведь. Даже первобытный дикарь, лишенный, казалось бы, каких бы то ни было амбиций, все-таки что-то делает, что-то создает, о чем-то думает. Быть в постоянном движении - это норма для человека. Когда мать видит, что ее пятилетний малыш стал апатичным и вялым, она знает, что это признак болезни. С возрастом мы все меньше бегаем и прыгаем, но, тем не менее, мы остаемся в движении до глубокой старости, а, если нам это не удастся, значит, мы чем-то больны, физически, психически или духовно. Лишь в исключительно редких

случаях врачи рекомендуют человеку полный покой; чаще они советуют сменить обстановку или сферу деятельности, другими словами, заняться чем-то новым, отличным от того, что мы обычно делаем. Даже отдых, по блестящему определению кого-то, - это, фактически, смена занятий.

Наша чудесная способность работать, что -то производить - это и источник нашего счастья. Ничто не может дать нам большего удовлетворения, как завершенная работа. При виде хорошо сделанной работы - будь то испеченный пирог, написанная книга или построенный мост - мы можем испытывать такую радость, какую нам не может дать ничто другое. Даже в горе, в болезни, в бедности или в опасности нам отрадно сознавать, что удалось сделать что-то полезное. Инвалиды войны, люди с нервными расстройствами, умственно отсталые дети в труде восстанавливают свое здоровье и находят выход, казалось бы, из безвыходного положения. Почему же? Потому, что труд необходим нам. Он приводит в движение самые глубинные механизмы нашего существа; подобно тому, как в нашем организме кровь выполняет множество жизненно важных функций - выводит шлаки, обогащаясь в легких кислородом, питает ткани, - так, по-видимому, и работа поддерживает тонус нашего организма, взбадривая нас и вызывая новый приток энергии.

И все же мы, как правило, не осознаем, как не осознаем и многого другого, какую важную роль играет в нашей жизни работа, которая для нас и долг, и привилегия; многие из нас считают ее тяжелой ношей и неизбежным злом или, в лучшем случае, смотрят на нее, как на способ достижения какой-то цели. Неправильно подходя к этой наиважнейшей стороне нашей жизни, люди часто рассматривают работу лишь как способ получения денег, а деньги, в свою очередь, как способ избавления от необходимости работать. Работать в надежде обрести покой, достаток и позволить себе какие-то удовольствия вполне естественно для человека, но если это становится единственной мотивацией труда, то труд обесценивается. Большинство людей делают все наспех, стремясь поскорее закончить работу; зачастую им все равно, как она будет сделана, лишь бы с глаз долой; некоторые же стараются работать хорошо, но только ради тех выгод, которые им это принесет - большей зарплаты и продвижения по службе. И лишь немногие работают ради самой работы, и уж совсем мало людей работает с максимальной отдачей, с желанием довести то, что они делают, до совершенства - такие люди получают удовлетворение от того, что вложили в нее все, что могли. Хорошо, если у человека есть желание трудиться, применять свои силы, испытывая при этом отрадное волнение. Тогда труд вознаграждает нас живым ощущением радости достигнутого. И все-таки самое глубокое удовлетворение получаешь от работы тогда, когда стремишься довести ее до совершенства. Порой нас утомляет монотонная скучная работа, которой мы вынуждены заниматься; трудно найти что-либо увлекательное в стирке, окучивании картофеля, загрузке угля в корабельную топку, уборке улиц, вечной готовке еды и мытье посуды после нее или в выполнении одних и тех же механических операций на сборочной линии. Конечно, эти занятия малоинтересны, и даже если физически мы с ними справляемся, то душа устает от их монотонности. Есть, однако, способ получить удовлетворение и от скучной работы, и он заключается в том, чтобы сделать ее отлично. Если вы работаете спустя рукава, лишь с желанием отделаться от того, что вам поручено, работа, естественно, не приносит вам ни малейшего удовольствия; но если сделать ту же самую надоевшую стирку или прополку, или любое другое дело так, как никто до вас не

делал, так хорошо, что лучше просто невозможно, - а иначе зачем и браться! - вот тогда наградой вам будет согревающее чувство гордости за достигнутое, о каком бы скромном занятии ни шла речь. Если вы, приступая к работе, скажете: <Итак, это надо постирать? Ну, что ж, я выстираю это как надо!> или <Ага, это надо приклепать? Хорошо, я это сделаю, только дай мне за это взяться!> Удовлетворение, испытываемое при виде хорошо сделанной работы, скорее всего заставит позабыть уныние и досаду.

Одна из самых распространенных <болезней > нашего века - это неумение сосредоточиться. Люди или не могут, или не хотят внимательно относиться к тому, что делают. Трагические последствия этого мы постоянно ощущаем на себе. Невнимательность людей можно сравнить с отраженным светом: его много, но он настолько слабый, что толком ничего нельзя разглядеть. Отсутствие должного внимания приводит не только к тому, что плохо выполняется работа, но и ко множеству несчастных случаев на дорогах, на производстве, дома. Это, естественно, вызывает досаду и взаимное раздражение. Люди делают одно, а думают о другом, а то и вовсе ни о чем не думают. Сколько раз за неделю вам случается сказать кому -то: <Но я же вам говорил...>, а в ответ: <Ничего подобного!> Может быть, вы замечали в разговоре с людьми, что они либо вообще не слушают, о чем вы им говорите, либо слушают невнимательно, не стараясь понять.

Выживание видов всегда напрямую зависело от способности сосредоточить внимание, которое связано с напряжением органов восприятия (в биологии это называется сенсорными органами), на том, что происходит в данный момент, ибо это поможет лучше сориентироваться в происходящем, защитить себя или с большей выгодой воспользоваться предоставившейся благоприятной возможностью.

Если бы каждую минуту мы умели сосредоточиваться на том, что делаем, то не только качество нашей работы было бы намного выше, но и чаще приходило бы к нам чувство удовлетворения. Жизненный опыт отнюдь не вливается в нас подобно неуправляемому потоку воды - мы должны вбирать его в себя, анализируя впечатления и события, а это требует концентрации внимания и сосредоточенности. Философское обобщение по этому поводу было сделано тысячи лет назад в Бхагават-Гите:

...Вчерашнее - всего лишь сон,

А завтра - это только греза,

Но если день сегодняшний достойно прожит, Все дни вчерашние становятся счастливым сном, А завтрашние все сулят надежду.

Так позаботьтесь же о дне насущном.*

Наши органы восприятия надо не только совершенствовать, но порой и подвергать коррекции. Человеческие существа по своей природе излучатели. Мы устроены так, чтобы отдавать; если мы становимся похожими скорее на губку, чем на излучатель, это признак нездоровья или деградации. Отдавая себя работе, какой бы незначительной она ни казалась, вы обретае чувство удовлетворения. Может быть, вам вовсе не хотелось этого делать, но, по крайней мере, вы сделали это на совесть. Эта внутренняя потребность в самовыражении и самоотдаче не только благотворна для вашего психического состояния, но и увеличивает положительный опыт вашей жизни. Окружающий вас мир станет немного лучше благодаря тому, что вы в своей работе

постарались достичь совершенства. Если речь идет о вашем доме, то он станет чище, опрятнее, и ваши близкие вместе с вами еще раз порадуются тому, что вы сделали свою работу не кое-как, а с душой. Если же речь идет о вашей профессиональной деятельности, то вашу добросовестность оценят и ваш работодатель, и те, кто пользуется плодами вашего труда.

Все, что мы имеем в жизни, бессмысленно, если не дает видимых результатов, если не приносит счастья и чувства удовлетворения, не помогает более полно развиваться нашим способностям, то есть не приводит к тому, чтобы наша жизнь стала более гармоничной и полезной. Люди, за редким исключением, ищут того, чего у них нет: то им нужна другая работа, то больший доход, то новый бытовой агрегат, обеспечивающий комфорт. Однако, получив желаемое, они редко успокаиваются; обычно поиграют новой игрушкой раз-другой, а потом забросят и забудут, поскольку уже появился новый предмет вожделения. И происходит это не только в результате внутреннего разлада личности, страдающей от духовного голода - чаще всего это связано с тем, что у человека нет занятия по душе. Мы не можем уважать себя, если полностью не отдаемся делу. Часто работа не приносит нам радости, и происходит это оттого, что мы страдаем ужасной болезнью, называемой <потребительство>. Как правило, мы стремимся брать и очень редко - отдавать. В результате происходит самоотравление, некая закупорка личности, потому что ее возможности остаются невостребованными. Подобно роднику, мы должны отдавать свою энергию, черпая в себе новые силы, и в этом логика жизни. Мышца без физической нагрузки ослабевает, и наоборот, чем большую нагрузку она получает, тем сильнее становится. Это вполне соответствует нормальному ритму жизни; борьба, выброс энергии вызывает новый ее прилив и одновременно дает хорошую закалку. Чем больше вы делаете, тем больше можете сделать.

Нет никаких сомнений, что причина, по которой современные люди порой не испытывают гордости за сделанную работу и так мало получают от нее удовольствия, кроется в автоматизации нашего труда. В то, что человек создает своими руками - будь-то метла, коврик, табурет, глиняный горшок, - вкладывается частица его души, что-то произвольно переходит от него к сделанной им вещи именно потому, что изготовил он ее собственными руками, обычно для собственного пользования, для своей семьи или своей деревни. Однако вряд ли кого вдохновит работа, состоящая в том, чтобы опускать рычаг на огромной машине и смотреть, как штампуются детали, или работа на токарном станке, когда потоком в большом количестве изготавливаются ножки для стульев. В этом случае процесс труда настолько обезличен, что ваше участие в бесконечной цепи машинного производства кажется ничтожно малым и неэффективным. Это цена, которую приходится платить за ту новую свободу, данную нам машиной. Чтобы значительно облегчить ношу рабочего человека, нам пришлось пожертвовать той долей самоуважения и тем удовлетворением, которое испытывали наши деды, работая своими руками. Чтобы вернуть себе самоуважение и работать с наслаждением, что само по себе один из величайших источников счастья в этом мире, нам придется немного иначе посмотреть на эту проблему. Работа нужна нам не только для получения средств к существованию, она психологически необходима. Мы по своей природе труженики, такие же, как пчелы и муравьи, и мы никогда не сможем чувствовать себя здоровыми, если не будем работать - неважно где, в угольной ли шахте, в астрономической лаборатории, в оркестре - труд для нас полезен, он незаменим. Если мы это усвоим, то будем браться за

повседневную работу с большей готовностью и рвением. Если мы научимся восторгаться совершенством продуктов труда и будем всецело стремиться к нему, то наш труд станет приносить нам намного больше удовлетворения. Однако и этого нам недостаточно, и это не совсем то, что нужно, ибо рассуждая так, мы занимаемся самоуспокоением: <Я это сделаю таким образом, потому что мне так нравится>. Работа, которой человек занимается в одиночку и плоды которой никто не увидит, не может принести полного удовлетворения, как не может стать счастливой жизнь одинокого человека, принявшего обет безбрачия, ибо он никогда не достигнет духовного совершенства, найти которое можно только в обществе себе подобных. Работу следует рассматривать как ваш личный дар обществу: <Примите это от меня с наилучшими пожеланиями, это сделал я, Джеймс Смит, и весьма горжусь этим>. Труд - это ваш вклад в лучшую жизнь других и, конечно, в свою собственную. Иными словами, это ваше служение человечеству. Вам могут за это платить слишком мало или слишком много; это может быть очень неблагодарный труд городского мусорщика или очень опасная работа сапера, но если вы делаете ее с достоинством, с сознанием того, что это ваш вклад в жизнь общества, что вы делаете ее хорошо, что вы не какой-то трутень в улье, а честный труженик, сам зарабатывающий себе на хлеб, вы не сможете не ощутить при этом удовлетворения.

Не позволяйте себе остановиться на достигнутом, чтобы не уподобиться застоявшейся в канаве воде, которая в конце концов загнивает и начинает дурно пахнуть. Ощутите, что внутри вас бьют родники, питающиеся от неистощимых, пусть и неведомых, источников. Ваше предназначение - постоянно быть в движении, подобно ручью, так или иначе, в большей мере или в меньшей отдавать другим то, что у вас есть, внося таким образом свой вклад в жизнь человечества. Не просто работайте - служите людям. Однажды вечером в брюссельском трамвае я получила замечательный, незабываемый урок того, как надо работать. Возвращаясь из деловой части города к себе на окраину, я села в трамвай. Я ехала минут пятнадцать-двадцать, но кондуктор того трамвая успел преподать мне бесценный урок отношения к труду. Это было много лет назад, но с тех пор я не видела ничего подобного. По мере того, как я наблюдала за кондуктором, у меня складывалось впечатление, что трамвай - его собственный, и каждый входящий - его гость, и что он отвечал за всех, кто находился в трамвае. Сам же он совершенно не осознавал этого. Он просто вкладывал в работу всего себя. Обязанности трамвайного кондуктора - продавать билеты, давать сдачу. Вдобавок к этому в Брюсселе тех дней трамвайный кондуктор должен был, к неудовольствию пассажиров, дуть в издававший отвратительный звук медный рожок, давая сигнал водителю, что можно отправляться. Но этот человек, до сведения которого, может быть, так никто и не довел, что от него требовалось только лишь отсчитывать медь и дуть в рожок, помогал старикам, старушкам и детям входить и выходить из вагона, подавал им их свертки, держал на руках ребенка, пока мать спускалась с подножки, ходил вдоль вагона, как хозяин ходит по своей гостинной, устраивал поудобнее усталого человека, предлагал другим пассажирам немного подвинуться, чтобы усадить женщину, и с невероятной готовностью, конечно же, вежливо отвечал на вопросы, по просьбе людей напоминал им об остановках; улыбался и взглядом как бы говорил: <Как хорошо, что вы здесь! Чем же мне услужить вам?> Это было удивительно. Мне невольно пришла в голову мысль: каким бы стал этот мир, если бы все люди выполняли свою работу подобным образом, не сердясь, не обижаясь, не обливая других равнодушием; ведь мог бы и тот кондуктор

занять удобную позицию: <Я зарабатываю себе на жизнь, и мне нет до вас никакого дела, я здесь только для того, чтобы компостировать билеты и давать сигнал к отправлению, и это все, что я намерен делать>, но вместо холодного безразличия (столь характерного для большинства из нас), он источал внимание, вежливость, услужливость. И я не сомневаюсь, что при этом он был счастлив. Вкладывая всего себя в эту мало перспективную работу, он взамен получал величайшее удовлетворение; это было написано на его усталом, ничем не привлекательном лице - оно светилось счастьем. Он открыл секрет труда - труда, который есть служение, нашел золотой талисман, который превратил нудную, тяжелую работу в удовольствие, усталость - в удовлетворение, скуку - в заинтересованность. Может ли кто-либо сказать, что его труды пропадали даром, что он вел себя как глупец? Я была всего лишь одним из его пассажиров, но пока я жива, я не забуду этого человека. Как много может сделать всего один человек. Стоит призадуматься, а что, если бы все мы попробовали так трудиться, каким бы стал этот мир! Отдавать - значит получать. Почему это так, остается тайной, но чем больше вы отдаете, тем больше вы получаете для своей души.

Глава 7

Привычка

Вода постепенно прокладывает себе русло, и со временем оно углубляется и расширяется. Изменить русло и заставить реку течь в другом направлении - задача грандиозная, но человеку не раз удавалось ее осуществить. Привычка - как русло, которое прокладывает в нашей душе жизненный поток, и это русло может быть нужным или ненужным. Может быть, мы, лентяи, шли в своей жизни по пути наименьшего сопротивления - так поток устремляется туда, где легче пробиться, - и в результате приобрели массу дурных привычек, которые теперь бременем давят на нас; а может быть, напротив, мы отчаянно боролись, чтобы измениться к лучшему; как бы там ни было, но уже то, что человеческие существа, как и любые другие формы жизни, способны формировать привычки, - для нас большое благо.

Само общество отчасти виновато в том, что в людях формируются дурные привычки. Общественная жизнь построена на предрассудках: в некоторых странах, таких, как Соединенные Штаты и Южная Африка, все еще живы расовые предрассудки, в мусульманских странах Аравии и некоторых католических странах Южной Америки на жизнь людей большое влияние оказывают предрассудки религиозные, а в Индии и Англии сильны классовые предубеждения. Эти предрассудки в сочетании с другими, исключительно вредными общественными привычками, которые было бы правильнее назвать антиобщественными, держат человечество на весьма низкой ступени развития. Поэтому, чтобы общество продвигалось вперед, нужно научиться преодолевать их, как на уровне личности, так и на уровне всего сообщества, и для этого должны использоваться общеобразовательные программы, реклама, просветительская пропаганда, законодательство и тому подобное.

Одно из величайших благ, дарованных нам, - это возможность формировать привычки как духовные, так и физические, которые ставят нас над другими живыми существами. Привычка - это могущественный инструмент, с помощью которого мы можем совершенствоваться. Способность многократно повторять одно и то же действие, пока

это не станет второй натурой, - один из величайших факторов нашего развития. Привычка, а также изумительная способность адаптироваться, присущие нам как виду, придают человеку такую гибкость и силу, каких нет ни у одной другой формы жизни. Без преувеличения можно сказать, что нет ничего в этом мире, чего человек не мог бы сделать или достигнуть, - так велика его изобретательность, способность направлять свой талант в новое русло, умело приспосабливаться к новым условиям. Человек - это единственный вид, способный выжить и на ледяных просторах полюса, и в засушливых пустынях, и в бесплодных степях, и в дебрях тропических джунглей. Обычно в течение жизни одного или, по крайней мере, двух поколений самый примитивный человек - если изменить среду его обитания - может стать цивилизованным. Ребенок, бегавший голышом в африканской деревушке, может закончить Оксфордский университет и усвоить оксфордский выговор; он, вероятно, мог бы даже и забыть, что когда-то был дикарем, если бы, конечно, окружающие не напоминали ему об этом. Что же с ним произошло? Прекраснейший из всех материалов - человеческая душа - обрела новую форму, у которой появились новые привычки.

Бесспорно то, что легче всего формировать привычки в детстве. Родниковая струя, только что выбившаяся из-под земли и еще не выбравшая определенного направления, готова течь туда, куда ей открыт путь. Если нормальному ребенку сразу же начать прививать хорошие качества, такие, как правдивость, смелость, прямота, честность, вежливость, нежность, доброта, трудолюбие и тому подобные, он начнет жизнь, имея прекрасную, крепкую основу, на которую будет опираться его дальнейшее развитие, а образование, карьеру, увлечения, друзей пусть он выбирает уже по своему усмотрению. Если ребенок будет жить в атмосфере греха, дисгармонии, лжи, предрассудков, ненависти, невежества, его душу искалечат дурные привычки, и вполне возможно, что он, как личность, найдет способ самовыражения, недостойный человека. Однако нам не раз приходилось быть свидетелями того, как из тины отвратительной среды, окружавшей человека в детстве, вырастали благороднейшие люди. Это значит, что душа человека воспротивилась тому, что формировало дурные привычки, и, отделив от грязи и порока драгоценные чистые крупички, направила по пути, диаметрально противоположному пути тех, кто окружал ее. Но верно и обратное; бывает так, что человек, росший среди хорошего окружения, имея перед глазами достойный пример и все возможности для самосовершенствования, приобретает вредные привычки. Такие случаи встречаются довольно часто, и вызваны они тем, что нам дана еще одна привилегия - свободная воля, которая позволяет нам сделать осознанный выбор между добром и злом.

Как ни велика сила привычки, но и она держится на оси, и ось эта - сила воли, тот двигатель, с которым каждый человек рождается и который всегда остается с ним, готовый к тому, чтобы подключиться к решению множества задач. Если человек пожелает чего-либо достигнуть и желание его будет достаточно велико, он преодолеет любые преграды. Даже привычки могут меняться под воздействием силы воли. Благодаря силе воли в канву нашей жизни, независимо от возраста, могут быть вплетены и новые привычки. Как часто приходится слышать расхожее выражение: <Чтобы поправиться, больной должен этого захотеть>, но ведь так оно и есть - усилием воли человек может направить жизненную энергию в русло выздоровления. Психологи знают, что усилием воли можно разрушить в нашем сознании старые стереотипы и создать новые поведенческие модели.

Если вы считаете, что вам необходимо воспитать в себе определенную привычку, настройтесь на то, что внутри вас сокрыта чудесная сила - ваша душа, готовая откликнуться на ваш призыв, а за ней стоит еще одна, и значительно более могущественная, добрая, созидательная сила - это Сила Вселенной, Сила Бога, источник вашего совершенства и развития, помогающая вам полностью раскрыть все ваши возможности. Подтолкните себя к переходу в это новое состояние. Первые попытки могут оказаться неудачными, ибо для того, чтобы заставить себя сдвинуться, придется преодолеть силу инерции. Однако каждый шаг вперед будет сопровождаться мощным приливом энергии, будет все легче и легче входить в это новое состояние, и в конце концов он станет привычкой. Обнаружив у себя вредную привычку, постарайтесь избавиться от нее. Может быть, самый легкий способ - это просто вытеснить ее, заменив ее чем-то хорошим. Допустим, вы решили искоренить в себе страсть к картежной игре или привычку спускать на скачках с трудом заработанные деньги; вы можете облегчить себе задачу, если выработаете вместо этого иную привычку - читать стоящие книги или играть со своими детьми, прививая им полезные навыки; а может быть, вы решите посвящать какую-то часть вашего времени тем, кто в нужде, а также помогать им материально. Прежде всего развивайте в себе привычки, помогающие вам познавать самих себя, истинно и глубоко наслаждаться жизнью и приближаться к Единому Создателю, Который любит нас так, как не может любить ни одно человеческое существо.

Поговорим о привычке, которой недостает почти всем городским жителям - о привычке быть крепким и выносливым. Горожане, несмотря на свою искушенность, во многих вопросах гораздо слабее тех людей, которые живут в непосредственной близости к природе, при том не обязательно физически, скорее морально. Фактически горожане бегут от жизни; они жаждут развлечений или еще чего-либо - лишь бы забыться; они так жадно ищут спасительное средство для своей больной души, что порой это вызывает неприязнь. Город - место, где можно забыться. Искусственная обстановка, стремительный темп жизни, множество разнообразных развлечений - все это уводит людей от познания их истинной сущности, в отличие от сельских жителей, живущих более спокойной размеренной жизнью в соприкосновении с природой.

Жизнь, с ее бурной деятельностью и энергией, порой делает крутые повороты. Печаль, страдания, болезнь, смерть в известной мере затрагивают каждого человека, независимо от того, миллионер он или нищий. Если мы не способны глубоко переживать - радость ли, душевную ли боль - значит, как человеческая сущность, мы в чем-то неразвиты, ибо способность чувствовать присуща всему живому. У каждого бывает такой момент, когда жизнь внезапно наносит ему жестокий удар. Тот, кто не может выстоять в огне испытаний, не сгорев, не может с достоинством, как подобает человеку, принять свою долю страданий, выдержать боль, не прячась и не убегая от нее, упускает важнейшую возможность, предоставленную ему судьбой, - возможность развить в себе духовную дисциплину.

Людям следует стремиться не только к тому, чтобы выработать хорошие, здоровые привычки; они должны обрести привычку черпать из внутреннего источника силу духа и смелость, которые помогут достойно встречать и выдерживать жизненные испытания.

Как обидно, что зачастую только во время экстремальных ситуаций, таких, как война, когда напряжение, в котором живет человек, достигает апогея, люди обнаруживают в себе мощные скрытые резервы, о существовании которых они раньше и не подозревали. Смертельно усталые, они находят в себе силы встать и идти дальше. Перед лицом страшной опасности они внезапно обнаруживают редкое присутствие духа; ужасы войны заставляют их внутренне собраться и продолжать борьбу, и они борются с таким упорством и отвагой, которые им и не снились в мирное время. Это то малое благо, которое приносит нам война. Она делает нас выносливыми, побуждает выпрямиться во весь рост и сказать: <Я могу выдержать, и я выдержу!> Эта врожденная выносливость, незаметная в мирные дни, свидетельствует о силе человеческой души. Повседневный, подсознательный героизм входит у людей в привычку. Какой замечательный мир можно было бы построить, если бы все эти качества человека проявлялись и в мирное время, если бы выносливость и крепость духа, рожденные в минуты опасности и страдания, вошли в привычку и помогали нам достойно встречать житейские тяготы.

Глава 8

Печаль и испытание

В течение всей жизни человеку приходится преодолевать разного рода трудности, стараться удержаться на плаву. Какой бы легкой и обеспеченной ни была жизнь человека, в ее фарватере неизбежно встречаются препятствия. Знаете ли вы хотя бы одного человека, который не испытал горя? Разбитое сердце, неудачный брак, несчастливое детство, болезнь, бедность, предательство, неожиданная смерть близкого человека, разочарование или несбывшиеся мечты - словом, в какой-то момент жизни на нашу долю выпадает несчастье, а порой, кажется, что они сваливаются на нас все сразу. В этом, однако, проявляется закономерность жизненного процесса.

Нередко бывает так, что человек встречает испытания с чувством обиды и негодования, он не пытается или не желает понять их причину, не задается вопросом - а не занимают ли они законное место в нашей жизни, не несут ли в себе какое-то предназначение?

Вместо этого он мечется в поисках панацеи от всех бед, всеми силами стараясь уклониться от их ударов. В развлечениях, в лихорадочной деятельности он пытается забыть о них.

Одни ищут спасения в религиозных доктринах, отрицающих существование страдания и зла; другие превращают в предмет культа свое тело или разум, используя какую-либо диету или упражнения на глубокое дыхание, а порой, пытаясь преодолеть чувство печали, уходят в мир грез и фантазий. Таким путем они пытаются сбросить с себя хотя бы часть той ноши, которую взвалила на их плечи жизнь. Бегство от жизни - <эскапизм> - характерное состояние человека в современном мире. Создается впечатление, что люди утратили смелость, необходимую им для решения сложных проблем, разучились прямо смотреть в глаза своей судьбе. Им недостает душевной выносливости. Одни ждут от жизни быстрого и легкого успеха, дешевой победы, другие просто хотят забыться. Однако сегодня не только отдельные люди, но, кажется, целые страны и нации готовы придерживаться в своей государственной политике подобной линии.

Неслучайно поэтому сегодня люди так увлечены гороскопами. Вполне разумные, трезвомыслящие мужчины, имеющие солидный деловой опыт, регулярно заказывают

для себя гороскопы и зачастую всецело полагаются на прогнозы, сделанные для них профессиональными астрологами, которые осмеливаются заглядывать в будущее, предсказывая, как сложатся события. Ни один ученый и ни один знаток новейшей истории не отважился бы на нечто подобное. Гадающие на магическом кристалле или по руке, предсказатели судьбы, медиумы, провидцы и мистики с Востока делают у нас неплохой бизнес, и это - ну не парадокс ли! - в самом центре западной цивилизации. У Апостола Павла сказано: <Теперь, когда я пришел к людям, я положил конец детским глупостям>. Казалось бы, что в эпоху дизельных двигателей, самолетов, ядерной энергетики, электронных микроскопов, телевидения, спутников, космических зондов, высадки человека на Луну и других достижений науки человечеству пора повзрослеть, оставив позади затянувшееся детство, войти, наконец, в пору возмужания. Мы же, живя в своих набитых сверхсовременной техникой мегаполисах, ищем облегчения в идолопоклонничестве, гороскопах, призываем себе на помощь медиумов и ясновидцев. Что же с нами происходит? Почему же мы, обладатели таких богатств, мы, называющие себя венцом творения, - почему мы так плохо приспособлены к жизни, так боимся жизненных проблем, так по-детски стремимся быть убаюканными и успокоенными? Почему нам так хочется, чтобы кто-то предсказал нам что-либо хорошее, утешил, пусть даже и иллюзорными надеждами?

На самом деле нет ничего плохого в том, что люди иногда испытывают желание подурчиться и повеселиться, в том, что они чуть-чуть суеверны или по-детски доверчивы. Но это становится опасным, когда люди начинают по-настоящему верить в гадания и гороскопы, испытывая в них потребность как в некоем убежище, в котором можно укрыться от реальной действительности, связывая свои надежды с тем, что, в лучшем случае, является безосновательным и нелогичным.

Наряду с прорицателями появилось немало целителей. Если бы человек с помощью медитации, дыхания, специальной диеты и разнообразных упражнений мог достичь блаженства, земля превратилась бы в утопический рай! Повторяю, нет ничего плохого в медитировании и в особом питании, в физических упражнениях и глубоком дыхании; напротив, если их изучить и правильно использовать, они, наверное, могут стать отличным средством оздоровления. Но что заставляет людей, занимающихся подобными вещами, доводить себя до исступления, до фанатизма? Почему им так хочется верить в то, что страдание не является уделом человека и его можно избежать? Тут напрашивается аналогия со смертной казнью, которую заменяют более гуманным способом умерщвления человека. В Германии времен Гитлера такой взгляд на жизнь привел к самым уродливым явлениям. Уничтожение инвалидов, престарелых, умственно отсталых людей, калек и преступников было возведено там в ранг государственной политики. Все это - от перетасовки карт предсказателей будущего до камер смерти, куда направляли неполноценных и неугодных, - симптомы ложного понимания смысла жизни и ее значения.

Большинство людей, исключая, конечно, экстремистов, признают, что в этом мире есть и боль, и печаль, и страдание. Однако отношение к страданиям у людей неоднозначное: одни видят в них необходимое проявление жизни, имеющее определенный смысл, и считают, что их нельзя заменить никакой иной формой опыта; другие уверены, что в страданиях нет смысла и их надо всячески избегать. И почему эти темные пятна на полотне счастья неизбежны? Играют ли они какую-либо роль в формировании нашего характера? Как мы должны относиться к ним?

Наши земные страдания условно можно разделить на две категории: одни, скажем так, - удел человека, то, что преднамеренно дается нам и необходимо для нашего развития; другие - случайность, результат стечения обстоятельств. Так, воспитывая ребенка, родители учат его тому, что можно делать и чего делать нельзя, наказывают его за дурные поступки, ставят перед ним трудные задачи, чтобы он научился решать их и благодаря этому обрел необходимую для жизни силу и закалку. Все это преднамеренно делается теми, кто ответствен за развитие личности ребенка. Однако, если ребенок поскользнется и упадет с лестницы, если он обожжет руку о плиту или его укусит змея, в этом не следует винить ни родителей, ни ребенка; к этим неприятностям надо относиться, как к случайным превратностям жизни, которых, вероятно, можно было бы избежать и которые, по возможности, человек стремится предотвратить.

Жизнь полна опасностей. Если при переходе улицы не посмотреть налево и направо, то можно попасть под машину, поэтому пешеходу надо быть начеку, а городским властям - обеспечить систему регулировки движения. Человек всегда стремится избежать страдания, более того, предпринимает все меры, чтобы предотвратить трагические случайности. Медицина отважно борется с болезнями и врожденными физическими недостатками, которые приносят людям столько горя. Реформаторы общества борются с бедностью и преступностью - источниками неопишуемых бед и несчастий. Законодатели ищут способы обезопасить жизнь людей и сделать ее более счастливой. Эта битва должна продолжаться, ибо нельзя примириться с неоправданными страданиями, надо всячески искоренять их.

Не стоит, однако, пытаться уйти от всех страданий, потому что страдания очищают нас. Душа, пройдя через горнило тяжких испытаний, становится стойкой. Великое рождается в муках, и мы должны признать это. Алмазы образуются из расплавленного камня, а нежнейшие цветы человеческого духа часто распускаются, будучи обильно политыми слезами. Борьба рождает силу, выдерживая испытания, мы обретаем стойкость и выносливость. Не нужно бежать от того, что печалит наше сердце, напротив, мы должны пройти сквозь печаль, какой бы обжигающей она ни была, и вынести из пламени страдания еще более крепкий характер, более глубокую веру в себя и нашего Создателя, Который, подобно мудрому родителю, порой наказывает нас, ибо любит нас и хорошо знает, какими мы должны быть, как знает Он, и о том, что боль стоит той награды, которую благодаря ей мы можем обрести.

Все в этом мире движется под воздействием энергии, даже ее превращения порождают силы, как свет солнца, движение ветра, смену дня и ночи. И земля, со всей ее красотой и многообразием форм жизни, движется благодаря вселенским законам электричества и гравитации. Мы, человеческие существа, также находимся под воздействием могущественных сил. Любовь, страсть, печаль, боль, ненависть и страх - все эти чувства действуют на душу, развивая в ней определенные качества, формируя личность. Так почему мы должны отказываться и прятаться от того, что призвано выявить в нас самое лучшее, закалить наш характер, научить ценить истинное счастье? Может ли человек, который ни разу в жизни не был голоден, оценить вкус хлеба так, как тот, кто голодал? Если пройти по жизни, не ощутив боли и страдания, не испытав на своем опыте их глубину, отгородившись от них с помощью нелепых концепций - психологических или

физических, можно навсегда остаться неглубоким и черствым человеком, лишенным крепкой нравственной основы. Так можно убить человеческое сердце.

Никто не требует от нас того, чтобы мы любили страдания и боль; мы не аскеты и никогда не будем усматривать в страдании добродетель, которую нужно культивировать путем умерщвления плоти и самоистязания; но, если кубок с целительной влагой поднесен к нашим губам, нам ничего не остается, как выпить его содержимое до дна, без страха, зная, что лекарство может быть горьким, но понимая, что оно поможет нам и в конце концов излечит. Без контрастов жизнь становится монотонной и скучной, превращается в нескончаемый серый день, в котором нет ни тени, ни сияния солнечного света.

Все в жизни так или иначе взаимосвязанно: красота дарит радость, любовь - счастье, знание - спокойствие духа, боль - силу, печаль же очищает душу человека. Однако мы сами ответственны за то, чтобы извлечь из любого жизненного опыта все самое ценное.

Мы должны также примириться с мыслью, что в этой области и сейчас не все доступно нашему пониманию. Здесь сокрыты глубокие тайны, непостижимые для нашего ума, то, что нам не дано понять в этом мире. Одна из таких тайн касается соотношения между проявлением свободной воли и судьбы, другая - вопроса, почему невинные страдают за виновных; и самая сокровенная из тайн - это загадка жизни после смерти, невозможность узнать, где, в каком состоянии находится душа человека, которого мы только что опустили в могилу.

Нам трудно понять, почему миллионы детей живут в страхе, становясь свидетелями ужасных сцен, выдержать которые тяжело даже взрослым; почему им приходится переживать войны, за которые они не несут ни малейшей ответственности. Мы не знаем, сколько людей могли бы сделать свою жизнь лучше, сколько жизненных битв проиграно, хотя их можно было и выиграть, сколько раз, имея силу, мы не воспользовались ею вполне, сколько раз делали неправильный выбор.

Но кое-что мы все-таки можем понять путем логических умозаключений или исходя из опыта: Бог - что бы не подразумевалось под этим понятием - не может быть несправедливым, так же, как не может Он быть нелюбящим. Пожалуй, самое несправедливое и жестокое - это поставить перед человеком неразрешимую задачу, потребовав от него сделать то, что не в его силах. Тяготы выпадают нам на долю для того, чтобы испытать нашу силу и укрепить ее. Бог не ставит перед нами задачи, с которыми мы заведомо не сможем справиться, ибо Он справедлив. Иной раз Он поднимает повыше, потому что Ему ведомо, что если мы сделаем над собой усилие, то сможем взять эту высоту, и Он поможет нам в этом. Друг души человеческой всегда рядом. Он хочет, чтобы мы выигрывали, становились сильнее, были достойны того, что Он отмерил нам; и если мы позовем Его, Он протянет руку помощи; а если наши руки будут воздеты в мольбе, Он крепко сожмет их в Своей.

Глава 9

Большой план

После размышлений о некоторых законах праведной жизни мы подходим к тому, что составляет ее фундамент и без чего она не имела бы ни смысла, ни предназначения, ни цели. Каким бы сложным ни казался мир - идет ли речь о формах материи, движении мысли или многообразии понятий - все в нем объяснимо, все подчинено тем или иным законам. Мы же слишком часто не видим за деревьями леса. Мы не в состоянии познать общую закономерность жизни, ибо наше внимание сосредоточено на ее мелких деталях. Между тем мир состоит из величайших противоположностей и крайностей, но при этом все они, незримо дополняя друг друга, как раз и создают то равновесие, благодаря которому Вселенная столь гармонична и совершенна. Подтверждением тому может послужить простой пример. Почти 150 миллионов километров отделяют нас от Солнца - огромного шара, состоящего из раскаленного газа, вблизи которого не может существовать ничто живое; мы же, находящиеся на таком огромном расстоянии от него, именно благодаря Солнцу живем и процветаем на нашей крошечной, в сравнении с ним, планете. За счет чего мы мирно сосуществуем с тем, что на близком расстоянии оказалось бы для нас просто губительным? Что соединяет нас с этим огненным шаром и позволяет использовать во благо его энергию? Это - солнечный луч, который доставляет нам то необходимое количество солнечной энергии, которое создает возможность жизни на нашей планете. И благодаря этому связующему звену мы получаем от Солнца все, что требуется для нашего полноценного существования.

Аналогичным образом следует воспринимать и ту силу, что создала Вселенную с ее бесчисленными галактиками, в одной из которых мы обитаем - в нашем сознании мы можем уподобить ее Солнцу. Эта сила сотворила нас, она есть источник нашего существования, но мы, ограниченные своей природой, никогда не сможем войти с ней в непосредственный контакт; тем не менее именно она движет всей нашей жизнью. Эту силу люди называют Богом и Безграничной Сущностью. Вряд ли можно назвать какое-либо другое понятие, относительно которого суждения людей были бы столь запутанными и фантастичными. Одни отрицают Его, ставя под сомнение единственно разумное объяснение нашему собственному существованию и существованию Вселенной, ибо следствие невозможно без причины. Можем ли мы - думающие, осознающие себя, способные любить и стремиться к каким-то целям, - быть производными от некоей силы, которая стоит ниже неодоушевленных форм материи? Ничто живое не может превзойти то, что заложено в генетическом коде и протоплазме его семени. Возможно ли, чтобы этот всеобщий закон жизни не срабатывал, когда речь заходит о величайшей из всех тайн - тайне того, как мы, мыслящие люди, появились во Вселенной и каким образом мы входим в ее великую гармонию? Каков бы ни был источник, какова бы ни была та сила, что произвела все сущее, эта сила так же, как человек, должна осознавать себя и в то же время неизмеримо превосходить человека - в противном случае она не могла бы его создать.

Если мы признаем то, что Бог существует и мы являем собой Его творение, возникшее в результате осуществления Его Плана, давайте зададимся вопросом - какова же природа Бога? Одни считают, что Он - внутри нас, но это равносильно заявлению о том, что мы находимся внутри Солнца или что Солнце присутствует в нас. Другие утверждают, что Бог - везде. Однако везде, если вдуматься, это означает - нигде. В нашей Вселенной все реально и конкретно. Если у физика или астронома спросить, где находится

электрический заряд или звезда, они не скажут <езде>, а постараются как можно точнее определить их местонахождение. Утверждение о том, что Бог есть <все> по существу бессмысленно, поскольку с точки зрения науки в природе отсутствует нечто такое, что можно было бы определить как <все>; известно, что есть материя, которая существует в различных формах и в различных местах пространства. Пожалуй, на сегодня самое ближайшее к понятию <все> - это электричество, но мы и о нем имеем конкретные знания и изучаем его природу. Сущность, создавшая нас, не может не заключать в себе все те же удивительные качества, что и человеческое существо, но при этом она должна обладать большим могуществом и совершенством, благодаря которым Она смогла сотворить себе подобное. Все, что мы в состоянии познать, неизбежно стоит ниже нас, иначе наш ум не мог бы вместить этого. Некая низшая по отношению к нам сущность, например, электричество, явно не могла бы создать человека. Следовательно, Бог не есть электричество. А поскольку электричество мы воспринимаем как ближайшее к понятию <езде>, нельзя утверждать, что Бог - везде, что Он - все. Как предмет исследования Он несравненно более велик и прекрасен.

Если доводы атеиста покажутся нам неубедительными, и неспособными объяснить жизнь бесконечной Вселенной, которая открывается нашему взору благодаря науке, а представления пантеистов - антинаучными и нелогичными по своей сути, тогда в поисках определения Бога мы вынуждены обратиться к так называемым религиям Откровения. Политеизм ушел в прошлое. Идея множества <Богов> не может объяснить устройство системы, подобной нашей Вселенной; единственно плодотворной идеей оказывается представление о великом, могущественном, изначальном, вечном Едином Создателе. Все Пророки говорили о Едином Боге. Христос называл Его Своим Отцом, великим, любящим Отцом всех людей. Моисей, а до него Авраам возвещали о Едином Боге могущества и мощи. Проповедь Мухаммада полна восхваления Его и преклонения перед Ним. Религия, несомненно, - самая мощная и при том единственная нравственная сила в жизни людей. Взгляните на карту мира, вспомните любой период истории человечества, и вы обнаружите, что мир разделен на ареалы, во много раз превосходящие те, что заключены в географические или политические границы; такими ареалами, которые всегда выходили за рамки континентов и национальных границ, являются территории распространения религий. Ярким примером этого служит современный мир, на карте которого, несмотря на ее пестроту, четко выделяются контуры обширных ареалов распространения основных мировых религий.

В истории каждой мировой религии можно проследить одну и ту же закономерность: какой-то человек - не сообщество, не правительство, не избранный лидер, а всего-навсего один человек возвышался над своей эпохой, сделав ошеломляющее заявление о том, что его устами глаголет Единый Невидимый Бог. Какая удивительная смелость! Однако невозможно отрицать того факта, что такие личности, как Иисус, Моисей, Авраам, Зороастр, Будда, Мухаммад и Кришна, в последние четыре тысячи лет изменили ход человеческой истории. Поразительно то, что этих личностей было совсем немного, но каждая из них - в определенной степени, в определенную историческую эпоху - сумела преобразить мир. Каким бы прискорбным не казалось сегодняшнее состояние религии нашему безрадостному и разочарованному поколению, тем не менее, никто не станет отрицать очевидный факт - после того, как Авраам, провозгласивший существование Единого Невидимого Бога, утвердил идею единобожия среди своих

потомков, его потомки - евреи и арабы - стали двумя великими народами, которые, исповедуя монотеистическую религию, вот уже сотни лет оказывают сильнейшее влияние на судьбу мира. Непреложным фактом является и то, что свет, излитый Кришной, стал источником развития цивилизации на индийском субконтиненте; что Моисей превратил племя рабов в один из величайших и одареннейших народов, когда-либо существовавших на земле; что Будда помог миллионам жителей Азии изменить ход своей истории; что Зороастр просветил, воспитал и возвысил униженный и невежественный народ; что Христос определил направление развития всего западного мира; что Мухаммад превратил дикие кочевые племена, поклонявшиеся идолам, в созвездие наций, породивших великую арабскую культуру, которая в свою очередь подготовила почву для появления европейского Ренессанса.

Эти факты нельзя отбросить. Это не просто дым, указывающий на наличие огня - это бушующее пламя, которое не может не заметить даже самое близорукое или нежелающее ничего видеть око. Религия - удивительная сила. Она не сравнима с философией - ведь вы не найдете народов, называющих себя лаодзистами или последователями Сократа. Именно религия, как ничто иное, наделена преобразующей мощью. Большинство разумных людей, если только они не фанатики и не слепые приверженцы своей веры, признают заслуги всех вероучений, отдавая должное их благотворному влиянию на людей, благодаря которому в мир приходят добро и очищение. Просвещенный христианин, каким бы истовым поклонником Учения Христа он ни был, если он глубоко познал историю и изучил человеческую природу, то не может не признать, что ислам значит для жителей Востока ничуть не меньше, чем христианство для жителей Запада. Он не будет также отрицать, что последователям ислама практически чужды расовые предрассудки, и что мусульманин, молясь пять раз в день, верит в то, что милосердие - достойнейшая из добродетелей, и он заслуживает всяческого уважения, если живет согласно своим религиозным убеждениям, дающим ему не меньше, чем христианство дает англичанину, итальянцу или американцу. Не может он не видеть и примеров праведной жизни, на которую подвигают своих последователей иудаизм, буддизм, зороастризм или индуизм. Осознав, какую исключительно важную роль играет религия в жизни людей, спросим себя - а что она означает для нас, каково ее место в нашей жизни, какую пользу приносит она нам? Для всякого непредубежденного ума очевидно, что она - ничто иное, как проявление некоего великого всеобщего закона, который определяет эволюцию человечества, ибо только истина - разумная, неизменная и жизнеспособная - способна оказывать постоянное и столь мощное влияние на жизнь людей.

Движение Вселенной закономерно, кругообразно, циклично. На что это указывает? На то, что и история закономерно повторяется. Наша планета, вероятно, не первая, отделившаяся от Солнца, и скорее всего не последняя. За миллиарды лет она из пылающего облака превратилась в остывший, окутанный атмосферой комочек праха, на котором в какой-то момент зародилась жизнь; и пока Земля существует в ее нынешнем виде, она будет постоянно изменяться, проходя один цикл за другим. Наш мир - не первый из миров и не последний. И Солнце наше лишь одно из множества солнц. Наша галактика - одна из бесчисленных галактик. А время циклических изменений звезд настолько велико, что мы не можем пока охватить его от начала до конца. Однако нам известно, что и Солнце, и галактика имеют свои орбиты и свои циклы развития, что они видоизменялись и будут изменяться, и что даже в отношении этих космических гигантов действуют те же законы развивающейся по спирали истории.

С определенной ритмичностью поворачивается и колесо времени нашей планеты - каждые триста шестьдесят пять дней приносят нам новую весну, каждые двадцать четыре часа - новый рассвет. И существование человека также подчиняется закону - мы рождаемся, живем и умираем. Жизненные циклы совершаются с такой же регулярностью, как ход часов. Не логично ли будет предположить в таком случае, что и религия не есть нечто спорадичное (случайное или стихийное), что она подчинена тем же принципам, что и вся материя, и сама жизнь, и составляет часть Вселенского Плана, являя собой столь же естественный и закономерный феномен, как рождение и смерть, зима и весна, день и ночь?

История всех мировых религий одинакова: среди отсталого, сбившегося с пути, страдающего народа появляется человек, который возвещает, что он - посланник Бога; он зовет к преобразованию общества, устанавливая новые законы для своего народа; он осуждает пороки людей и призывает к раскаянию; он повелевает людям принять возвещенную им истину и жить согласно ей; он сулит блаженство тем, кто послушает его, а ослушников предупреждает о суровой каре. История свидетельствует о том, что все Глашатаи Бога были исключительными личностями, воплощением преданности своему делу, самопожертвования и героизма; но они выделялись среди людей прежде всего тем, что способны были оказывать мощное влияние на ход истории, на миллионы человеческих жизней. Разве не служит это еще одним доказательством закономерности повторяющегося цикла? И что стоит за этим? Бог создал людей, заложив в них разумное и здоровое начало - человеческую душу, способную к развитию и обретающую бессмертие в другой жизни. Мы знаем, что без Солнца на нашей планете не было бы ни человека, ни каких-либо других форм жизни. При этом Солнце никогда не входит в непосредственный контакт с Землей - жизнь порождает его лучи. Аналогично построены и наши духовные взаимоотношения с Богом. В этом мире Он никогда не вступает с нами в непосредственный контакт. Он действует через посредника - Пророка. Тем не менее Он постоянно направляет нас и направлял всегда - с тех самых пор, как мы, люди, появились на Земле. Христос сказал: <Никто не приходит к Отцу, иначе чем через Сына>. В наш ученый век эти слова звучат слишком туманно, и смысл этого изречения можно передать так: <Никто не получает доступа к Солнцу иначе, чем через его лучи>, а это означает: <Никто не приходит к Богу иначе, чем через Его посредника>. Сегодня люди на Западе, от которых можно было бы ожидать более разумной позиции, при всей своей цивилизованности весьма отстали в религиозном отношении. Живя в мире невиданных достижений, связанных с современным научным прогрессом, ежедневно узнавая об очередном чуде, совершенном в лаборатории, на операционном столе или в космосе, они, тем не менее, упорно цепляются за нелепые, устаревшие, противоречащие разуму представления о Боге, о Его могуществе и Его воздействии на людей. Или же, впадая в другую крайность, пополняют ряды ультрасовременных нигилистов и атеистов, которые даже не пытаются трезво и непредвзято

оценить ту грандиозную движущую силу мировой истории, которая называется мировой религией.

С позиции скептиков и закоренелых атеистов Бог несовместим с понятием Вселенной. Почему же? Слепы ли они или утверждают это только для того, чтобы поспорить? Мы знаем об удивительном богатстве форм материи, о поразительной жизнеспособности всего живого; мы имеем возможность наблюдать за разумным поведением зверя и птицы, рыбы и микроорганизма - а что уж говорить об изобретательности человека! Нам также известны бесконечные возможности, открывающиеся при изменении молекул, металлов, живого организма из плоти и крови и даже умов и характеров! При всем этом, большом и малом, что достигнуто нами, кто же осмелится сказать, что во Вселенной нет места Богу, разумному, как и мы, заботящемуся о нас? Только узкомыслящие люди, взирая на все эти чудеса, могут отрицать величайшее из них, существование которого имеет множество подтверждений, основанных как на интуиции, так и на логике!

С другой стороны, удивляет отношение ортодоксального христианства к предмету Бога и религии в целом. Суть христианской доктрины, которую проповедует церковь, состоит в том, что спасение возможно только во Христе, что Он уникальная фигура в мировой истории и что никого, подобного Ему, не было и не будет до тех пор, пока Он не вернется. Вся логика мышления живущих в XX веке людей, которым, благодаря образованию, дано понимание природы Вселенной, восстает против подобной узкой концепции. Мы знаем, что человек вот уже миллионы лет существует на нашей планете как самосознающая, мыслящая форма жизни. Можем ли мы поверить в то, что он не имел пути к спасению до прихода Христа? Что же стало с теми душами, которые оставили сей мир до Рождества Христова? Что случилось со всеми теми, кто принял Его после Его появления? А Сам Бог, творящий чудеса - десятки, сотни, миллионы раз - почему Он послал только одного Сына и указал лишь один путь к Себе, и сделал это в произвольно выбранный исторический момент - две тысячи лет тому назад? Почему Он не сделал этого до начала времен, чтобы люди в течение всех этих тысяч лет видели перед собой путь к спасению? И даже если Он сделал все в положенный срок, почему же тогда две тысячи лет спустя мы оказались в таком безвыходном положении, и в каком состоянии мы будем пребывать в трехтысячном или в шеститысячном году от Рождества Христова, если станем полагаться исключительно на христианское Учение?

Такая закостеневшая форма религиозного сознания бытует не только на Западе, и не только среди христиан. Иудеи и по прошествии четырех тысяч лет молятся о возвращении своего Спасителя, хотя последователи других основных религий мира, за исключением зороастризма, буддизма и индуизма (которые предшествовали христианству), верят в то, что Он уже приходил и что имя Ему было Иисус из Назарета. Мусульмане почти никогда не обращаются в христианскую веру, ибо Мухаммад учил, что Иисус, как и сам Мухаммад, был Божиим Пророком и Его следует любить и почитать; и если об этом говорит мусульманам их собственный Пророк, то понятно, почему они не расположены внимать увещаниям христиан, призывающих их отказаться от Мухаммада, которого они называют самозванцем, и <прийти к Иисусу>. Это вовсе не значит, что мусульмане более терпимы или что у них меньше предубежденности. Они столь же фанатичны, как и христиане, и хотя они не говорят, что Мухаммад - уникальная фигура в религиозной истории, и признают всех Пророков, бывших до Него, они, тем не менее, утверждают, что Он был <печатью Пророков> и никто иной не будет послан Богом после Него до Дня

Воскресения! Нам известно, что большинство рядовых верующих во всех религиях понимают свое Священное Писание буквально. Так, христиане ждут, что мертвецы оживут и восстанут из могил - даже те, что были разорваны на клочки взрывом атомной бомбы! В это же верят и мусульмане. Ортодоксальные иудеи пребывают в скорбном ожидании, уповая на приход мирского царя, который станет их правителем и вновь приведет народ к процветанию. Подобные представления в качестве своего логического продолжения требуют признания того, что Ева была создана из ребра Адама, а мир сотворен за шесть дней, на седьмой же Бог взял Себе выходной!

Мы не можем осуждать людей за то, что они держатся своей веры; напротив, зная из истории, какую роль сыграла религия в становлении морали, цивилизации и культуры, мы, как беспристрастные и внимательные исследователи эволюции человечества, должны не только воздать ей должное, но и искренне желать того, чтобы она во все века продолжала вдохновлять нас, помогая нашей душе возвыситься. Ведь именно в этом заключается истинное предназначение религии. Но в то же время мы должны задуматься о природе религии и закономерностях ее развития, попытаться понять ее логически и найти для нее место во Вселенной - той Вселенной, которую открыла нам наука.

В те давние времена, когда люди считали, что небо в виде чаши нависает над Землей, а Земля являет собой плоский диск, окруженный океаном, или квадрат, покоящийся на спинах четырех слонов, они толковали Книгу Бытия буквально. Сегодня, когда нам известно, что в далеком прошлом наша планета была огненным шаром, оторвавшимся от Солнца, что в нашей анатомии скрывается рудимент хвоста, а также известно и о многом другом, мы уже не можем буквально воспринимать Книгу Бытия. Тем не менее религиозные наставники, выступая с кафедр своих церквей и мечетей, не перестают убеждать людей в том, что Христос ходил по воде, <яко по суху>, а Его тело поднялось из могильного склепа и вознеслось, что Мухаммад поднялся на седьмое небо верхом на белом коне и вернулся обратно. Трагедия, однако, не в том, что людей призывают принять все это за реальную действительность, а в том, что величие таких личностей, как Иисус и Мухаммад, низводят до действий трюкачей и фокусников, вместо того, чтобы превозносить Их как Спасителей мира. Человеку, наделенному беспристрастным умом, достаточно прочитать жизнеописания Христа или Арабского Пророка, чтобы проникнуться к ним любовью и почтением, испытав глубокое восхищение Их личностью и деяниями. Каждый из Них всецело посвятил Себя Учению, в которое Он верил и которое проповедовал. Один с полным самоотречением взошел на крест, простив врагам Своим; другой терпеливо сносил нападки ополчившейся на Него родни и вынужден был бежать из своей страны, чтобы сражаться с дикими племенами, отстаивая новое Евангелие, день и ночь до Своего последнего часа трудиться на благо тех, кого Он был призван выволить из плена идолопоклонничества. Личность Христа, Его Учение вот уже два тысячелетия определяют ход западной истории. Такова же роль Мухаммада для Ближнего и Среднего Востока. Доказательством истинности Их пророческой миссии служат удивительные достижения тех стран, где установилось Их влияние. Непредвзятое изучение жизни любого из Основателей мировых религий позволяет увидеть явное сходство Их жития и Их учений.

Вопрос о чудесах следует полностью отделить от изучения религии. Конечно, и сегодня есть немало того, чего мы еще не понимаем и, возможно, не поймем до тех пор, пока не покинем этот мир. А все непонятное мы воспринимаем как чудо. Однако наш разум

способен понять и оценить следствия тех или иных явлений. Пример жизни Христа, Учение, принесенное Мухаммадом, служат достаточным основанием для того, чтобы миллионы людей называли себя Их именем и следовали Их предписаниям. А результатом любви к Ним, веры в Них стало то, что невежественные народы, последовавшие за Ними, превратились в цивилизованные, просвещенные нации. Развивая эту тему, Абдул-Баха приводил притчу о больном и враче. Один человек сильно занемог, и жизнь его была в опасности. К нему пригласили врача, и больной поинтересовался, хороший ли он целитель. Врач уверил его, что не просто хороший, а гениальный, и, чтобы подтвердить свои сверхъестественные способности, поднялся в воздух и полетал по комнате. Пациента этот трюк позабавил, но самочувствия не улучшил, ибо ему нужны были не чудеса, а лекарства! Если бы вклад Пророков в человеческую цивилизацию состоял только в совершении некоторых действий вопреки законам природы, Они вряд ли смогли бы оказать на мир то воздействие, которое оказали и которое сказывается и поныне. Мы можем сколько угодно восторгаться Их чудесами, но если бы все сводилось только к ним, то, уходя, Они оставляли бы мир в таком же состоянии, в каком застали, придя в него.

Но, конечно, все обстоит совсем иначе. Прежде всего, Пророки принесли нам два бесценных и полезных дара: Свой личный пример и Свое Учение. От этих <Лучей Солнца> потоком струились доброта и любовь, благородство и преданность, отвага и убежденность, возвышая людей и, воистину, преображая их. В поисках доказательств этой преобразующей силы Пророков забудьте о манне, падающей с неба, забудьте о том, как Христос превращал воду в вино, чтобы прибавилось веселья на свадебном пиру, забудьте о ночном путешествии Мухаммада на небо и непредвзято взгляните в историю: прочитайте ее страницы, которые повествуют о том, чем были евреи в Египте и чем они стали в Палестине; вспомните, как волна христианства прокатилась по мрачной языческой Европе, превратив ее в цветущий край; прочитайте о варварах-арабах, которые зарывали новорожденных девочек в песок, обрекая их на смерть, поклонялись тремстам шестидесяти богам в одном святилище, и оцените вклад ислама в цивилизацию Востока и Запада. Вот истинные чудеса, значимость которых из-за узости мышления фанатичных и чересчур ревностных приверженцев всякой веры постепенно затусневывалась, пока Великий План творения не потерял свои ясные очертания, и мы, просвещенные жители Земли двадцатого столетия - века учености и свободомыслия - мы либо полностью отвергаем религию, усматривая в ней нечто противоречащее разуму и логике, либо внутренне раздваиваемся на две несовместимые половины, одна из которых слепо верит во всякого рода суеверия, держась за абсурдные и антинаучные предрассудки и доктрины, а вторая ежедневно открывает для себя новые чудеса науки и техники. Если вам в результате длительного опыта хочется получить нечто, вам неоднократно придется повторить весь процесс от начала до конца. День не может заменить месяц. Света сегодняшнего дня не хватит, чтобы озарить день следующий, и какой прок будет цветам завтра от вчерашнего света? Иными словами, когда энергия иссякает, необходимо получить ее свежий заряд. Солнечное равновесие прошлого года дало рост растениям и принесло урожай этого года; одного равновесия недостаточно для того, чтобы давать урожай в течение двух лет, и так во всем. Повсюду в природе действует одна закономерность - всякий плод является результатом процесса развития; поэтому, если вы захотите получить что-либо заново, необходимо повторить весь процесс.

Поверим же тому, что подтверждается беспристрастным изучением истории, а также тому, что мы называем логикой. Наш мир переживает весну не только в природе, но и в духовной жизни. Во время духовного равновесия появляется Пророк или Пророки (например, Христос или Иоанн Креститель); об Их духовной высоте свидетельствуют и Их личность, и Их Учение. Они являются нам в облике человека, ибо для Бога это наиболее естественный и удобный способ общения с нами, и поскольку Они так похожи на нас, мы понимаем - то, что Они пришли сделать и сказать, предназначено именно для нас, детей рода человеческого. Поэтому Пророки не есть нечто абстрактное, аномальное, чуждое нашей человеческой природе; с нами - существами из плоти и крови - делят Они радости и заботы, а от Бога им дано то, чего нет у нас, - Его совершенство. И как зеркало может отражать лучи солнца, так и мы, но в меру наших усилий и развития, способны отражать в душе свет Божиих совершенств; Пророки же суть те самые Лучи, что исходят от Божественного Солнца. Мы воспринимаем и отражаем свет, каждый в силу своих возможностей, они же - Сам Свет. Вот почему Иисус, который в жизни был всего лишь скромным плотником из Назарета, сумел изменить жизнь половины человечества; вот почему Моисей, заика, бежавший от грозной мести фараона, дал законы, которыми люди вот уже тысячи лет ежедневно руководствуются в своей повседневной жизни; вот почему Мухаммад, погонщик верблюдов, ставший позднее купцом, сумел заложить основу великого содружества исламских государств. Сущность ума и души этих Личностей - необычна. Они учителя рода человеческого, и Их приход в наш мир закономерен - они призваны объяснить нам смысл нашего существования, научить нас жить, общаться друг с другом, раскрыть цель жизни, рассказать о том, что ждет нас после смерти. Пророки приходили всегда, с тех самых пор, как на земле появился человек - существо, наделенное искрой души, которой нет у животных; Пророки выполняли роль воспитателей, учивших людей жить так, как подобает человеку. Пророки вечно будут приходить в мир - до тех пор, пока существует род человеческий. Мы самые совершенные создания Божии, высшая ступень Его творения. В отношении нас у Него есть План, который постепенно осуществляется в ходе эволюции человечества. Он вступает с нами в контакт и учит нас через посредника, что также является частью Его Плана, и посредник этот - Пророк.

Насколько органично религия может войти в нашу жизнь, зависит от нас самих. Будучи по своей натуре существами приземленными и одновременно склонными к экзальтации, мы упорно, на протяжении веков, старались превратить религию в догму, втискивая ее в жесткие закостенелые формы. То разумное, всеохватное и прекрасное, что открывало человечеству широчайшую перспективу, мы ограничивали рамками нашего восприятия или облекали в ту единственную форму, которая была доступна нашему несовершенному уму. Стремясь сохранить в неприкосновенности бесценный сияющий свет, принесенный нам возлюбленным Пророком, мы не только пытались поместить его под стеклянный колпак, чтобы защитить от порывов ветра, но и стремились всячески украсить и расцветить, окружить церемониями и так усердствовали в этом, что в конце концов изначальный свет мерк, становясь незримым, а нам оставались лишь внешние его атрибуты.

Люди любят все усложнять, исключением не являются и служители культа, которые в своем усердии до такой степени исказили первоначальные Учения Пророков, что если

бы Они вернулись к своим последователям, то вряд ли смогли понять собственные вероучения. Процесс обветшания конкретной религии не должен пугать нас, ибо это естественный процесс жизни, в которой все развивается циклично. Мы знаем, как свежа и прекрасна природа весной, когда она оживает, и все вокруг покрывается буйным цветом. Лето - это период созревания плодов, и в нем тоже есть своя прелесть; лето сменяет осень - время сбора урожая; а затем настает унылая, холодная зима, когда природа умирает. Наступает период увядания, и кажется, что все полно тлена, и становится так тоскливо, что хуже и быть не может, но каждый раз снова является чудо весны. В природе все построено на противоположностях - день и ночь, жизнь и смерть, дождь и засуха, лето и зима. Возможно, не познав одного, мы были бы не в состоянии оценить другое. То же по существу происходит и в духовном цикле: духовная весна, с ее набухающими почками и цветением, которую Пророк приносит в жизнь людей, переходит в лето, а потом наступает осень, приносящая плоды, и зима, когда все замирает; но потом вновь приходит весна, все возрождается, и начинается новый цикл.

В XIX веке в мире созрели условия для новой духовной весны. Глядя на религиозную карту континентов, мы видим, что к тому времени христианство в полной мере исчерпало свою благодать; задолго до этого церковь раскололась на две, и одна из них - протестанская - продолжала, в свою очередь, делиться на множество сект. Христианские государства давно утратили единство, некогда достигнутое под эгидой Священной Римской империи; ненависть, религиозная рознь, сектанство с годами только усугублялись, ржа материализма все сильнее разъедала духовную жизнь Запада. Иудаизм, погруженный во многовековое оцепенение, тщетно упивался мечтами о величии, фанатически цепляясь за далекое прошлое, а еврейский народ, презираемый и отвергнутый, во всех уголках земного шара пребывал в унижении.

Быстро шла на убыль и жизненная сила ислама, множились его секты, и, как случилось это и с другими вероучениями, до неузнаваемости искажались его доктрины. Сила, которая привела его к воротам Вены и во Францию, к тому времени полностью иссякла. В далекой Азии буддизм и индуизм, эти древние и утратившие свою былую мощь религии, вяло существовали в виде негативистских философий и устаревших доктрин. Закосневший в ритуалах и догмах зороастризм, гордящийся своим долголетием, стал узким и фанатичным; он уже не способен был ни дать людям новое видение, ни породить в них всплеск энтузиазма. Религия все более превращалась в лишенный содержания культ. Народы мира, лишенные истинного просвещения, страдая от нужды и бедствий, довольствовались тем, что верили в Бога на словах, повинуюсь бесчисленным правилам (или попирая их), соблюдение которых, как их уверяли, должно было обеспечить им блаженство в мире грядущем. Человечество напоминало огромный ком сырого, неподнявшегося теста; людей все больше заботило материальное благосостояние и все меньше - духовное. Повсеместно в мире более явственно проявлялись признаки духовного упадка и нравственной летаргии.

Примерно в середине XIX века над миром подул свежий ветер; сначала едва уловимый, постепенно он становился все более и более заметным. Он принес новые открытия, новые взгляды на жизнь человека. Использование пара как движущей силы изменило материальный облик мира; жизнь начала разительно меняться: беспроводный телеграф и электричество, анестезия и новые технологии, канатное и железнодорожное

сообщение - все эти достижения науки открыли путь тому, что мы называем современной цивилизацией. Впервые за миллионы лет своего существования человек увидел просвет на темном горизонте своей жизни; перед ним замерцала возможность освободиться от постоянного тяжелого труда, чтобы часть времени посвящать образованию, чтобы в какой-то мере поднять свой уровень знаний, а следовательно, и жизни. Было отменено рабство, и не только физическое - законодатели начали наступление на унижительное рабство нужды и бедности. Новое направление приобрела и мысль человека: люди начали осознавать необходимость коренного и всеобъемлющего изменения всех жизненных основ. Мир охватило настоящее брожение: начались преобразования в экономике; низшие классы, подвергавшиеся эксплуатации и жестокому обращению, требовали лучшего общественного устройства, все настоятельнее проявлялась потребность в образовании, началось наступление на безграмотность, менялись обязательные школьные программы; система тюрем и исправительных учреждений подвергалась критике как порочная и несправедливая; во многих сферах господствующие позиции заняла реформаторская мысль. Воображением человечества завладели совершенно новые идеи; женщины стали требовать избирательного права, претендуя на равные с мужчинами права; провидцы начали смело говорить о <Парламенте человека> и <Федерации мира>; получила поддержку идея международного вспомогательного языка, доступного и простого; наука внезапно сделала гигантский рывок вперед. За сто лет было больше изобретено, больше открыто фактов о жизни природы и материи, больше сделано открытий и предпринято радикальных реформ, чем за все четыре или пять тысячелетий с начала написания истории человечества.

Что же стояло за всем этим? Явился новый Пророк!

Глава 10

Нужен идеал

Как известно, человек отличается от других живых существ прежде всего наличием высокоразвитого мозга; однако мы весьма ограниченно используем его возможности и потому чаще всего бездумно скользим по поверхности жизни, порой с поразительной скоростью уподобляясь тем длинноногим водяным паукам, которые живо передвигаются по поверхности пруда, казалось бы, так и не замочив лапки. Столько готовых стереотипов перенимаем мы от наших родителей, друзей, учителей, священников, будучи слишком ленивыми или равнодушными; мы даже не пытаемся перед лицом обстоятельств отрешиться от старого рецепта и придумать нечто новое, что может оказаться более целесообразным для нашей жизни. Конечно, мы должны уважать взгляды тех, кто более опытен и зрел, кто мудрее и знает больше, нежели мы сами. Но существует разница между использованием чужого опыта и слепым бездумным подражанием. Человек должен в любых обстоятельствах быть самостоятельной, думающей личностью, то есть самим собой; так, если ваш отец унитарий или католик, иудей или мусульманин, это не значит, что в выборе религии вы должны следовать по стопам отца, как и в выборе профессии или ремесла. То же относится и ко всем другим сторонам жизни: каждый индивидуум должен использовать данное ему Богом право - думать и выбирать, иначе ценности, приобретенные им в жизни, не будут его

собственным достоянием. Если кто-то стал демократом, католиком, масоном или баптистом только потому, что его отец соответственно был демократом, католиком, масоном или баптистом, то это не принесет пользы для формирования личности человека - стереотип подражания придаст ему лишь внешнюю оболочку, но не будет способствовать образованию внутреннего стержня. Пример отца может быть прекрасным, может даже казаться, что нельзя и желать лучшего для сына, но сын, делая выбор, должен обдумать его самостоятельно. Ведь бывает и так - то, что было хорошо для отца, для сына может оказаться совершенно неподходящим, и если он пойдет тем же путем, это может обернуться для него большим уроном. Слепое подражание другим не только вредно, бессмысленно, нелепо - оно может привести к непоправимым ошибкам в жизни человека, а по большому счету - и к историческим трагедиям, оказывающим влияние на жизнь всего общества. Если бы евреи во дни Христа судили беспристрастно и непредубежденно, они бы не распяли Его. Возможно, не все евреи приняли бы Христа и Его Учение, не все прислушались бы к Его проповеди, но тем не менее они не убили бы Его. Однако они слепо и безрассудно пошли за своими вождями, закосневшими в традициях и догмах, которые тоже были ослеплены предрассудками. И поток христианства изменил свое естественное русло - вместо того, чтобы в первую очередь орошать жизнь избранного народа, к которому Христос пришел как его Обетованный Мессия, он устремился мимо него, неся свои живительные воды другим народам и странам.

Ум человеческий пока несовершенен, хотя, несомненно, в будущем он достигнет удивительных высот развития; в своем упрямстве мы поразительно цепко держимся за наши мелкие, заранее заготовленные концепции. Сколько сил и времени понадобилось, чтобы донести до людей истину о том, что земля - круглая, что она была исторгнута солнцем, остыла и отвердела, а затем на ней появилась жизнь, а впоследствии, в ходе эволюции, - и сам человек; возможно, единственная причина, по которой мы все-таки приняли эти новые представления, заключалась в том, что их стали излагать в учебниках и ввели в программы школ и колледжей. Но при этом все еще остались люди, которые упорно настаивают на буквальном толковании сотворения в том виде, в каком оно изложено в Книге Бытия, и они скорее умрут, чем изменят свои взгляды. Мой прадед запрещал в своем доме разговоры о беспроводном телеграфе, поскольку, как он утверждал, это явление было абсолютно невозможным, и он не хотел даже слышать о подобной чепухе - хотя и считал себя образованным, культурным человеком!

Наиболее почитаемо среди унаследованного нами - это представление о жизни и личности Пророков. Взять, к примеру, традиционный образ Христа, бытующий уже сотни лет, - стройный, энергичный, светловолосый молодой человек с голубыми глазами, несколько изможденного и аскетичного вида. Но так ли это? Еврей по происхождению, Он был дитя мастерового, Сам плотничал, путешествовал в основном пешком, жил под палящим солнцем Палестины, и поэтому весьма вероятно, что Он был крепкого телосложения, мускулист, темноволос, темноглаз, и лицо у Него было здорового бронзового оттенка. Однако имеет ли все это какое-либо значение? Имеет ли это какое-нибудь отношение к Его личности и Его Учению? Что изменится, если мы в

своем воображении придадим Ему иной физический облик? Станет ли Он от этого менее удивительной личностью, утратит ли Его Проповедь свое значение? А как упорно, веками держались мы за это представление о Христе, созданное западными живописцами, которых вдохновлял облик собственной расы и которые полагались на свое воображение, пытаясь придать образу Христа большой колорит! Кроме того, мы знаем, что Христос не был женат. И вот, исходя из этого единичного факта и переосмыслив на свой лад дошедшее до нас в виде фрагментарных отрывков Учение о том, как прожить богоугодную жизнь, мы выработали нелепую догму, сделав невероятный вывод, что Христос учил, будто безбрачие лучше брака; что взаимоотношения между полами низменны и представляют собой необходимое зло; что дети рождаются во грехе, ибо во грехе зачаты; что один из величайших признаков святости Христа - то, что Он никогда не был женат! Не покажется ли странным при этом, что Бог, положив в основу существования Вселенной закон притяжения противоположностей - от положительно и отрицательно заряженных электронов, создающих равновесие атома, до мужских и женских особей, воспроизводящих свой вид, - устами Христа объявил этот принцип, на котором построена материя, чем-то порочным, унижительным, греховным? Что же нам тогда думать о Создателе? Как может Он быть справедливым и последовательным, если создал все - от атомов до человека - по образцу, который в основе своей нечист? Кто из людей имеет право утверждать, глядя на младенца, которому день от роду, что он, только что вышедший из <монетного двора> жизни, еще беспомощный и неразумный, есть порождение греха, ибо во грехе зачат?

Не будет ли логичнее, правильнее считать, что это удивительное притяжение противоположностей есть основа основ жизни? Не должны ли мы увидеть в этом один из вселенских наглядных уроков, который учит нас, что высшей формой притяжения противоположностей является притяжение души человеческой к Богу, создания к Создателю? Ибо то, что проявляется в материи как магнетизм, в природе - как отношение полов, в человеке преобразовывается в любовь, через которую он очищается и возвышается? Стали бы мы ближе к истинному пониманию жизни - той, которая нас окружает и которая в нас самих, если бы поверили, что Христос не женился потому, что у него не было для этого времени или ему некуда было привести молодую жену? Конечно, нет, ибо нам известно: Он знал, что ждет его впереди и понимал, что Ему еще многое нужно успеть сделать, прежде чем Он примет смерть от рук жестокосердных, фанатичных священнослужителей Его народа. На каком основании можно утверждать, что полный жизненных сил, любящий, нежный, отважный Иисус, описанный в Евангелии, рассматривал брак как нечто греховное и недостойное Его, как неизбежное зло, от которого Он был свободен? Желая понять Христа, мы должны глубоко проникнуться тем, чему Он учил, постараться понять, какое воздействие оказало Его Послание на культуру и цивилизацию; кроме того, мы должны сорвать завесу, которой Он был окутан в течение этих двух тысяч лет стараниями недалеких, хотя и набожных людей.

Сказанное в равной степени относится и к Мухаммаду. Он появился позднее Христа, и Его проповеди (в отличие от проповедей Христа) сразу же записывались, а, следовательно, текст Корана отражает Его подлинные слова, а не изустные предания; тем не менее Его последователи сумели исказить многие положения Его Учения, неверно истолковывая их. Христиан, придерживающихся упрощенного и догматического представления об отношении полов, о котором мы уже упоминали,

более всего отталкивало в Арабском Пророке два факта Его жизни - Его многоженство и Его войны.

Прежде чем мы проанализируем эти два момента, необходимо сослаться на одно общее положение, касающееся религии. Если Пророк - Божественный Целитель, Который приносит человечеству лекарство, то естественно, Он должен дать снадобье от тех недугов, которыми страдает человечество в данный момент, а не от тех, которые одолевали его прародителей. Поэтому логично было бы предположить, что евреям в первом году нашей эры - а также грекам и римлянам, ибо эти три народа первыми получили Христово Послание, - требовалось что-то совершенно иное, нежели арабам 600 лет спустя. Евреи, при всех преимуществах их религиозного воспитания, были развращены, суеверны, материалистичны; кроме того, им был свойствен крайний фанатизм. Римляне, переживавшие период своего расцвета, и греки, уже оставившие позади зенит своей славы, быстро клонившейся к закату, хотя и исповедовали многобожие, были, тем не менее, просвещенными и цивилизованными народами - самыми цивилизованными в западном мире. Эти народы нуждались в том, что дало бы толчок духовному преобразению личности. В ту пору еще не было наций в современном значении этого слова. Были обширные империи, были правящие династии, которые то возносились, то падали, ведя друг с другом непрерывную борьбу за власть. Христос дал этим народам именно то, что им было нужно: Учение о спасении души. Человек той эпохи нуждался именно в таком лекарстве, ибо душа его была поражена ржой. Невозможно представить себе Учение, более пригодное для воспитания личности, чем то, которое дал нам Иисус. На фоне событий последних двух тысячелетий говорить о том, что Он был пацифистом, Который пришел, чтобы принести человечеству мир, означало бы представлять Его обманщиком. Ничего подобного не было; напротив, Он Сам сказал: <Не думайте, что Я пришел принести на землю мир: не мир принес Я, а меч>. В отличие от Мухаммада, он не стремился к установлению религиозного государства, ибо недвусмысленно заявил: <Отдайте кесарю кесарево, а Богу - Богово>; разделив таким образом сферу деятельности государства, которое призвано управлять делами народа, и сферу деятельности индивидуума, которому вменяется в обязанность забота о собственной душе согласно Божиему Учению.

У арабов все обстояло иначе. Мухаммад явился среди диких племен идолопоклонников; они занимались в основном торговлей и при этом в погоне за наживой не гнушались никакими средствами. В Греции и Риме существовал культ богов, хотя мыслители и философы поклонялись им как дилетанты, полускептически-полушутя, а низшие сословия почитали богов не из глубокого убеждения в их реальности, а скорее потому, что видели в них нечто вроде института власти; если евреи, будучи исключительно набожными, фанатично следовали букве монотеистической религии Моисея, то арабы в противоположность этому, были суеверными, невежественными и яркими идолопоклонниками. Они жили в пустыне, обособленно. Их богатство составляли верблюды, финиковые пальмы, редкие колодцы - источники драгоценной воды, специи, благовония и отары овец. Ко времени рождения Мухаммада эти племена все еще находились на примитивной стадии развития. Чтобы помочь читателю лучше представить себе их дикие нравы, приведем отнюдь не исключительный случай, который произошел во время одного из сражений между последователями Мухаммада и их сородичами. После битвы одна из женщин набросилась на тело убитого врача-мусульманина, вырезала ножом еще теплую печень и с великим наслаждением впилась в

нее зубами! Профессор Гитти дает очень точную характеристику арабов того периода: <Воинственные устремления были постоянным состоянием их ума>. И вот представьте себе, что этот дикий народ, непрестанно ведущий кровопролитные войны, не знающий иной формы единства, чем единство племени, упивающийся кровной мстостью и жестокий не только по отношению к врагам, но и к животным - арабы имели обыкновение привязывать верблюда к могиле его хозяина, обрекая тем самым животное на мучительную смерть от жажды, народ, главными развлечениями которого в городах были азартные игры, разгульное пьянство и разврат, в силу чего проституция считалась едва ли не почетной профессией, смог за жизнь только одного поколения измениться настолько, что стал великой сплоченной нацией. Теперь бывшие враги сражались рядом, плечом к плечу; было запрещено пьянство и азартные игры; положение женщины коренным образом изменилось, став необычайно высоким - ей позволялось записывать собственность на свое имя и передавать ее по наследству; неизмеримо улучшилось положение рабов; бывшие противники Пророка, обратившиеся в веру, тотчас, без каких-либо оговорок принимались в сообщество ислама и могли беспрепятственно занимать самые почетные и высокие должности. Осмысливая все это, мы должны задуматься и спросить себя - кем же на самом деле был человек, который всего за четыре десятилетия привнес столь поразительные перемены в жизнь своих соотечественников.

Первое, что сделал Мухаммад, как только почувствовал в Себе силу, - железной рукой низверг идолопоклонничество. Изучая ислам, мы должны помнить, что <больной>, то есть народ времен Мухаммада, отличался от <больного> времен Христа или Моисея и страдал от иного недуга; следовательно, и лекарство ему требовалось иное. Мухаммад дал ему это лекарство. Ничто кроме силы, используемой справедливо и мудро (а именно так использовал ее Мухаммад), не могло заставить народ Аравии измениться. Моисей сказал: <Око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь>, и мы по сей день считаем, что это - основа справедливых отношений в обществе, и даже наш уголовный кодекс в большинстве случаев требует заплатить жизнью за жизнь.

И воюем мы не только ради корысти или из ненависти - иногда одна христианская нация поднималась против другой, считая свои притязания справедливыми; именно христианские нации, в период наибольшего расцвета своей веры, вели продолжительные крестовые походы и были повинны в варварских убийствах и грабежах. Тем не менее вот уже тринадцать веков христиане упрекают Мухаммада за то, что Он мечом низложил идолопоклонство и мечом же распространил великую цивилизацию, отличавшуюся, помимо всего прочего, исключительной веротерпимостью!

Второе и главное, что определяет наше критическое отношение к Мухаммаду, - это то, что у него было много жен. Отбросив изначальную предвзятость, навязанную нам традиционным представлением о том, что в половых отношениях есть нечто постыдное и нечистое, рассмотрим обвинения, которые обычно предъявляют Мухаммаду. Во-первых, многоженство было и у евреев; в Евангелии тоже нет ни одной строчки, направленной против полигамии. Развод Христос запрещал; но Он никогда ничего не говорил о количестве жен: по этому вопросу мы не можем привести ни одной цитаты или высказывания; более того, полигамия была распространена среди ранних христиан, что не могло бы иметь места, если бы Иисус запретил ее. Доктрины, на которые ссылается церковь в этом вопросе, были введены отцами церкви в ранний период христианства. Таким образом, мы видим, что две великие монотеистические религии,

существовавшие во времена Мухаммада - иудаизм и христианство, - не предписывали верующим моногамный брак; напротив, в те времена не возникало и мысли о том, что дурно иметь более одной жены. Мухаммад появился среди народа, в обычаях которого также была полигамия и мужчина мог иметь сколько угодно жен. Мухаммад уменьшил количество жен до четырех, утвердив это как закон Корана. Уже это было огромным шагом вперед и означало защиту прав женщин, которые до Его прихода были в глазах арабов не более чем движимым имуществом.

По склонности ли характера, а может быть, потому, что в молодости Он почти все время путешествовал с торговыми караванами, отправлявшимися из Мекки в близлежащие страны, но до двадцати шести лет Мухаммад не женился и, по преданию, до женитьбы соблюдал совершенное целомудрие. На ком же Он остановил свой выбор, будучи двадцати шести лет от роду? Если бы Он был тем сластолюбивым человеком, каким рисует Его большинство христианских толкователей, то вряд ли взял бы Себе в жены женщину сорока двух лет, дважды овдовевшую, которая, хоть и была недурна собой, отличалась дородностью и была явно не первой молодости. К тому же, сорок два года для народов Востока - значительно более зрелый возраст, нежели для жителей Запада. Мухаммад прожил с этой женщиной двадцать три года, до самой ее смерти; все эти годы Он был ей неизменно верен, глубоко и преданно любил ее.

Таким образом, мы видим, что в жизни Мухаммада до пятидесяти одного года не было иной женщины, кроме Его немолодой жены, которая вышла за Него замуж будучи вдовой; и хотя в течение девяти лет, последовавших за ее смертью, Он женился еще двенадцать раз, среди его жен только две, или, может быть, три были девственницами. Остальные же были вдовами, и многие - уже в годах, а большинство имело детей от первого брака. Если признать тот факт, что Мухаммад в течение этих девяти лет имел возможность выбрать Себе в жены любую красавицу Аравии, что пожелай Он того, Он мог бы наслаждаться любовью тысяч невинных девушек, то станет очевидным, насколько опорочено Его имя в западной литературе и среди христианских народов. Проанализировав факты жизни Мухаммада, можно сделать вывод о том, что они вовсе не свидетельствуют о Его чрезмерной чувственности. На самом деле побудительными мотивами Его женитьбы были великодушие, жалость, а нередко то, что можно определить как религиозно-государственные интересы.

Остановимся здесь, прервав рассуждения о том, насколько искажен был в нашем представлении образ Мухаммада. Подобно тому, как христиане совершали беззакония во имя Христа, исказив во многом Его Учение, так и последователи Мухаммада преступали Его заповеди. Хотя Мухаммад Своим законом строго ограничил количество жен до четырех, многие Его последователи обзаводились гаремами, в которых находилось до сотни красавиц. Мухаммад учил верующих уважать последователей Христа и Моисея и разрешал мусульманам брать в жены женщин из их среды (Сам Он так и поступал), ибо провозгласил в Коране, что Христос и Моисей были <Посланниками от Бога>, <Пророками, снискавшими славу>, носителями истины, которых должно любить и почитать; тем не менее фанатики-мусульмане считали за добродетель убивать <неверных>; у них даже вошло в обычай возвращаться домой, чтобы переодеться, если на улице их одежды случайно коснулся еврей или христианин.

Болезнь недомыслия передается от поколения к поколению. Почему мы так редко задумываемся о том, чем на самом деле были такие личности, как Иисус, Мухаммад, Моисей? Они обладали удивительным даром творить добро, пронизательнейшим умом, позволявшим Им видеть сокровенную суть человеческой души с ее устремлениями и потребностями, магнетической силой воздействия на людей, благодаря которой те, что признавали Их истинное величие, совершенно преображались; кроме того, эти личности были наделены особым, никому другому не свойственным обаянием и способностью пленять людские сердца. Именно поэтому каждый вступающий в общение с Ними чувствовал, что выходя за пределы своего человеческого <я>, он поднимается над самим собой, приобщаясь новой, доселе неведомой жизни, наполненной энергией созидания, и что он готов на великие свершения. Почему мы относимся к Ним, как к некоей гигантской абстракции, совершенно чуждой нашей человеческой жизни, как к существам, которыми можно восхищаться на расстоянии, но с которыми у нас нет ничего общего? Почему мы так часто упрощаем Их образ, гипертрофируя какую-то одну сторону Их личности, например, представляя Христа как кроткого, печального проповедника, исцелявшего людей и отпускавшего им грехи, а Мухаммада - как мужественного воина, человека действия, ведущего на брань свое войско? Умозрительность образа Пророков, созданного в нашем воображении, может быть, одна из причин того, что мы так мало черпаем из Их Учений. Если мы верим в то, что Они действительно были исключительными личностями, воплощавшими Божественный дух в человеческом теле, что Они несли весть от Бога и являлись среди людей, дабы направить их и сделать мир лучше и счастливее, то нам следует всеми силами стремиться как можно лучше узнать Их, понять, какими Они были на самом деле, ибо тогда мы сможем лучше познать и самих себя, и те ценности жизни, что Они нам открыли.

Каждый ребенок из христианской семьи знаком с библейскими историями, в которых с такой любовью нарисован прекрасный образ Иисуса; из этих безыскусных рассказов мы узнаем о Его человеческой доброте, Его сострадании к униженным и страждущим, Его искренней любви к тем, кто сопровождал Его в пути и проповедовал вместе с Ним; о Его суровой праведности, с которой Он обрушился на менял в Храме; о том, как, презрев кровную родню, Он назвал истинными братьями Своих учеников. Очень живо предстает перед нами картина той страшной ночи, когда Он, преданный Иудой, один, с тяжестью на сердце молился в Гефсемане; мы видим картины невероятных страданий и унижений, выпавших на Его долю в последние дни жизни. Как горько было Ему, когда Его возлюбленный Петр, Его <Камень>, на котором Он мечтал воздвигнуть Свою Церковь, трижды отрекся от Него. Каким одиноким и всеми покинутым Он чувствовал Себя, прикованный к кресту между двумя другими крестами с распятыми на них разбойниками - на эти кресты должны были бы добровольно взойти, в порыве безоглядной любви к Нему, два Его любимейших ученика, но они-то и предали Его! Какими бы яркими ни были эти картины, они все же отрывочны, и по прошествии двадцати веков мы не можем утверждать, что реальный, действительно существовавший Христос, Которого, как нам кажется, мы знаем по евангельским рассказам, был именно таким человеком.

То же справедливо и в отношении Мухаммада, хотя здесь мы располагаем большими сведениями, и жизнь Мухаммада гораздо более полно отражена в исторических

документах, чем жизнь Иисуса. Но после смерти черты Его характера стерлись и личность Его оказалась окутанной туманом домыслов, ибо столько воды утекло, столько раз Его дела и поступки подвергались толкованию, и столько раз неверному! - как Его последователями (разделявшимися на противоборствующие секты), так и Его врагами.

К чему же нам следует обратиться, чтобы узнать, что на самом деле представляет собой этот загадочный феномен, этот Луч, исходящий от невидимого Солнца, этот Пророк Незримого Бога, Проводник, который, как и мы, сотворен из плоти и крови, и вместе с тем столь непохож на нас? Нам нужно реальное подтверждение и живой пример - то, что стоит рядом с нами во времени, что не подлежит сомнению. Можем ли мы найти это?

Глава 11

Весна в XIX веке

В середине XIX века произошло то, что и должно было произойти согласно предсказаниям ученых богословов и провидцев как с Востока, так и с Запада - появился Новый Пророк.

Рожденный от плоти и крови, Он пришел в этот мир незаметно, так же, как и другие Пророки, Его предшественники, - о Его приходе не возвестили ни звуки фанфар, не трубный глас с неба. Были, правда, люди, которые предсказывали <пришествие>, а один на редкость проницательный и мудрый человек говорил своим ученикам, входившим в так называемое Общество Предвосхищения, что вскоре надо ожидать необычайных вестей из Шираза и Тегерана. Однако, когда в Ширазе, в тихом доме уважаемого торговца Сейида Мирзы Мохаммада Ризы родился сын, мир, и даже Персия, ставшая Его родиной, не ведали о том, Кто пришел на землю. Его отец умер, когда мальчик был совсем маленьким, и один из братьев Его матери взял на попечение вдову и ее сына. С детства Он отличался добрым нравом, отзывчивостью, склонностью к размышлениям. Как это было принято, Он унаследовал занятие Своих предков, став купцом; какое-то время Он был владельцем магазина в Бушире, на берегу Персидского залива. Двадцати двух лет от роду Он женился на Своей двоюродной сестре; молодые супруги были близки по духу и похожи по характеру, очень любили друг друга и были счастливой парой. Единственно, что омрачило жизнь молодой четы, - смерть их годовалого сына. Звали этого молодого человека Сейид Али Мохаммад; Сейид - это титул, который употребляется перед именем всех признанных потомков Пророка Мухаммада и давал титулованному право носить зеленую чалму, указывавшую на именитое происхождение.

До двадцати пяти лет Сейид Али Мохаммад ничем особенным не выделялся, разве что был необыкновенно кроток и набожен. Правда, в школе Он поражал Своего учителя тем, что с необыкновенной быстротой проникал в суть проблем, далеко выходявших за пределы детского разумения - казалось, Он интуитивно знал ответы на вопросы, волновавшие умы взрослых. Заметив это, учитель сказал Его дяде, что не знает, как ему учить ребенка, способного столь легко постигать абстрактные понятия, которые он и сам не может как следует объяснить; при этом он добавил, что на самом деле он, учитель, учится у этого мальчика, а не мальчик у него; но ведь разве мало было в этом мире вундеркиндов, и они вовсе не стали Пророками!

Чтобы в полной мере оценить и понять феномен, связанный с появлением этого молодого человека из Шираза, необходимо иметь некоторое представление о персидской философии того времени. В те годы существовала довольно большая и влиятельная группа богословов, которые учили, что все знамения времени, состояние мира в целом и пророческие даты указывают на то, что близится срок, когда в мир произойдет новое излияние духовной энергии и что люди должны готовить себя к тому, чтобы воспринять эту энергию и признать Того, Кто станет ее проводником. Этих людей называли шейхъ, ибо основателем учения, которому они следовали, был шейх Ахмад Ахсаи.

В мае 1844 года Сейид Али Мохаммад, вернувшись из Бушира в родной город, вел спокойную и уединенную жизнь в Своем доме. Ему было двадцать пять лет от роду; внешне Он был очень хорош Собой - невысокого роста, стройный, с прекрасным орлиным носом, с большими карими глазами, с хорошо очерченными бровями, с темнокаштановыми волосами, бородой и усами. Склонный к созерцательности и духовным размышлениям, Он был известен Своей мудростью, набожностью, честностью, кротким и благородным нравом. До той поры Ему были незнакомы тяготы жизни. Его семейство благоденствовало и пользовалось всеобщим уважением; Его родные, как и многие другие жители Шираза, отличались остроумием, любознательностью, были любителями поэзии и почитателями красоты природы. Молодой купец жил в небольшом, изысканно обставленном доме; окна Его комнат выходили в маленький внутренний дворик, где вокруг фонтана росли апельсиновые деревья и стояли горшки с цветами, источавшими нежный аромат; полы в доме были устланы прекрасными персидскими коврами; повсюду сверкали хрустальные светильники и люстры; стены и потолки были богато и со вкусом украшены лепными арабесками; Сам Он носил одежды из тончайшей парчи и шелка, чаще всего зеленого цвета, подбитые великолепным ручной набивки ситцем, которым славилась Персия. Судьба благоволила Ему: у Него была заботливая мать, любящая и любимая молодая жена, дядя, который относился к Нему как к сыну.

Однажды под вечер Он прогуливался за городской стеной. Когда стало смеркаться, Он увидел уставшего путника, приблизившегося к городским воротам; Он подошел к страннику и дружески поприветствовал его, чему тот немало удивился; затем пригласил его пойти к Нему, в дом, чтобы отдохнуть с дороги. Путешественник был весьма удивлен неожиданным предложением, но как человек благовоспитанный и вежливый, он не смог отказаться и последовал за юношей к Его дому. Сейид Али Мохаммад угостил гостя чаем, который Он Сам приготовил в знак уважения к гостю. На слова гостя о том, что ему пора уходить, поскольку его брат и племянник ожидают его в городской мечети, Он невозмутимо заметил: <Ты вернешься в тот час, когда это будет угодно Богу...> После столь решительного заявления гость сдался; растерянный и слегка заинтригованный, он решил подчиниться воле хозяина дома, незнакомого ему человека.

Отвечая на вопросы о себе, путник - молодой священнослужитель, только двумя годами старше Сейида Али Мохаммада - вдруг почувствовал себя совершенно свободно и раскованно и без стеснения заговорил со своим вновь обретенным другом. Он пребывал в смятенном состоянии духа и был рад излить сочувствующему слушателю все, что накопилось у него на душе. Как выяснилось, путник был последователем шейха Ахмада;

незадолго до этого его учитель скончался; перед смертью он сказал ученикам, что его смерть предвещает появление Того, Кого все они ожидали с таким нетерпением - Человека, Который озарит мир новым светом. С того времени он, Мулла Хусейн, проводил дни в затворничестве и молитвах, умоляя Бога направить Его к Источнику этого света. Наконец, повинаясь неодолимому внутреннему зову, он отправился в далекое путешествие - из Кербелы, города в Ираке, в Шираз, что на юге Персии. Сейид Али Мохаммад с нескрываемым интересом выслушал рассказ Своего гостя, а затем стал подробно расспрашивать его о приметах <Обетованного>, данные шейхом Ахмадом, по которым можно было узнать Его. Солнце давно уже зашло. Двое молодых людей сидели по персидскому обычаю на полу друг против друга, увлеченные беседой. Мулла Хусейн - священник и блестящий ученый -богослов - после смерти шейха стал во главе его учеников. Многие из них полагали, что именно Мулла Хусейн и есть Обетованный, и были готовы принять его как Пророка. Но Мулла Хусейн - человек, страстно приверженный истине, отрицал это; он был исполнен веры в то, что час уже пробил и Посланник Божий где-то рядом на земле. Далекий от честолюбивых мыслей, он не желал для себя ни престижа, ни власти, поэтому всецело посвятил себя поискам Обетованного.

С глубокой убежденностью, рожденной многолетними занятиями, он кратко изложил приметы, которые, согласно учению шейха, должны были отличать Того, Кого они искали: Он - потомок Пророка (таково было предание); Его возраст - между двадцатью и тридцатью годами; Он среднего роста и не курит; у Него нет ни одного физического недостатка или изъяна; Он обладает врожденным знанием и мудростью. Мулла Хусейн говорил с увлечением, почти забыв о хозяине.

Молодой купец из Шираза, устремив на него взгляд Своих прекрасных, глубоких глаз, вдруг спокойно произнес: <Смотри, все эти знаки явлены во Мне!> И, разобрав один за другим названные признаки, Он доказал, что все они в полной мере были явлены в Нем.

Мулла Хусейн устал с дороги. Он преодолел пешком долгий путь. Все это время его не оставляла мысль о том, что носитель нового Откровения где-то рядом, среди его народа. Однако смелое заявление, столь неожиданно сделанное совершенно незнакомым человеком, не только насторожило его, но и вызвало чувство раздражения. Он поспешил сказать своему юному другу, взиравшему на него со спокойной уверенностью, что Тот, Чье пришествие он и его товарищи ожидают, - человек неземной святости, а Его послание наделено невиданной силой, силой Боговдохновенного Откровения. Но не успели эти слова, в которых слышался легкий укор, слететь с его уст, как Мулла Хусейн уже пожалел о них. Великий страх овладел его сердцем: а что, если чудо действительно свершилось и этот молодой человек на самом деле Тот, Кого он ищет? Искренний в своем стремлении найти истину, далекий от всякого предубеждения, Мулла Хусейн поклялся в душе, что впредь, если хозяин вернется к этой теме, он будет менее категоричен. Мысленно он еще раз перебрал все доказательства, которые должны были безошибочно установить подлинность заявлений Того, Кого он искал. У него был подготовлен трактат, затрагивавший множество трудных для понимания теологических вопросов, над которыми он долго бился; Пророк, несомненно, должен знать ответ на любой из них; к тому же покойный учитель предупредил его - когда Тот, Кого они ожидали, появится, Он без чьей-либо просьбы даст толкование одной из глав Корана, в которой рассказывается древняя библейская история об Иосифе и его братьях.

Сейид Али Мохаммад отнюдь не намерен был менять тему разговора; напротив, Он настоятельно просил Муллу Хусейна внимательно всмотреться в Него, дабы убедиться - именно в Нем явлено все то, что путник надеялся увидеть в Том, Кого искал. Тогда, осмелев, гость с величайшей почтительностью протянул хозяину свой трактат и попросил Его прочесть хотя бы несколько страниц. Сейиду Али Мохаммаду достаточно было беглого взгляда, чтобы понять суть вопроса. Он тут же углубился в темы, о которых шла речь в трактате, и дал такое глубокое их толкование, что Мулла Хусейн был потрясен. Он слушал, как зачарованный. Затем Сейид Али Мохаммад заявил гостю, что созданиям Божиим не подобает судить о Его истинах сообразно своим несовершенным меркам; скорее Богу пристало судить о том, сколь они искренни; не будь Мулла Хусейн Его гостем, положение его было бы плачевным, но Бог милосерден и прощает его. Люди были созданы, добавил Он, дабы познать своего Бога и возлюбить Его, так пусть же поспешат они к сему порогу, чтобы стяжать милость Божию; он, Мулла Хусейн, с чистым сердцем устремился на поиски истины; так и остальные люди, исполнившись веры и решимости, должны подняться и найти ее!

Что же свершилось в тот вечер? Почему вдруг преобразился купец из Ширази? Что произошло с молодым человеком, отличавшимся мягкими манерами и такой кротостью и смирением, что во время посещения усыпальницы одного из имамов Он счел Себя недостойным переступить порог внутреннего святилища? Что произошло со склонным к созерцанию набожным юношей, всегда таким благочестивым, спокойным и скромным? Человек осознал Свою миссию Пророка. Огонь выплавил железо; дух, который все эти годы зрел в груди молодого перса, внезапно пробудился. То было необычное пробуждение - пробудился мир, в котором повеяло Весной. Наступала пора теплых ливней и весеннего равноденствия. Вскоре проблески первой зари осияют людские умы и мир придет в движение от ветра новой жизни. Что же случилось? И почему? В том не было ничего сверхъестественного. Во Вселенной наступают такие моменты

- в один миг медленно набиравший силу рассвет вдруг вспыхивает пламенем, и солнце быстро начинает подниматься над горизонтом, чтобы за какие-нибудь несколько минут наполнить день своим светом.

Отныне Сейид Али Мохаммад говорит не от Себя; врата открылись; отныне Он обращает к людям слова, в которых заключены наставления их Создателя. Нам предстоит привыкнуть к этому - нам это необходимо; духовная энергия прошлого иссякла: более не способны двигать историю великие импульсы, которые привнесли в мир Авраам, Моисей, Христос, Мухаммад и другие Пророки, бывшие до них, - каждый в свою эпоху. Все тот же вечный Голос вновь взывает к детям человеческим; только уста Взывающего теперь другие. Когда-то, в давние времена, Иисус из Назарета проходил берегом озера; двое дюжих рыбаков разбирали там сети; и вдруг Он окликнул их: <Идите за Мной, и Я сделаю вас ловцами человеческих душ>. Что за самонадеянное и странное заявление! С чего бы вдруг человек стал обращаться с такими словами к другому! Но Петр и его брат откликнулись на тот призыв, ибо сердца Их были открыты, и Петр стал главным учеником, возлюбленным апостолом Христа, <Камнем>, на котором Он основал Свою Церковь. Внутреннее око Муллы Хусейна тоже было зряче. Он вдруг увидел хозяина дома совсем в другом свете. Неописуемый восторг переполнил

его сердце. Сейид Али Мохаммад взял Свое тростниковое перо и листы тонкой гладкой бумаги. Он сказал, что пришло время написать толкование к той суре Корана, где говорится об Иосифе; опершись одной рукой о колено, быстро, не останавливаясь и ничего не исправляя, Он стал писать первую часть Своего толкования, покрывая страницу за страницей изящным каллиграфическим почерком; и, как это принято у народов, говорящих на арабском и персидском языках, нараспев произносил слова, которые писал. Но Его строки не были одой восхваления. С радостью и удивлением вслушивался Мулла Хусейн в слова юноши - то были слова гнева, обличавшие царей за их несправедливые поступки, призывавшие сердца к новым идеалам мудрости и понимания. Так тихо и незаметно возшла на горизонте XIX века новая мировая религия. Должно быть, сердце молодого Пророка исполнилось в тот миг безграничной любви, радости, силы и восторга. В жилах всякого молодого человека, когда ему двадцать пять, кипит горячая кровь. То же происходило и с Ним, только что переступившим порог возмужания. А перед Ним была Его страна, отсталая, погрязшая в разврате, суеверии и невежестве, отчаянно взывающая о помощи, нуждающаяся в полном обновлении, а за ней простирался широкий мир, которому тоже нужен был свет. Ему, Сейиду Али Мохаммаду, было вручено спасительное Послание, которое необходимо было донести до людей! Он не видел ни одной стороны жизни, которая не была бы поражена недугом и не нуждалась бы в целительном прикосновении. Все тело больного общества покрывали гниющие язвы. В Его руках было лекарство. Неужели люди не прислушаются? Неужели откажутся вкушать ради своего же блага? Неужели не возжелают объять истину, которая позволит им вступить в новую жизнь?

Здесь, на родине, есть горстка людей, чьи души открыты и преданны, кто верит в Его появление и изо дня в день ожидает Его, а в Его доме, прямо перед Ним, сидит тот, кто первым уверовал в Него, - благородный молодой священнослужитель с сияющими глубокими глазами, высокообразованный, горящий вдохновением, готовый идти с Ним до конца! Не могло быть сомнений в том, что этот мир - мир, служить которому повелел Ему Бог, лежал у Его ног, и оставалось только покорить его!

Персия в те времена была подобна гниющему, издающему смрад трупу. Сама ткань общества была соткана из страха, обмана, подкупа. Страной правили развратные вельможи, алчные властители, вокруг которых роились их многочисленные отпрыски мужского пола. Ничего нельзя было добиться без подношений; министры получали свои посты за щедрые дары, преподнесенные самодержцу; низшие чины подкупали высшие; без взяток и подкупа невозможно было чего-либо достичь ни в одной из сфер общественной жизни. Большинство населения составляли религиозные фанатики; даже образованные люди считали себя оскверненными, если им случалось прикоснуться к Библии, а некоторые в своем фанатизме доходили до того, что поднимали Библию щипцами, боясь прикоснуться к ней, и возвращались домой, чтобы совершить омовение и сменить <нечистое> платье, если на улице случайно задевали за край одежды <проклятого христианина> или <собаки-еврея>. Положение женщины было столь низким, что некоторые священнослужители утверждали, что у них и души-то нет; их намеренно не обучали грамоте; хороший конь или дорогой ковер часто значили для их владельца больше, чем жена, и удостаивались большей заботы. Фанатизм порождал жестокость. По типу правления страна была религиозным государством - духовенство имело всю полноту власти. Раболепное подобиострастие впитывалось с молоком матери;

лицемерие стало национальной чертой персов. Земля Ксеркса Завоевателя, родина Хафиза, Руми, Саади и других бессмертных певцов, чьи имена можно поставить рядом с Шелли, Китсом, Мильтоном в английской литературе, выродилась в жалкую нацию убогих фанатиков. Не было в мире страны, которая бы столь отчаянно нуждалась в возрождении, чем родина Сейида Али Мохаммада! С надеждой, верой, с сердцем, исполненным любви, с твердой решимостью приступил Он к многотрудному делу реформаторства.

Когда весенние соки бегут вверх по стволу, на деревьях начинают распускаться почки; это сравнение как нельзя лучше подходит к событиям, которые происходили в те дни в Ширазе. Мулла Хусейн, который поклялся никому не открывать тайну встречи со своим вновь обретенным Учителем, снова присоединился к своему брату и его друзьям; их поразила происшедшая в нем перемена - он выглядел спокойным и умиротворенным. Он, который был прежде буквально одержим идеей найти Обетованного, теперь вел размеренный образ жизни, читал лекции, беседовал с учениками и был совершенно спокоен и невозмутим. Некоторые из его товарищей заподозрили, что такая перемена была вызвана встречей с Предметом его исканий. Они стали приставать к нему с расспросами. Однако в ответ они слышали - каждый человек должен найти Истину сам. Взволнованные этими словами, в которых слышался намек, его товарищи пытались через молитву или медитацию найти ключ к двери, через которую он, казалось, уже прошел. А между тем, в их кругу, а часто и на собраниях, появлялся Сейид Али Мохаммад - человек, ничем не выделявшийся среди других, кроме Своего доброго нрава, благородного ума. Он и виду не подавал, что знаком с Муллой Хусейном. Об этом они уговорились заранее, перед расставанием в ту памятную ночь, когда Он открылся Своему первому последователю. Он сказал тогда, что Он есть <Баб>, то есть <Врата>, и эти <Врата> приведут людей к еще более великой истине, но сначала восемнадцать человек должны независимо друг от друга, без какой-бы то ни было подсказки, признать в Нем Пророка. Мулла Хусейн стал первым из Его учеников, другие должны были прийти вслед за ним. Между тем по ночам Он встречался с Муллой Хусейном у Себя дома и во время этих встреч излагал ему Свое Учение, продолжая писать главу за главой Свое сочинение.

История первых дней нового Откровения похожа на сказку: один за другим - кто в минуты озарения, кто в глубокой молитве, кто во сне - семнадцать учеников, которые должны были войти в группу из девятнадцати и первым из которых был Сам Баб, узнали Его и приняли как посланного Богом Учителя. С каждым днем все больше учеников собиралось у Него дома. Единственная женщина из восемнадцати учеников Баба, названных Им <Буквами Живущего>, так никогда и не увидела Его воочию. Она уверовала в Баба, увидев Его во сне, и написала Ему письмо, в котором признала Его Пророком.

Мы не будем подробно останавливаться на событиях последующих шести лет. Нас интересует подлинный, полученный из первых рук портрет нового Пророка, столь близкого к нам по времени; благодаря этой временной близости Его образ дошел до нас неискаженным, Его личность не стала предметом домыслов, история жизни не обросла легендами и мифами, а облик не был приукрашен воображением художников.

Существует Его живописный портрет, подлинный и хорошо сохранившийся. Существует описание Его жизни, созданное Его современниками, сохранились и многие оригиналы

Его писаний. Он направил Своих первых учеников, числом семнадцать, в разные уголки Персии и близлежащие страны, чтобы они донесли до людей Его послание. А молодого человека по имени Куддус Он взял с Собой в Кимз, откуда Он собирался отправиться в паломничество в Мекку. Он намеревался посетить святые места ислама, почтить могилу Пророка Мухаммада, от Которого Он вел Свой род, а также ознакомить некоторых лидеров мусульманской религии со Своим Учением, объявив о Своей миссии. На обратном пути Он должен был встретиться в условленном месте со Своими верными учениками и наметить план будущих действий.

Он начнет Свою проповедь; Он вернет молодость одряхлевшей, находящейся в застое стране, а Его Вероучение овеет ветром перемен и другие земли. Таковы были Его замыслы.

Высший религиозный чин Хиджаза нимало не заинтересовался вестью о Бабе и Его Учении, принесенной ему Куддусом; у него не оказалось времени, чтобы вникнуть в слова молодого человека, толковавшего о новом Боговдохновенном Послании, ибо был он очень важным и занятым человеком. Обстоятельства помешали Бабу встретиться с Его учениками; та встреча, на которую Он возлагал столько надежд, так и не состоялась. В Ширазе Его не встречали восторженные приветствия сограждан; не было и признаков того, что Его Учение находит отклик и признание; там даже не было Его учеников, для которых Его возвращение было бы радостью. На пороге родного города Его <приветствовала> рука закона в виде солдат, которые под конвоем доставили Его в дом к губернатору. В присутствии губернатора и всех высших городских чинов Его подвергли оскорблениям, обвинив в дерзкой самонадеянности, толкнувшей Его на то, чтобы провозгласить новое вероучение, тут же нашедшее последователей; Его обвинили в том, что Он будоражил людей Своими еретическими идеями, нарушая общественное спокойствие. Потом Его ударили по лицу, и удар был таким сильным, что чалма слетела у Него с головы и покатила по полу. От сурового наказания Его спасло высокое положение Его семьи - Он был отдан на поруки дяде, воспитавшему Его; правда, и сам дядя к тому времени уже находился под строгим домашним арестом.

Немногим более года прошло с того счастливого дня, когда Он с радостной уверенностью объявил Мулле Хусейну о Своей миссии, вверенной Ему Богом. Его Весть, разнесенная по стране Его верными учениками, вызвала брожение во всей Персии; среди тех, кто открыто встал на сторону Его дела, были не только простые люди, но и священнослужители. Однако наиболее влиятельные представители власти и духовенства яростно ополчились против Него, а главным и злейшим Его врагом стал первый министр шаха.

Враги торжествовали: Он был вынужден покинуть Свой дом. Затем последовал приказ о Его высылке из Шираза. Тень беды уже нависла над Ним, как за две тысячи лет до этого нависла она над молодым Пророком из Галилеи, против Которого замыслили заговор священнослужители Его народа. Баб простился с женой и матерью, зная наверное, что прощался с ними навсегда. Молодой женщине, которая была Ему верным другом в более счастливые дни Его жизни, которая уверовала в Его Пророческую миссию и всем сердцем приняла Его Учение, Он открыл Свою тайну, сказав, что скоро Его ждет мученический конец. От матери - из сострадания к ней - Он это скрыл.

Он отправился в Исфахан, солнечный Исфахан, город, украшенный голубыми куполами мечетей, - центр религиозной жизни Персии. Там, благодаря Своей дружбе с

градоправителем, который вскоре стал Его верным последователем, Он пережил краткий период славы и почета. Ученые склонялись перед Ним в благоговении, знаменитые богословы целовали Ему руки. Народ восторженно приветствовал Его. Были люди, которые даже пили воду, которой Он омывался, считая, что она стала целебной. Шах намеревался дать Ему аудиенцию в столице. Наверное, в эти дни для Него опять мелькнул луч надежды - планы в отношении родной земли не казались Ему совершенно несбыточными; Он видел - люди не так уж безнадежно слепы к истине, и Он знал, что она нужна им как воздух. Они должны были услышать ее голос и принять ее, и устремиться по ее пути!

Первый министр шаха был, однако, встревожен. Этот подозрительный молодой человек, называвший Себя Бабом, чьи идеи распространялись с быстротой лесного пожара, уже заручился поддержкой многих известных людей, в том числе и того самого мудреца, которого Его Величество направил в Исфахан в качестве представителя своего двора, чтобы получить подробные сведения о <новом Пророке> - после нескольких коротких бесед с Бабом посланник шаха всецело уверовал в истинность Его слов и стал распространять Его Учение по всей стране. Кто знает, размышлял первый министр, что может произойти, если и шах подпадет под влияние этого нового вероучения? Не придется ли ему тогда держать ответ за неслыханные беззакония, которые при попустительстве Его Величества, человека слабого и недалекого, творились в стране? Как бы там ни было, Баб не должен приезжать в столицу, не должен видеться с шахом с глазу на глаз. В Исфахан потоком хлынули послания из столицы. Рабелепные, угодливые священнослужители быстро сообразили, куда дует ветер, и стали во всеуслышание поносить Баба с кафедр мечетей, называя Его врагом общественного порядка, умалишенным, отрекшимся от единственно истинной исламской веры. Ситуация стала настолько взрывоопасной, что градоправитель вынужден был укрыть Баба в собственном доме; официально он объявил, что Тот покинул город. Но надежного щита в лице доброго друга и покровителя Баба вскоре не стало - градоправитель внезапно скончался. Его преемник отправил Баба под конвоем в Тегеран, но на пути туда пришло распоряжение первого министра: доставить узника в крепость Маку, расположенную в дикой малонаселенной гористой местности Азербайджана, - наиболее удаленном от столицы районе, находящемся на пересечении границ Турции, России и Персии.

Странно, почему мы иногда думаем, что человек, облеченный миссией Пророка, не испытывает обыкновенных человеческих чувств, как все прочие люди. Скорее верно обратное - наделенный исключительной, совершенной душой, вмещающей в себя все устремления эпохи и всю боль человечества, способной постичь все тайны людских сердец, Пророк должен обладать и особой чувствительностью, и именно поэтому Он намного глубже, чем мы, переживает и горе, и радость.

Сейид Али Мохаммад вместе с одним из Своих учеников был заключен в крепость Маку. Крепость эта, частично расположенная в углублении, вырубленном в горе, была унылой, мрачной и наводила на людей ужас; возвышаясь над диким и пустынным пейзажем, она примыкала одной из своих сторон к убогой деревушке Маку, от которой и получила свое название. В первые месяцы Его заключения тюремщики, которых предупредили, что Он бунтовщик и враг государства и ислама, отказывали Ему даже в светильнике; зимой в помещении, где Он содержался, было так холодно, что вода в кувшине замерзала.

Безвозвратно канули в прошлое теплые, благоуханные ночи Шираза, милый дом Его юности. Растаяли в дымке любящие, улыбающиеся лица Его домочадцев и родных, с которыми Ему не суждено было увидеться. В прошлом были и мечты о том, как Он встретится с правителем Своей страны, откроет истину Своим соотечественникам, поведет их по пути обновления, как повелел Ему Бог. Он знал, что возврата для Него уже не будет, и Его путь, как и путь Христа, ведет только к кресту. Однако, когда весной начинает пригревать солнце, даже самая истощенная земля покрывается свежим, пусть и неприхотливым зеленым нарядом. Так пробудились и души простых жителей деревушки Маку, когда они ощутили тепло и свет, исходившие от Узника крепости. Даже комендант, которому было поручено охранять Баба как <врага государства>, якобы угрожавшего его миру и спокойствию, вскоре подпал под Его влияние. Все в облике и поведении благородного юноши противоречило выдвинутому против Него обвинениям, и комендант, который поначалу обращался с Ним весьма сурово, почувствовал укоры совести. Предаваясь молитве и посту, он стал размышлять о судьбе Узника, и случилось невероятное - ему было видение, ясно указавшее: он должен броситься к ногам юноши и просить у Него прощения за все несправедливости, которые Тот претерпел. Раскаившись, комендант сделал все возможное, чтобы смягчить режим заключения. Были разрешены прогулки; паломников, которые, стирая в кровь ноги, преодолевали пешком огромные расстояния, чтобы увидеть своего юного Учителя, больше не гнали, а свободно допускали к Нему. Жители деревни, большинство из которых были курды, принадлежавшие к иной секте ислама, нежели персы, и ненавидевшие как самих персов, так и их религию, прониклись к Узнику такой любовью и уважением, что по утрам, идя на работу, они часто заворачивали к воротам крепости, надеясь хоть краешком глаза увидеть Его лицо и испросить Его благословения в своих трудах; когда между ними возникали споры, они приходили под Его окна и клялись Его именем, что будут говорить правду.

Свет, который первый министр считал погасшим, вдруг ярко засиял из той самой темницы, где его прятали. Посланцы Баба, словно пчелы в поле, кружили по всей стране. Некоторые из них были преданы смерти - таков всегда последний ответ тиранов и религиозных фанатиков на то, в чем они видят угрозу своей власти. Одежды новой веры окрасились в цвет, который отныне навечно будет закреплен за ней в истории, - в алый цвет крови. Все новые религии в истории человечества орошались жертвенной кровью мучеников, тех, кто принял ее и дорожил ею больше жизни, но ни одну из них не обагрили столь обильные потоки крови, какие были пролиты за религию, принесенную Пророком из Шираза.

Наконец настал день, когда к дверям Его тюрьмы подошел сам Мулла Хусейн. Он славно послужил своему Учителю! За три с половиной года он преодолел, в основном пешком, более четырех тысяч километров, и везде - от восточных до западных границ Персии он распространил новое Учение. И вот теперь он опять сидел у ног Баба, внимая Его наставлениям. Это, вероятно, были конкретные и продуманные указания к действию, ибо Бабу было дано ясное знамение относительно Его судьбы и Он знал, что времени для завершения миссии у Него оставалось мало. В трудные девять месяцев Своего заключения

в Маку Он, собрав все Свои душевные силы, продиктовал Своему секретарю - единственному товарищу, которому было дано разрешение сопровождать Его в заключении и ссылке, - Книгу Его законов, а также множество посланий и трактатов. Вскоре Мулла Хусейн простился с возлюбленным Учителем и отправился в путь, чтобы донести Его наставления до последователей нового вероучения, которых с каждым днем становилось все больше. Послания Баба глубоко проникали в души этих людей, и еще сильнее разгоралась пламя их любви к Нему, и дело Веры исполнялось невиданной силы; новая религия стала быстро распространяться по стране, что ускорило жестокую кульминацию судьбы ее основателя.

Самого Баба перевели в другую тюрьму, неподалеку от деревни Чехрик - примерно в восьмидесяти километрах от Маку. Это было сделано по приказу первого министра, который к тому времени понял, что чары его Пленника оказались сильнее его указов - не презрение и насмешки, а всеобщая любовь и почитание окружали Его в Маку. В Чехрике повторилась та же история, но события приобрели еще больший размах: Баб, поначалу содержащийся в условиях строжайшей изоляции и подвергавшийся жестокому обращению, вскоре завоевал сердца всех жителей в округе, которые поняли, что воздвигаемые против Него обвинения - не более чем клевета; Он вновь стал предметом всеобщей любви и уважения, а также судьей в спорах, ибо источал ту силу, которая неодолимо влекла к Нему и Его последователей, и всех тех, кто искал истину. Люди пешком преодолевали огромные расстояния, взбирались по диким каменистым уступам, окружавшим темницу, в надежде узреть Его лик. Их не гнали прочь, ибо Его тюремщики и здесь, как и в Маку, стали Его горячими приверженцами. Чиновник же, которому был поручен надзор за заключенным (а он был шурином самого шаха), вопреки полученным им строгим указаниям, никому не отказывал в свидании с Бабом, к Которому сам со временем стал питать глубокую привязанность; напротив, паломникам и местным жителям разрешалось собираться большими группами, чтобы послушать проповеди Баба, которым они внимали в благоговейном восторге. Тюремная стража также была расположена к Нему и, вполне возможно, помогла бы устроить Его побег, имей Он подобное намерение.

Теперь Он уже знал, какого рода противники у Него, знал, что Его непримиримыми врагами были первый министр Персии и высшие церковные иерархи. Он понимал и то, что не суждено сбыться тем радужным мечтам, от которых так радостно билось Его сердце четыре года назад, когда Он впервые ощутил в Себе пророческую силу и в надежде обратил лицо к Мекке, сделав первый шаг по предназначенной Ему стезе; Он знал, что Его жизнь вскоре бесславно закончится. Не Ему, а другим предстоит распространить благую Весть, которую Он принес. Ему не суждено залечить кровоточащие раны родной земли, дожить до дней ее торжества. Казалось, Делу Его грозило окончательное поражение. Кто знает - отдавал ли Он Себе в этом отчет, предвосхищал ли всю горечь потери...

О Азия, не знающая жалости земля! Не один, а тысячи раз волны твоего жестокосердия омывали скорбью дома твоего собственного народа и жилища иноземцев. Не один, а тысячи раз ты повергала троны своих монархов и силой ненависти обращала в прах плоды своих трудов. Теперь пришел срок Баба. По заведенному испокон веков обычаю то, с чем нельзя было справиться, подлежало уничтожению. Персы призывали к расправе над бабидами - так теперь называли Его последователей. Будучи детьми мусульманской

веры, бабиды не собирались сдаваться без сопротивления, ибо по традиции ислама защищать свою религию - дабы она не исчезла с лица земли - с мечом в руках считается не грехом, а подвигом. Там, где их было много, они собирались в отряды. Нет, они ни на кого не нападали и не давали поводов к нападению, но, исповедуя честность и искренность, ни при каких обстоятельствах не отрекались от своих убеждений, от своей новой веры. Они подвергались жестоким нападениям и храбро сражались, защищая себя. Однако, когда горстка людей вступает в бой с армией, исход битвы изначально предопределен. Они героически бились в Зенджане, Нейризе, форте шейха Табарси; они выдержали многомесячную осаду, во время которой терпели жестокий голод, питаясь порой кожей от обуви и мукой из лошадиных костей, с подмешанной в нее скудной зеленью, произрастававшей внутри крепостных стен. И все же движение их было подавлено. Правда, их ни разу не удалось победить силой; враги вынуждены были прибегать к вероломству: торжественно поклявшись на Коране, они давали бабидам письменные обещания, заверяя их в том, что если они сдадутся, то им разрешат мирно разойтись по домам. Однако стоило им поверить в эти обещания, и, бросив оружие, выйти из своих укреплений, как на них набрасывались солдаты, священнослужители, чернь, и на глазах у всего народа разыгрывались ужасающие по своей жестокости сцены кровавой расправы.

Пострадали не только те, кто защищал свою веру с оружием в руках.

И в столице, и в крупных городах, и в отдаленных деревушках последователи Баба, чьим единственным преступлением было то, что они отказывались отречься от своей вновь обретенной веры, безжалостно уничтожались. Их резали как ягнят; их окунали в масло и заживо сжигали; их отдавали на расправу городским лавочникам, ремесленникам, мясникам, каменщикам, сапожникам, булочникам, и каждая гильдия, получив живой трофей, старалась превзойти все прочие жестокостью пыток, а затем подвергала свои жертвы медленной и мучительной казни. Над бабидами издевались всеми воображаемыми способами: порой кровожадность зрителей доходила до такой степени, что жертву сначала кололи ножами, затем вешали, труп сжигали на костре, а потом и кости вырывали из могилы, чтобы еще раз поглумиться; иногда пригибали к земле ветви молодых деревьев, одну ногу жертвы привязывали к одному дереву, вторую - к другому, а затем их отпускали, и они разрывали человека надвое, что вызывало взрыв восторга у беснующейся толпы.

Известны случаи, когда наиболее фанатичные участники кровавых зрелищ, в приступе болезненной экзальтации, пили кровь столь ненавидимых ими жертв. Нередко матери, дочери или жены бабидов находили у своего порога голову или обрубок тела своего близкого, подброшенный ревущей от восторга толпой, которая считала это верхом остроумия. Один из подобных случаев описан в хрониках веры: схватив отрубленную голову сына, которую швырнули перед ее домом, мать бросила ее обратно толпе, воскликнув: <То, что я отдала Богу, я назад не беру!> Отрубленные головы гоняли, как мяч; украшали ими копья; тела выставлялись на рыночных площадях и оставались там по несколько дней на потеху и поругание. В период между 1844 и 1853 годами Персия являла собой зрелище самой страшной азиатской жестокости, приводившей в ужас цивилизованный мир. Одна из подобных диких расправ над бабидами произошла в то время, когда Баб находился в крепости Чехрик. Сколько скорбных дней и ночей провел Он, когда один за другим приходили к Нему гонцы, приносявшие страшные, душераздирающие вести о гибели тех, кого Он так любил. Среди мучеников были Мулла

Хусейн, Куддус и другие из числа Его первых учеников, а также Его дядя, который с детства заменил Ему отца. Но Он оплакивал не только близких. Он скорбел о всех замученных, среди которых были и женщины, и дети, и даже... да, даже грудные младенцы.

Большинству людей знакомо чувство скорби; многие наши современники из личного опыта знают, что такое ужасы войны, революции, вооруженных мятежей - знают, что такое неожиданная, бессмысленная, жестокая смерть; горькие страдания, утраты стали уделом не одного поколения XX века; сколь часто мы скорбим, узнавая о жертвах новых трагедий, которых можно было бы избежать. Задумайтесь - что же должен был испытывать в те дни Баб, человек, наделенный обостренной чувствительностью и гораздо большей, чем у нас, способностью восприятия?

Променять дом и семью, любовь и уважение друзей, жизнь в почете и покое на горькую ссылку и одиночество - нелегкое испытание для любого человека. Видеть, как Твое чудесное, Богом данное лекарство вырывают из Твоей протянутой в надежде помочь руки и швыряют наземь - тяжкое зрелище для всякого мыслящего существа. И при этом быть свидетелем того, как гаснет робкий свет зажженной Тобой надежды, и знать, что Тебя ждет неминуемая гибель в самом расцвете лет, когда Ты полон творческих сил и в Твоем уме непрерывно рождаются мысли, которые не только от гения, но и от пророческого дара, ниспосланного Тебе Богом. Трудно принять эту жестокую реальность, но тот, чья вера непоколебима, все же может найти в себе силы примириться с нею. Но, поистине, даже для такого великого сердца, каким было сердце Иисуса, Мухаммада или Моисея, невыносимо осознавать - то, что Тебе дороже всего на свете, ради чего Ты всем пожертвовал, уничтожается самым жестоким, самым безжалостным образом; невыносимо, находясь в одиночном каземате, получать одну за другой вести о том, что убит друг, что приняла мученический венец еще одна преданная душа, что Твое дело, Твое новорожденное Учение, Твой драгоценный дар, принесенный Тобою человечеству, попраны ногами Твоих врагов. Нет сомнений в том, что сердце Баба было разбито. В те дни Он отказывался от еды и питья, Он предался горю, погрузился в безмерную скорбь.

Лучшее из того, что Он мог дать миру, Он отдал ему за шесть лет. Худшее из того, что мир мог дать Ему, обрушилось на Него за столь же короткое время. Его соотечественники решили уничтожить Его, и они не хотели больше медлить.

Из Тегерана пришло официальное предписание перевезти Баба из крепости в Тебриз; Его уже один раз возили туда, чтобы подвергнуть допросу в присутствии наследника престола и представителей высшего духовенства. Но тогда Его надменные судьи были посрамлены; Баб держался с достоинством короля и отвечал на вопросы так убедительно и с такой покоряющей смелостью, что заставил замолчать Своих высокопоставленных недругов. Он повелел им прекратить допрос, заявив, что сказал все, что хотел. Все дискуссии с Ним свидетельствовали в Его пользу; ни один человек, в душе которого была хотя бы искра справедливости, выслушав Баба, не мог всерьез осуждать Его. Много раз повторялась история Понтия Пилата: римский прокуратор, выслушав Иисуса, решил <умыть руки>, то есть держаться подальше от того грязного дела, которое замыслили иудейские священнослужители; так и персы, в ком не совсем угасла совесть, осуждали намерение погубить Его.

На этот раз, однако, допроса не проводилось. В знойный июльский день Узника с непокрытой головой, без зеленой чалмы и пояса - знаков Его высокого происхождения от Пророка Мухаммада - провели по улицам Тебриза; позорная процессия останавливалась у дверей тех домов, где жили высокопоставленные духовные особы - их подписи были необходимы, чтобы скрепить Его смертный приговор. Никто не выступил - о отзвуки Иерусалима!

- против замышляемого преступления. В каждом доме Баба и сопровождавшего Его офицера встречал слуга, который со словами <Не нужно заводить Его в дом, Он тот, Кто уже давно осужден> от имени хозяина вручал охраннику документ, одобрявший смертный приговор. Ни одно сердце не дрогнуло, никто не осознал, что совершается явная несправедливость. Единственным человеком, не пожелавшим запятнать себя невинной кровью, оказался полковник, командовавший стрелковой частью (все солдаты этой части были армянскими христианами); именно его часть должна была привести приговор в исполнение. Офицер этот, по имени Сам-Хан (он был христианином), пораженный обликом и поведением Баба, сказал Ему, что он, боясь гнева Божиего, не хочет проливать Его кровь. Баб спокойно отвечал, что ему следует подчиниться приказу, не опасаясь за последствия.

Баба привели на площадь перед казармами; Его подвесили на веревках к стене одной из них вместе с юношей, родом из знатной семьи, горячим приверженцем Баба, который, несмотря на мольбы родных и друзей, настоял на том, чтобы ему позволили последовать вместе с Бабом к месту казни; он повторял вновь и вновь, что хочет умереть вместе со своим Господом. Пророка и Его последователя привязали таким образом, что голова юноши покоилась на груди Баба. Отряд из семисот пятидесяти солдат дал залп. Когда облако оружейного дыма рассеялось, десятитысячная толпа, заполнившая площадь, и те, кто наблюдал за казнью с крыш соседних домов, испустили вопль - Баб и Его приверженец исчезли. Солдаты бросились в поиски пропавших; Баба обнаружили в одном из помещений казармы - Он спокойно сидел там, беседуя со Своим секретарем. Отдав последние распоряжения, Он сказал, что теперь солдаты могут продолжать свое дело. Однако полковник Сам-Хан отказался вторично участвовать в казни Баба; он оставил свой пост. Тотчас был прислан другой отряд стрелков; на этот раз тела Баба и Его ученика были изрешечены пулями, и только лица их остались нетронутыми. Перед казнью Баб, обращаясь к толпе, сказал: <Если бы в вас была хоть капля веры, о заблудшее поколение, каждый из вас последовал бы примеру этого юноши, который превосходит многих из вас, и пожертвовал бы жизнью на пути Моем. Придет день, когда вы признаете Меня; но в тот день Меня уже не будет с вами>.

Баб был казнен 9 июля 1850 года; Ему было тридцать лет от роду. Он пришел к народу Своей родины со словами: <Я принес вам наделенное исцеляющей силой Послание, я открыл новые пути, дал необходимые для вас законы; не от Себя реку Я, но от Бога вашего, Который послал Меня, дабы наставить вас на путь процветания и счастья...> Что же было наградой Ему? Его

изувеченное, изрешеченное пулями тело было брошено в ров неподалеку от Тебриза на съедение диким зверям. Однако история Его на этом не закончилась. Верные ученики Баба под покровом ночи подобрали Его останки и вместе с останками казненного вместе с Ним юноши поместили их в небольшой ларец. Более шестидесяти лет прятали их у себя в домах Его последователи, перевозя из города в город, ибо люди каким-то таинственным образом каждый раз узнавали, где они хранились, и приходили к тому месту, чтобы помолиться. Любовь и преданность людей, хранивших столько лет останки Пророка, были вознаграждены - в конце концов Баб обрел Свое последнее пристанище на Святой Земле - в Палестине, бывшей в то время турецкой провинцией (ныне это государство Израиль). Он покоится в величественном златоглавом мавзолее на горе Кармель в Хайфе, и десятки тысяч паломников-бахай, приезжающие из всех уголков земли, ежедневно приходят туда, чтобы поклониться своему Пророку и помолиться в Святилище Баба. Вход в мавзолей открыт и для небахаи, иногда усыпальницу посещают израильтяне. Когда-то Его изрешеченные пулями останки были брошены на дно глубокого рва близ Тебриза; а ныне Его Святилище, подобное сверкающей жемчужине, обрамленной изумрудной зеленью вечнозеленых садов и радужным кольцом цветников, вознеслось высоко в небо над Святой Землей как символ всеобщего мира и доброй воли. Какой недолгий срок - всего шесть лет и два месяца - длилась проповедь Сейида Али Мохаммада, которую одни восприняли как предвестие великого обновляющего перелома, а другие сочли бессмысленной. Все это время Он отчаянно пытался сокрушить стену невежества, фанатизма, беззаконий, слепой вражды и ненависти - и разбил в кровь Свои молодые крылья. С того самого момента, когда Он впервые отверз Свои уста и возвестил: <Я принес вам наделенное исцеляющей силой Послание, не от Себя реку Я, но от Бога вашего, Который послал Меня...> и до того дня, когда Его окровавленные останки были брошены в ров за городским валом, Он не получил в награду ничего, кроме клеветы и гонений. Но подобно ветру, тронувшему струны арфы, возглашенные Им истины вызвали отзвук, который разнесся по всему миру, всколыхнув умы людей. Лютая, неистовая ненависть, подобная той, с какой было встречено Учение Христа, обрушилась на Него Самого, Его Учение, и тех, кто шел за Ним; Его дело было попорано и, казалось, уничтожено навсегда. Но Он был порождением и воплощением Весны - той таинственной и неизбежно наступающей Весны Духа, приход которой обусловлен вечным круговоротом циклов во Вселенной. Тело можно уничтожить, но дух - никогда. Желание свободы, устремленность к Богу, тяга к самовыражению и познанию - это силы, присущие самой человеческой природе, которые ни подавить мечом, ни запретить законом; искра, зажженная в человеческой душе Богом, живет вечно, передаваясь от поколения к поколению, от сердца к сердцу, от ума к уму.

То, что Баб принес в мир - как бы яростно оно ни отвергалось, - было необратимым. Колесо прогресса совершило очередной поворот, замкнулась цепь, и ток новой жизни потек по планете. Баб открыл шлюзы новой эры, иной цивилизации. Пути назад не было. Его Учение и Его жизнь послужили толчком для невиданных перемен.

К 1853 году повсеместные жестокие преследования бабидов привели к тому, что новое движение было практически уничтожено. Его руководители были убиты или казнены, большинство преданных приверженцев Баба также предпочли смерть отречению; в живых остались лишь немногие; и рассеянные по всей стране, они напоминали стадо растерянных, испуганных овец, оставшихся без пастыря. Но закономерности жизни

нельзя произвольно нарушить; их, по-видимому, питает космическая энергия, которая так или иначе пробивает себе путь. И если закономерный процесс пытаются подавить в одном месте, он возобновляется в другом. Вопреки всем препятствиям, в духовной жизни Земли совершился очередной цикл - набухание почек и первое цветение Весны. Жестокий смерч, пронесшийся над новым духовным движением, лишь сбил с его древа цвет, но корень продолжал расти, набирая силы для следующего, более мощного рывка. За одним Пророком должен был прийти другой. Подобно тому, как луковичное растение в безводной пустыне выбрасывает новый цветок, едва успеет засохнуть предыдущий, так и из лона XIX столетия вышла единая мировая религия, основанная двумя великими Учителями человечества, пришедшими один за другим; Они были современниками, и второй был на два года старше первого; между мученической смертью одного и осознанием другим Его пророческой миссии лежало девять лет. Вторым был Мирза Хусейн Али, известный в истории под именем Бахаулла.

Нас здесь интересуют не столько доктрины Их учений, история Их жизни и основанной ими религии, сколько Их личность. Впервые у людей есть возможность доподлинно узнать, как выглядел Пророк, как Он поступал, какие у Него были вкусы, черты характера и привычки. Жизнь - это живой, непосредственный опыт. Как бы ни любили мы абстракции и умозрительные концепции, как бы ни влекли нас высокие идеи, все же в основе нашей жизни лежит контакт - непосредственное воздействие одного объекта на другой. В отсутствии этого воздействия, несомненно, заключается одна из причин того, что все старые мировые религии, такие, как иудаизм, индуизм, буддизм, зороастризм, христианство, ислам, в значительной степени утратили способность влиять на повседневную жизнь верующих. Устарели не только многие их законы - в свое время идеально соответствовавшие потребностям времени, - но утрачен тот живой дух религии, который рождается из чувства близости к Пророку. Пророки - это люди из плоти и крови, и в этом заключен великий смысл: Они могут жить среди нас, говорить с нами на понятном нам языке. С другой стороны, Они - нечто большее, чем мы, иначе Они не могли бы служить мостом между нашим ограниченным существованием и той Бесконечной Сущностью, Которая создала нас. Когда личность Пророка отделена от нас веками и наше воображение рисует нам Его идеальный, героический образ с набором абстрактных добродетелей, то как бы ни почитали Его и как бы ни стремились следовать Его путями, Он не может уже оказывать преобразующее влияние на нашу повседневную жизнь. Прошлогоднее солнце не даст рост цветам нынешней весны, нужно новое весеннее равноденствие, новый солнцеворот; мы должны опять потянуться к солнцу, чтобы заново ощутить его тепло и свет. Так и в истории человечества - со временем людям не только требуются новые законы, им необходимо вновь воочию узреть Пророка, вступить с Ним в общение, непосредственно ощутить могучее воздействие Его личности. И именно это, как ничто другое, способно преобразить человека и изменить его жизнь.

Иногда мы мучаемся вопросом, действительно ли Иисус был таким, каким представляют Его библейские истории, - таким кротким, мудрым и мужественным, таким совершенным? Он ушел из этого мира две тысячи лет тому назад... Может быть, все наши знания о Нем - преувеличение или искажение истины? Действительно ли Мухаммад был неизменно добрым, бесстрашным, отдающим всего Себя служению людям - день за днем, всю жизнь, до самого конца? С тех пор прошло тысяча триста лет;

может быть, с течением времени картину приукрасили и на ней уже изображен не реальный человек, а полумифическая фигура?

Пыль веков неизбежно ложится на все. Покрыла она и историю жизни Пророков, и от этого Их изображения стерлись и потускнели. Поэтому необходимо, чтобы исполнилось ветхозаветное библейское пророчество:

<...Ибо теперь видим темно, сквозь стекло, а потом увидим лицом к лицу>.

Сегодня нам не только нужен новый духовный импульс; нужно еще раз убедиться - да, раз в тысячелетие на земле рождается идеальное человеческое существо, которое являет такое совершенство ума и духа, что под их воздействием в нас, простых смертных, пробуждается желание возвыситься над собой и обрести истинное человеческое достоинство, преодолев эгоистическое, животное начало.

В лице Баба и Бахауллы мы имеем дело с Пророками, недалеко отстоящими от нас по времени, Которых мы можем наблюдать с довольно близкого расстояния. Мы так устроены, что обычно к другим предъявляем большие требования, нежели к себе, и ждем, что кто-то должен исполнить свой долг лучше, чем мы. Самый критически настроенный наблюдатель не может усмотреть непоследовательность в описаниях характера Христа или Мухаммада (двух ближайших к XIX веку Основателей мировых религий): Иисус никого не обманул в ожиданиях; даже самые озлобленные из Его критиков не могли отрицать, что Он не только жил, как учил, но и умер за Свое Учение, явив Своей смертью пример кротости и всепрощения. То же можно сказать и о Мухаммаде. Он до конца был последователен; до самой Своей кончины Он проповедовал Свои идеалы, утверждая силу Своего владычества. Однако, отделенные от Них веками, не дерзнем ли мы оспаривать Их, говоря, что Они принципиально ничем не отличались от других людей и по Своей сути не превосходили их, что были Они всего лишь великими и смелыми реформаторами, и ничто человеческое - в том числе и человеческие несовершенства - не были Им чужды?

В лице Баба и Бахауллы мы имеем дело с Пророками, подробности жизни Которых представляют собой неоспоримые, близкие к нам по времени, исторические факты. Какие же черты проступают в Них наиболее рельефно? Во-первых, Их удивительная цельность - иными словами, та изначальная убежденность, которая так восхищает нас в людях, ибо тот, кто наделен ею, твердо знает, что ему нужно, не изменяет и не противоречит себе ни при каких обстоятельствах. За все время от начала и до конца Своей пророческой миссии Они ни разу не дрогнули, не свернули с пути, по которому шли. Нельзя не увидеть, что внутренним ориентиром, определявшим направление Их движения, была Божественная Истина, и от этого ориентира Они не отклонились ни на йоту. Во-вторых, Их беспредельная доброта, рожденная от Божественной любви. О такой доброте человек может только мечтать. Лишенная всякой примеси себялюбия, не знающая границ, она изливалась щедрым потоком, подобно полуденному солнечному свету. Их доброта была подлинной, и тому есть многочисленные подтверждения - свидетельства как друзей, так и врагов. Многие из Их друзей, ощутившие на себе эту доброту, предпочли смерть отречению от Них, убежденные в том, что такое благо дороже самой жизни; а у Их врагов, которые, подобно летучим мышам, питали отвращение к свету, Их доброта вызывала еще большее озлобление. И, в-третьих, Их знание - не то знание, которое свойственно глубокому и проницательному уму, постигающему истину, благодаря тому, что посредством интуиции и рассуждений он

проникнет в суть вопроса, а то мистическое, превосходящее человеческие возможности, всеобъемлющее знание, которое, по логике вещей, может быть присуще только Тому, Кто непосредственно черпает из великого Вселенского источника - от Духа Создателя. Они обладали еще одной поразительной способностью, которую не раз проявляли, - способностью заглядывать не только в мысли, но и в сердца тех, кому пришли помочь. Как хирург удаляет пораженный орган, о болезни которого мы даже не подозревали, так и Они, наделенные ясновидением духовные Целители, проникали в таинства человеческой души и лечили ее - каждую своим способом, в зависимости от заболевания. И последнее. Дерево узнают по его плодам. И то, что Учения, принесенные Бабом и Бахауллой, удивительно соответствуют потребностям современного мира, и есть величайшее доказательство Их истинной пророческой миссии.

Глава 12

Побеги

Как в природе не бывает двух совершенно одинаковых вещей, так не бывает и двух похожих Пророков. Каждый своеобразен как личность, но у всех есть одно общее свойство - то, что мы называем Божественным. Как алмазы отличаются своими оттенками и сиянием граней, так несхожи и личности Пророков, но подобно алмазу, каждый из Них являет Собой подлинный драгоценный самоцвет. Всматриваясь в личность Баба, мы видим, что самой примечательной Его чертой было чарующее обаяние, неотразимо действовавшее на всех, кто вступал с Ним в общение; Он был наделен необыкновенно острым, пронизательным умом и даром глубоко мистического постижения реальности, обладал беспредельной отвагой, был удивительно уравновешен и при всех обстоятельствах вел Себя со спокойным сдержанным достоинством, поразительном в таком молодом человеке. Магнетическое обаяние Баба гармонично сочеталось в Нем с другими привлекательными чертами характера: Он был кроток и в то же время отличался непреклонной решимостью и справедливостью в суждениях; был разборчив в еде и платье, изыскан в манерах и обладал редким даром каллиграфического письма; был мягок и уступчив в отношениях с друзьями и негибает перед лицом врагов. Он был красив: хрупкого телосложения, стройный, со светлой кожей и благородными чертами лица, изящными руками, карими глазами, темно-русой бородой. Он носил зеленую чалму - знак того, что Он ведет Свою родословную от Пророка Мухаммада. Он любил наряжаться в зеленые одежды, свидетельствовавшие о Его именитом происхождении. Принадлежал Он ко всеми уважаемой, образованной купеческой семье. Таким мы видим Его на портрете, таким предстает Он и в дошедших до нас рассказах современников, которые становятся еще ярче благодаря уцелевшим реликвиям - среди них Его личные вещи и многое из Его одежды, отличающейся изысканной простотой. Его справедливость и высокие нравственные требования к Себе снискали Ему всеобщее уважение. Однажды был случай, когда Он заплатил клиенту сумму, превышавшую ту, что Он выручил за его товар. Когда клиент спросил Баба, почему он получил больше, чем ему причитается, Баб ответил, что у Него была возможность сбыть товар именно по этой, более высокой цене, но Он ее упустил, и потому Он считает Себя обязанным выплатить клиенту большую сумму, чем Он выручил. Клиент стал возражать, но тщетно - Баб стоял на Своем, утверждая, что такой подход к делу - это всего-навсего соблюдение принципа справедливости. С другой

стороны, когда одному из Его учеников продали что-то по баснословно дорогой цене, Баб настоял на том, чтобы товар был возвращен и деньги выплачены назад - Он никогда не позволял, чтобы Его обманывали, ибо считал, что это поощряет нечестность в людях. За Его мягкими манерами и кротостью скрывались негибкая воля и самообладание. В Тебризе, представ перед наследником престола, губернатором провинции, верховными священнослужителями города и докторами от юриспруденции, Он совершенно четко осознавал, что эти люди собрались здесь, чтобы осудить Его на казнь, и несмотря на это, Он - по-существу уже узник, над которым была занесена карающая рука властей, - войдя в зал заседания, спокойно прошел между Своими судьями и сел на то место, которое было предназначено для старшего сына шаха, председателя собрания. От Него исходила такая непреклонная уверенность, что никто не посмел возразить! И когда Его спросили, кем Он считает Себя, Он все так же спокойно ответил - Он Тот, Кого они ждали, о Ком молили Бога вот уже более тысячи лет. Один седобородый старец, взбешенный таким ответом, набросился на Него с оскорблениями, называя Его мальчишкой, у которого молоко на губах не обсохло, и поклонником сатаны; на это Баб невозмутимо заявил, что за каждое сказанное слово Он отвечает перед Богом. Ответив еще на несколько вопросов, Он встал и покинул собрание, тем самым дав понять, что считает его закрытым. Его поведение повергло собравшихся в шок. Придя в себя, многие поняли, что стали свидетелями какого-то грандиозного, из ряда вон выходящего события, смысл которого был им неведом. Председателю суда пришлось самому приводить приговор в исполнение - наносить Бабу палочные удары по пяткам, ибо не нашлось никого, кто осмелился бы поднять на Него руку. В течение всего периода Своего пастырства Он неизменно проявлял величайшую отвагу и мужество. Однажды произошел такой случай. Когда Баб возвращался из Мекки, губернатор Шираза выслал Ему навстречу конный отряд, которому было приказано задержать Бабу и препроводить Его в резиденцию губернатора. На дороге к офицеру, возглавлявшему отряд, подъехал красивый, изысканно одетый юноша и, улыбаясь, сказал: <Губернатор послал вас арестовать Меня.

Вот Я, делайте со Мной, что хотите...>

Никогда Его не видели таким умиротворенным и счастливым, как в ночь накануне казни. Об этом свидетельствовали все, кто видел Его в те трагические часы, в том числе и бабиды, которые были вместе с Ним - им Он приказал скрыть свою веру, чтобы остаться в живых и рассказать людям о Его мученическом конце. В преддверии ожидавшей Его смерти Он был совершенно спокоен и исполнен царственного достоинства; это произвело такое впечатление на некоторых офицеров, включая и командующего полком, который должен был привести приговор в исполнение, что они отказались участвовать в казни. Это всего лишь выбранные наугад эпизоды Его жизни, но подобно граням самоцвета, они сияют ярким блеском, говоря о достоинстве драгоценного камня. В жизни почти каждого человека бывает такой момент, когда он достигает высоты нравственного величия, озаряясь светом бескорыстного служения. Однако жизнь и Баба, и Бахауллы являет собой нечто совершенно иное: она на всем своем протяжении была отмечена знаком величия. То, что для нас служит исключением, для Них было абсолютным правилом - низость ни разу не запятнала Их поступки. И хотя внешне Их мирская жизнь кажется сплошной неудачей (Они в ней потеряли все: положение, богатство, комфорт, семью, друзей, уверенность в завтрашнем дне), Их внутренняя жизнь, то есть то, что закладывает основу характера и формирует личность, предстает как непрерывное торжество, ибо Они ни разу не изменили Себе, оставаясь от первого до

последнего момента образцом возвышенного совершенства, которое отличало Их от всех прочих людей.

Бахаулла представлял Собой совершенно иной тип человека, нежели Баб. Он родился в 1817 году в семье сановника, занимавшего высокий пост губернатора столичного города Тегерана. У Его отца, как у большинства богатых персов того времени, была большая семья - несколько жен и много детей. У Бахауллы были братья и сестры самого разного возраста, как родные, так и сводные - по отцу. Семья принадлежала к старинному знатному роду из провинции Нур и восходила к бывшей правящей династии Персии. Ее члены были людьми независимыми, хорошо образованными, обладавшими изысканными манерами; они принадлежали к высшему придворному кругу и пользовались всеобщим уважением. Бахаулла был среднего роста; черты Его лица говорили о недюжинной силе характера и воле, и это сразу бросалось в глаза тем, кто вступал с Ним в общение; темные брови сходились на переносице, взгляд черных глаз, казалось, проникал в душу; У Него был красивый, выразительной формы нос и волевой рот; на плечи ниспадали густые черные локоны - по обычаю того времени. С ранней юности в Нем проявилось сострадание к ближнему, желание помочь бедным и страждущим, - редкое качество в людях Его страны и Его класса. До того, как Бахаулла узнал об Учении Баба, Он вел сравнительно тихую и уединенную жизнь в кругу Своей семьи, занимаясь в основном благотворительной деятельностью, что вызывало непонимание окружающих и пересуды - слишком разительным был контраст между Его образом жизни и амбициями молодых людей Его круга, стремившихся к успеху, высоким чинам и богатству. Его отец, человек проницательного ума, очень рано распознал в Бахаулле незаурядные дарования и сильный характер; предвидя большое будущее для сына, он не препятствовал Его свободному развитию и никогда не стремился навязать Ему свою волю.

Когда Бахаулле было двадцать семь лет от роду (к тому времени Он был уже женат и имел малютку - сына), в Тегеране состоялась Его встреча с Муллой Хусейном. Тот принес радостную весть - Наследник Мухаммада явился, принесся новое Послание от Бога. Бахаулла тотчас же принял Учение Баба. Подобно тому как химически активный раствор, влитый в жидкость, немедленно влечет за собой бурную реакцию, так и новое Вероучение, вошедшее в Его жизнь, с первого дня необратимо изменило ее, направив в иное русло. Не медля ни минуты, Он встал на защиту веры Баба. Положение Его отца, среди друзей и знакомых которого были первые вельможи шахского двора и выдающиеся государственные мужи, открывало Ему доступ в высшее общество Персии. Люди из Его окружения поначалу с любопытством и не скрывая иронии наблюдали за тем, как страстно отстаивал Он Учение, которое считалось крамольным. Но когда звезда Баба, озарившая, подобно промчавшемуся метеору, небосклон Персии, начала падать, открытая и смелая проповедь Бахауллы в защиту Его веры создала пропасть между Ним и людьми Его круга. И эта пропасть с каждым днем увеличивалась. Нет в истории более захватывающей главы, посвященной отношениям двух выдающихся современников, чем та, что рассказывает о Бабе и Бахаулле. С того самого дня, когда Бахаулла, не колеблясь, признал миссию Баба, между Ними завязалась оживленная переписка. Они так и не встретились, эти два Пророка, пришедшие в мир один за другим. Но при этом Баб, еще до того, как началась Их переписка, отзывался о Бахаулле с особым уважением. Когда Мулла Хусейн покидал Шираз, Баб ясно дал понять Своему ученику, что в столице он

станет свидетелем какого -то важного и таинственного события; получив от Муллы Хусейна известие о том, что Бахаулла принял Его веру, Баб исполнился великой радости и объявил, что теперь с легким сердцем Он может отправиться в длительное паломничество в Мекку.

Те, кто связан узами любви, способны читать в сердцах друг друга. Кто знает, какие волны пробегали между этими двумя Духовными Светилами? Какие глубинные связи породили эту загадочную двойную звезду, которая в середине прошлого века взошла на небосклоне человечества? Для Баба Бахаулла был, несомненно, величайшим утешением в жизни. В те мрачные годы, когда Баб пребывал в заточении, когда разгоралось пламя первых битв между правительственной армией и Его последователями, не кто иной как Бахаулла тайно путешествовал вместе с бабидами, вдохновляя, направляя и утешая их, не давая угаснуть огню их веры и преданности. К Его ногам склонялся величайший из учеников Баба, зная наверное, что человек этот стоял гораздо выше всех прочих учеников и последователей Баба, зная и то, что особое уважение, с которым относился к Нему Баб, могло означать только одно - Бахаулла был <Тайной>, то есть еще сокрытым, еще никому не ведомым, но самым важным плодом на древе новой веры.

В целом Учение Баба было построено на следующей доктрине: Его миссия - это миссия Врат; какой бы великой ни была Его собственная духовная сущность, какая бы грандиозная сила ни была заложена в Его Послании, Он был лишь горизонтом, и над этим горизонтом должно было взойти Духовному Солнцу, равного которому еще не видел мир. Снова и снова, говоря о грядущем Пророке, Он намекал, что Он придет в лице Бахауллы. На это указывали Его поступки, и это нашло отражение в Его посланиях. Нам не известно, в какой мере Сам Бахаулла предвосхищал Свою судьбу. Отдельные Его высказывания и действия позволяют сделать вывод о том, что в годы перед казнью Баба и сразу же после нее Божественное вдохновение постепенно все с нарастающей силой стало овладевать им.

Наступил день, когда над движением бабидов нависла черная мгла. Самого Баба уже не было в живых (Его последним распоряжением перед смертью было - отправить Бахаулле личные письменные принадлежности и печать, символизирующие Его статус и власть Пророка); сопротивление Его сторонников было подавлено превосходящей силой оружия, а большая часть бабидов физически уничтожена. И вот в этот мрачный час в истории движения Баби разыгралась великая трагедия. Трое молодых людей, обезумевших от горя после казни Учителя и охваченных глубокой скорбью при виде поверженной, истерзанной, подрубленной под корень веры, предприняли попытку покушения на шаха. Это событие всколыхнуло всю страну. Если ранее бабиды никогда не давали повода для преследований, то теперь их обвиняли в самом тяжком преступлении - бунте и покушении на жизнь монарха. Бесполезно было доказывать, что только те трое - потерявшие голову безумцы, которые к тому же не играли никакой роли в делах веры, были ответственны за этот террористический акт (кстати, покушение окончилось ничем: нападавшие зарядили пистолеты картечью, что было свидетельством их полного безрассудства!). Прощения о том, чтобы из уважения к традиции, не

говоря уже об элементарной справедливости, наказаны были только сами виновные, остались без ответа. Плотина варварства прорвалась, и по улицам столицы потекли потоки крови. К этому времени почти никого из руководителей движения не было в живых, и, когда гром и молнии высочайшего гнева сотрясли небеса, устояло лишь одно высокое дерево - Бахаулла. Его незамедлительно взяли под стражу, хотя в момент покушения Бахаулла гостил в загородном доме самого первого министра, и Его невиновность не вызывала и тени сомнения. Тем не менее на Него со всех сторон посыпались удары, ибо Он был единственным из всех оставшихся в живых бабидов, Кто играл видную роль в делах веры и занимал высокое общественное положение; кроме того, Он был желанной добычей для завистливой черни и алчных чиновников, у которых теперь были развязаны руки для конфискации Его имущества или просто грабежа. И Баб, и Бахаулла подвергались в разное время телесному наказанию - палочным ударам. Баб, проведя пять лет в тюремном заключении, во время которого Его всячески унижали и оскорбляли, был предан позорной казни. Бахаулла с самого начала подвергался нападкам, когда вставал на защиту своих друзей - бабидов - хотя и не таким страшным. Но Он твердо стоял на выбранном пути, и путь этот был путем скорби - *via dolorosa**. Босого, с непокрытой головой, в изорванных одеждах, под палящим солнцем, какое бывает в Персии в середине лета, под оскорбительные выкрики и брань городской черни, бросавшей в Него камнями и грязью, вели Бахаулла от окраины Тегерана, где было предпринято покушение, к столичной тюрьме. И в этот момент Его великое сердце - сердце, которое было создано для того, чтобы излить на людей беспредельную Божественную любовь, дрогнуло и исторгло стон: какая-то старуха пристала к страже, прося замедлить шаг, чтобы и она могла бросить камень в неверного, которого вели по улицам, и тогда Он сказал: <Пусть эта женщина получит удовольствие, не лишайте ее того, что она считает похвальным поступком в глазах Бога>. И Он смиренно подставил Себя еще под один удар, дабы порадовать старое сердце, не ведавшее, что творит.

Когда Бахаулла вошел в <Черную Яму> Тегерана - подземную темницу, до этого служившую местом слива сточных вод, Он выглядел полным жизненных сил и здоровья человеком. Четыре месяца спустя, выйдя оттуда, Он был настолько истощен, что, казалось, от Него осталась одна тень. Его тело было обезображено сохранившимися до конца жизни шрамами от много килограммового железного ошейника, который был одет на Него, а также от наручников и ножных кандалов, к которым крепились тяжелые цепи; здоровье Его было подорвано, но дух не сломлен. Именно там, в непроглядной зловонной тьме переполненных подземных казематов, где Он томился, закованный в колодки, изнемогая под тяжким грузом цепей, откуда каждый день кого-то из Его друзей - бабидов уводили на казнь, случилось чудо - в Его душе сначала слабо замерцал, а затем все сильнее стал разгораться неземной свет. Там Он пережил чудесные минуты счастья и озарения, услышав Глас Божий, возвестивший о том, что теперь на Его плечи возлагаются пророческие одежды и что великую истину, возвещенную Бабом, предстоит отстаивать и утверждать в мире Ему, Ему одному.

Благодаря вмешательству российского посла - Его друга и почитателя - и неустанным хлопотам Его состоятельных родственников, которые пошли ради Него на многие жертвы, Он был, наконец, освобожден. Когда больной, согбенный, постаревший, Он вышел из тюрьмы, то узнал, что все Его имущество разграблено, конфисковано или сожжено; жена его была в полном отчаянии; семья, в которой было трое малых детей и

двое постарше, терпела отчаянную нужду. Двое старших детей - мальчик девяти лет и его семилетняя сестра, которые сначала держались довольно мужественно, после пережитых гонений и тревог были подавлены. По указу правительства Он должен был немедленно покинуть родину; однако Ему предоставили право Самому выбрать страну изгнания. Он остановился на Багдаде, входившем тогда в состав Османской империи как Иракская провинция. Весь январь в зимние метели и снегопады пробирались по горным ущельям Западной Персии Бахаулла, Его жена, двое Его старших детей, один из Его братьев, а также несколько человек Его родственников и сановников, среди которых был и представитель российского посольства. О тайне Своего сердца, недавно открывшейся Ему в горькие часы страданий в <Черной Яме>, Он никому не рассказал.

С незапамятных времен ни одному из Пророков негде было преклонить голову, ибо Пророк приносит истину, а к истине не бывает нейтрального отношения: она вызывает взрыв жесточайшей вражды, слепой ненависти и злобы. Истина новой религии противостоит обветшавшим догмам своего века, бросает вызов существующему порядку, а потому неизменно наталкивается на противостояние и подвергается преследованиям. Баб не был исключением из этого правила, как не стал им и Бахаулла. Не успел Он обосноваться в Багдаде, как разыгралась новая драма, главным героем которой был Его сводный брат, тоже последователь Баба. Мирза Яхья, который был почти на двадцать лет моложе Бахауллы, вырос у Него на глазах; Бахаулла воспитал его и относился к нему как к сыну. Он обладал множеством хороших качеств, но был человеком слабовольным. Если Бахауллу за Его отвагу и силу можно было сравнить со львом, то Его брат робостью скорее напоминал мышь. Он был боязлив, изнежен и весьма тщеславен. С тех пор, как поспорили между собой Каин и Авель - эхо их раздора до сих пор докатывается до нас из глубины веков, - ссоры между братьями, вызванные чаще всего завистью, всегда приводили к беде. Мирза Яхья занимал особое положение среди последователей Баба, но он превратно понимал свою роль в движении, ибо считал, что именно он после смерти Баба станет Его преемником. И уж менее всего он предполагал, что эта роль уготована его старшему брату.

Однако когда над Персией полыхал огонь, Мирза Яхья, переодетый в чужое платье, в смертельном страхе за свою жизнь, скрывался в горах. И это в то время, когда последователи Баба в Тегеране и по всей стране подвергались казням и пыткам; когда Сам Бахаулла, больной, закованный в железные цепи, с кишачными на теле паразитами, томился заточенный в подземную темницу; когда Его жена, покинутая испугавшимися насмерть друзьями и родными, терпевшая насмешки врагов, вынужденная временами кормить своих детей сырыми лепешками из муки и воды, бессонными ночами молилась о Его возвращении; когда Его малого сына, Абдул-Баха, забрасывали камнями и осыпали бранью уличные мальчишки всякий раз, когда он отваживался выйти из дома, чтобы выполнить очередное, совсем не детское поручение; когда единоверцы и ближайшие родственники Бахауллы переживали страшные тяготы и подвергались преследованиям.

Между тем его положение в общине было столь высоким, что многие бабиды считали - в этот скорбный и горестный для них час именно к нему следует обращаться за поддержкой и утешением.

И вот, когда Бахаулла оказался в древнем Багдаде, в Его жизни разыгралась настоящая драма. Он уже знал, Кто Он. И каждая клетка Его существа была наполнена той неземной силой, которая влилась в Его душу, когда Он, закованный в кандалы, томился в темной тюремной яме. Он считал, что еще не пришло время открыть Свою тайну другим, но Божественный Свет с каждым днем все больше озарял Его ум, и Он буквально источал поток духовной энергии. Всю Свою жизнь Он был надежной опорой для других; Он вселял в Своих единоверцев уверенность, вдохновляя и поддерживая их. Теперь же, когда открылся Его Пророческий дар, Он обрел ту совершенную любовь, пронизательность и мудрость, что способны поднимать и преображать миллионы людей, Он стал носителем той силы, которая на протяжении истории воплощалась в личностях избранных Божиих - Кришны, Будды, Христа, Моисея, Мухаммада.

Уцелевшие в кровавых бойнях бабиды стекались в Багдад, по-прежнему питая надежду найти утешение у Мирзы Яхья и обрести в его лице нового руководителя. Но этот человек ничего не мог им дать, и они, горько разочарованные, постепенно стали отворачиваться от него; напротив, в старшем брате Мирзы Яхья бабиды находили убежденность и духовную силу, которые вдохновляли и воодушевляли их. Он всегда вызывал у Своих единоверцев чувство благоговейного восторга. Они восхищались им, когда Он въезжал на коне в крепость у гробницы шейха Табарси (укрывшись в ней, бабиды в течение семи месяцев отражали атаки частей персидской армии), когда Он ехал с гордо поднятой головой и бесстрашие сквозило во взгляде Его живых, пронизательных черных глаз и в мужественной, благородной осанке, а с Его уст слетали слова поддержки и утешения, окрылявшие их. Они признали Его авторитет и лидерство, когда Он возглавил встречу бабидов, имевшую жизненно важное значение для развития Движения - именно там был провозглашен независимый характер вероучения Баба, что означало полный разрыв с традициями прошлого и отмежевание от устаревших законов ислама; тогда Он был не только руководителем встречи - Он взял на Себя все хлопоты по ее проведению, от поисков помещения до обеспечения безопасности участников встречи, которые не раз подвергались нападкам со стороны жителей окрестных деревень. Они восторгались Его отвагой, когда Он, узнав о покушении на шаха, тайком покинул дом первого министра, который мог служить Ему безопасным убежищем, и, не послушав советов Своего влиятельного друга, поспешил к месту злодейского нападения, хотя в тот момент находиться там было опасно для жизни. Поистине, их всегда восхищала Его непоколебимая стойкость даже в самые черные для бабидов дни, Его безоглядная преданность вере, которую Он сохранял вопреки опасностям и угрозам, нависшим над Ним. Но что же должны были чувствовать Его единоверцы теперь, во время жестокой нужды и великого разочарования? Влияние Его личности, Его духовное воздействие на окружающих становилось все сильнее и ощутимее. Вера Баба, почти совсем уничтоженная, взмахнула крылами и обрела второе дыхание.

А Бахаулла тем временем чувствовал, что над Ним сгущаются грозные тучи, и опасность на этот раз исходила от Его собственного брата. Тщеславный и болезненно самолюбивый, Его брат не мог смириться с тем, что видел, исподволь наблюдая за Бахауллой, - как каждый день к дому Бахауллы стекались толпы людей, и среди них были не только Его единоверцы, но и множество новых друзей, а также восторженных почитателей. Сам Яхья, по-прежнему нерешительный и трусливо-осторожный, вел тихую уединенную жизнь под видом купца и пребывал в совершенной неизвестности.

Вскоре ситуация еще более осложнилась - Яхья подпал под влияние человека, люто ненавидевшего Бахауллу, человека, снedaемого завистью и неудовлетворенным честолюбием. И под этим влиянием Мирза Яхья стал озлобленным и двуличным, чего изначально в его характере не было. Новый друг легко сумел найти к нему подход: играя на его тщеславии - он представлял Бахауллу как врага и соперника, всеми силами стремившегося занять то почетное положение, которое было пожаловано Мирзе Яхья Самим Бабом. Зная об этом и на опыте убедившись в том, что попытки развеять подозрения брата тщетны, Бахаулла решил, удалившись от места событий, предотвратить неминуемую, казалось бы, бурю. Тайно, переодетый дервишем, с черной чашкой для подаяния в руке - символом этой секты - Он покинул Багдад и пешком отправился в горы Курдистана; Он поселился недалеко от Сулеймании, примерно в трехстах километрах от Багдада.

О чем думал Баб, глядя на долину из окна Своей темницы в крепости Маку? Должно быть, Он мысленно представлял Себе просторы Персии с ее древними городами, куда Ему не было доступа, и размышляя над Своим прошлым, настоящим и будущим, скорбел о безрассудстве людей, их слепоте и неблагодарности, ужасаясь извращенностью человеческого сердца. А какие мысли волновали Бахауллу, когда, устремляя Свой взор к Багдаду, Он вспоминал о брате, которого так щедро одаривал Своей любовью, и которого Сам столь высоко вознес, представив Бабу в самом выгодном свете? Что испытывал Он, когда из окна Своего одинокого каменного жилища глядел на восток, на пустынные горные склоны, вспоминая Свою горячо любимую родину и Своих товарищей - и тех, кто принял мученическую смерть, и тех немногих, кто все еще боролся, уповая только на то, что исполнится обетование Баба, гласящее, что за Ним грядет Тот, Кто будет наделен еще большим величием.

Слепота и тщеславие людей причиняли Ему боль и, быть может, именно в те дни в Его сердце эхом отозвалась мысль Иисуса, вскричавшего: <Иерусалим, Иерусалим, который убивает Пророков и забивает камнями тех, кто послан к тебе, сколь часто собирал Я вместе твоих детей, подобно тому, как наседка собирает под крыло свой выводок, а ты все не внемлешь>.

В течение двух лет семья Бахауллы и Его друзья не имели о Нем никаких известий. Он жил скромно и неприхотливо. Сам готовил для Себя простую еду; среди крестьян, которые иногда проходили мимо Его жилища, погоняя отару овец или отправляясь на сбор урожая, Он был известен как дервиш Мохаммад. В конце концов местные жители познакомились с Ним, а узнав, полюбили Его. Слух о святом человеке, который жил отшельником в пустынной местности, начал распространяться по окрестным селениям и городам; и тогда один из высокопоставленных священнослужителей Сулеймании решил встретиться с Ним. Знакомство состоялось, и после нескольких встреч Бахаулла уступил настойчивым просьбам поселиться в его городе, заняв комнату в одном из медресе. Свет пробьется к людям, как бы ни был сокрыт его источник; так и затерянный в отдаленной пустыне свет, который излучал ум и дух Бахауллы, по-прежнему притягивал к себе людей, его ощущали все, с кем Он встречался, какой бы мимолетной ни была встреча. Люди потянулись к свету, стали приходить к Нему за советом, благоговейно внимая каждому слову, слетавшему с Его уст.

В жизни Бахауллы, начиная с того дня, когда Он принял Послание Баба, и до той ночи, когда Он покинул сей мир, не было, пожалуй, другого времени, кроме тех двух лет, проведенных в Курдистане, когда Он мог бы наслаждаться душевным покоем - освободившись от груза повседневных забот, избавившись от опасности, которая постоянно угрожала Ему. Под видом скромного богослова учил Он тех, кто приходил к Нему, являя при этом истинную мудрость Пророка. В этот период Он написал одну из Своих знаменитых поэм, открыл множество молитв и текстов для медитации. Вскоре слух о мудреце, живущем в Сулеймании, достиг Багдада. Его родные, сразу же поняв, о ком идет речь, поспешили отправить гонца, которому было поручено рассказать Бахаулле о ситуации, сложившейся в Багдаде, и уговорить Его вернуться домой.

Та грозная туча, от которой Он стремился уйти, по-прежнему нависала над Ним - только она стала еще темнее и больше. Он надеялся (а может быть, только мечтал - кто знает?), что Его уход в пустыню разрядит напряженность ситуации, полагая, что когда раздражитель будет убран, язва гордости Его брата затянется и разыгравшая ревность утихнет. Но в Мирзе Яхья гордость и ревность нашли самого опасного из всех союзников - безрассудство. Стремясь упрочить свое положение, подстрекаемый своим злобным советчиком, он совершал одно преступление за другим, навлекая позор на Дело Баба, уже и так оклеветанное Его врагами. Пытаясь возглавить движение Баба, он терпел провал за провалом, обнаруживая свою полную несостоятельность.

Откликнувшись на горячую мольбу Абдул-Баха и всей семьи, которая была счастлива, что после длительных поисков ей удалось обнаружить Его местонахождение, Бахаулла вернулся в Багдад. Ему ничего не оставалось, как встать у руля Своей веры. Стараясь не привлекать к Себе излишнего внимания, Он фактически взял в Свои руки бразды правления ею. И хотя Он по-прежнему открыто не заявлял о Себе как о Духовном Двойнике Баба, второй Гигантской Звезде этого чудесного созвездия, Его свет разгорался все ярче и ярче. С Его пера потоком изливались писания - это были наставления, размышления на темы морали, молитвы, толкования священных книг, послания, обращенные к разным людям. Этот мощный поток не иссякал до конца Его жизни. Подобно тому, как Баб, находясь в Исфахане, один раз в жизни пережил период признания и славы, когда судьба поистине благоволила к Нему, так и в жизни Бахауллы наступило время (оно продолжалось около семи лет), когда Он был окружен всеобщим уважением и почетом. Многие высокопоставленные люди Багдада, как из числа духовенства, так и государственных чиновников, стали Его друзьями и почитателями; сыновья правителя Его родины в благоговении склонялись перед выдающимся соотечественником, изгнанным из Своей страны; те, кто знал Его в Курдистане под именем дервиша Мохаммада, искали новых встреч со своим другом. Бедняки хорошо знали Его, потому что проходя по улицам, Он часто вступал в общение с ними. Он умел чувствовать чужую боль; Его взгляд, казалось, проникал в самую душу, нежно касаясь ее, и люди ощущали, что Его любовь - это благословенный дождь, которого жаждет человеческое сердце. Как будто сама любовь Бога снисходила на них. А Его щедрые дары, которыми Он оделял нуждающихся и униженных, никогда не иссякали. Нам известно по собственному опыту, как много значит для человека живой пример, соприкосновение с замечательной личностью, наделенной пронизательным умом и душевным благородством. Как восхищается солдат бесстрашием героя! Как переполняется благодарностью душа человека, подвергающегося насмешкам и

оскорблениям только из-за своей расовой или сословной принадлежности, когда он встречает отношение к себе как к равному, видит со стороны других справедливость и беспристрастность. Как дорого для униженного и незаслуженно гонимого признание его прав!

Кем же был Бахаулла для знавших Его людей? Героем, являвшим отвагу в каждом столкновении с врагами Его веры. Защитником справедливости - живя

в насквозь пораженном коррупцией обществе, Он провозгласил веру основой всех людских дел. В наставлении от имени Всевышнего Он писал: <Любимейшая из вещей для Меня - справедливость... И ты сумеешь с помощью ее воззрит на вещи своими глазами, а не глазами прочих, познать своим разумением, а не разумением соседа>. Его добродетельность была добродетельностью святого, она была неотъемлемо присуща Ему, как свет присущ огню. На людей всех рас и сословий Он смотрел как на Свою паству, которая дана Ему Богом, дабы Он помог ей очиститься и возвыситься. В Багдаде Его личность предстала перед людьми во всем ее величии, а Пророческое Древо раскинуло свою могучую крону, готовое укрыть под своей сенью весь мир, одарив его своими благословенными плодами.

Теперь Ему было 46 лет. Бабиды более не задавались вопросом, кто их Вождь. Его личность, Его проповедь, каждое Его действие свидетельствовали о том, что Он есть обетованный преемник Баба. Жизнь вновь затеплилась в храме поверженной веры. Ее политические и религиозные противники со страхом осознали - дело, которое они считали давно и полностью уничтоженным, продолжало жить и развиваться; более того, оно набирало новый, невиданный размах, питаясь энергией от Человека, Которого они сами выпустили на свободу, полагая, что Он для них более не опасен; выход теперь оставался только один - новая ссылка, на этот раз более отдаленная. Под нажимом правительства Персии турецкие власти приняли решение о высылке из Ирака опального перса, и Бахаулла получил предписание от султана покинуть Багдад и отправиться в Константинополь. Баб находился в изоляции с того момента, как Он вернулся из Мекки в Свой родной город и до дня Его казни в Тебризе; лишенный возможности общаться со Своими последователями, Он, тем не менее, оказывал на их жизнь столь сильное влияние, что более десяти тысяч верующих приняли мученическую смерть, отдав жизнь за Него и за Его Учение. Не меньшим было и воздействие Бахауллы на тысячи людей, которые во время Его пребывания в Багдаде прямо или косвенно вступали с Ним в общение. Когда наступил день отъезда, Его друзья бабиды, осознав неизбежность расставания, стали роптать, горько сетуя на судьбу, а многие даже грозились покончить с собой в случае, если им не будет позволено сопровождать Его в новую ссылку. Они были безутешны. С большим трудом Бахаулле удалось успокоить их - Он нашел слова любви и утешения, которые ободрили их сердца. Поистине, весь город рыдал, когда Он в последний раз проезжал по его улицам. В Тебризе, когда Баб стоял перед отрядом стрелков в ожидании расстрела, тысячи глаз были устремлены на Него - в них было равнодушие, любопытство, ненависть или презрение. Здесь, в далеком Багдаде, огромную толпу, окружавшую Его преемника, обуревали совершенно иные чувства. Сердца людей были исполнены искреннего восхищения и уважения; некоторые склонялись перед Ним с чувством глубокой любви. Жители города со слезами

на глазах провожали взглядом величественную, исполненную благородства фигуру Бахауллы. Особенно сильно горевали бедняки, для которых все эти годы Он был источником милосердия и единственной защитой; для них Его отъезд был трагедией, и они горько рыдали, оплакивая невозполнимую потерю. Перед тем как выступить в путь, Бахаулла провел двенадцать дней в окруженном садами поместье на дальнем берегу Тигра, где собрались Его многочисленные друзья и последователи, чтобы проститься с Ним. Затем Он вместе с семьей и группой единомышленников, караваном примерно в семьдесят человек, отправился на Запад.

Именно в этом поместье на берегу Тигра Бахаулла впервые почувствовал потребность открыть Своим ученикам тайну, которую Он знал уже десять лет

- что именно Он есть Тот, Чье пришествие предрекал Баб, Пророк, пришедший вслед за Бабом, еще более великий, чем Сам Баб, воплощение той же Божественной сути. Для учеников и последователей Бахауллы это заявление было лишь подтверждением того, о чем в глубине души они давно догадывались; но никто не обрадовался ему больше, чем старший сын, Абдул-Баха, в ту пору уже девятнадцатилетний юноша - самая крепкая опора Своему отцу и утешение для всей семьи. Воспоминания о счастливых днях, проведенных в Багдаде, скрашивали путешественникам трудности пути к берегам Черного моря, в далекий Константинополь. Чиновники разных городов, следуя письменным предписаниям губернатора Багдада, искреннего почитателя Бахауллы, оказывали Ему и Его спутникам теплый дружеский прием, окружая их знаками почета и уважения. Однако этому скоро пришел конец. В Персии, на родине новой веры, поднималась невиданная в истории религии волна злобы и ненависти по отношению к ней. Рука мести протянулась далеко за пределы страны. Персидское правительство убедило Турцию, свою союзницу, принять участие в заговоре, целью которого было полное уничтожение нового религиозного движения. Не прошло и четырех месяцев со времени прибытия Бахауллы в Константинополь, как вероломные замыслы правительства Его родины осуществились. Неожиданно, без объяснений и предупреждений, турецкий султан своей волей предписал Ему немедленно перебраться в Адрианополь, который считался в Турции местом политической ссылки, своего рода турецкой Сибирью.

Заблуждается тот, кто полагает, будто неотъемлемой чертой Богочеловека является пассивное непротивление, готовность принять любую несправедливость и покорно склониться перед тиранией, не бросив ей в лицо обвинения. Христос в праведной ярости плетью изгнал из храма менял и ростовщиков; Моисей в гневе растопил Золотого Тельца; Мухаммад собственными руками поверг наземь идолов в Каабе. Узнав о ссылке, Бахаулла написал султану письмо, в котором ясно и недвусмысленно указал ему на его место перед лицом Божиего Пророка. Текст письма не сохранился, но из рассказов очевидцев известно, что первый министр, прочитав его, смертельно побледнел. Впоследствии Бахаулла открыто заявлял, что любое действие, предпринятое против Него султаном после получения этого послания, будет в какой-то степени оправдано, но высылка в Адрианополь невинных людей, не причинивших правительству Османской империи никакого вреда, была непростительным беззаконием.

При этих обстоятельствах открылась новая грань характера Бахауллы. С чисто человеческой точки зрения, для турецкого правителя Бахауллы не был <ничтожеством>, с которым можно было не считаться. С самых ранних лет Он вращался в среде министров, придворных вельмож и высших чинов Персии. Он получил хорошее воспитание и образование и был достаточно опытен в светских делах, чтобы понимать, какая необдуманная и безответственная игра кроется за эдиктом султана. Он остро чувствовал также и горькую несправедливость этого жестокого указа - согласно ему женщины и дети должны были выступить в путь в самую холодную пору. Им предстояло в запряженных быками повозках или на вьючных мулах пересечь в зимнюю стужу огромные заснеженные пространства, над которыми в это время года часто буйствуют метели и бураны. Между тем, ссыльные были без средств к существованию, плохо одеты и никак не подготовлены к такому тяжелому путешествию. Но сколь отрадно сознавать, что Пророк XIX века - наш Пророк, современник наших дедов и прадедов, когда Он оказался совершенно незащищенным и голова Его уже была в пасти льва, не дрогнул. Нет, Он не убоился высказать льву всю правду о нем в пылающих гневом словах. Великий визирь, который читал письмо, так отозвался о нем: <Впечатление было такое, будто Царь Царей наставлял самого жалкого из своих вассалов>. Бахауллы, по всей видимости, выразил Свои чувства достаточно ясно и недвусмысленно. Впереди Его не ждало ничего, кроме заключения, нужды и гонений. Он знал, что безвозвратно ушло счастье тех дней в Багдаде, когда Он жил в окружении любящих и преданных друзей, понимал, что отныне становится мишенью для официальных обвинений со стороны властей. Но все же безжалостная, сокрушающая все и вся тирания светской власти оказалась не самой большой из Его бед и не самой тяжелой для Него ношей. Его крестом по-прежнему оставался Мирза Яхья.

Бахауллы любил брата и всегда по-отечески заботился о нем. Какую же боль, должно быть, Он испытывал, наблюдая нравственное падение Мирзы Яхья; как велики были Его гнев и стыд, когда, вернувшись из Сулеймании, Он увидел всю неприглядность поведения брата. Мирза Яхья так запятнал имя Баба, что вызвал возмущение всех честных людей; более того, по его наущению было убито несколько самых преданных бабидов из числа первых учеников Баба, среди которых был и один из Его родственников; по-видимому, Мирза Яхья полагал, что, если падут высокие головы, он сможет вознестись над всеми, ибо у него не будет соперников! Во имя интересов веры, едва оправившейся к тому времени от страшного потрясения, а быть может, в надежде на духовное пробуждение брата, Бахауллы по-прежнему старался относиться к нему терпимо, искал повода, чтобы дать ему добрый совет и направить на путь истинный. Он неустанно пытался отдалить Мирзу Яхья от его злого гения, ибо знал, что этот человек, теща тщеславие Мирзы Яхья и играя на его самолюбии, рисовал ему заманчивые картины его будущего величия, которого он сможет достичь, если избавится от Бахауллы. Однако все усилия Бахауллы были тщетными; и Мирза Яхья, и его друзья, вопреки явному нежеланию Бахауллы, отправились за изгнанниками в Константинополь, а позже оказались сосланными вместе с ними в Адрианополь. Именно там и произошло последнее преступление, вызвавшее окончательный разрыв между братьями.

Мирза Яхья трижды покушался на жизнь брата, и третье покушение почти удалось - Бахауллы выпил отравленный напиток, приготовленный Ему Мирзой Яхья, и в течение

нескольких недель был при смерти; последствия этого отравления давали знать о себе всю жизнь - здоровье Его было серьезно подорвано, до конца дней у Него дрожала рука.

Ни один уважающий себя человек не может оставаться равнодушным, когда его бесчестят, тем более члены семьи. Как, должно быть, горько было в те дни Бахаулле! На Его плечи легло бремя осознанной Им пророческой миссии; Он находился в ссылке, подвергался гонениям, познал столько несчастий, принял на Себя столько ударов судьбы! И вот на Него обрушился последний удар, нанесенный Его братом! С того времени пути братьев разошлись, а последователи Бахауллы, признав Его статус Пророка, стали называть себя бахаи.

История заточения и ссылки Бахауллы напоминает историю заточения Баба. Куда бы Он ни приезжал, какие бы злобные обвинения властей в Его адрес ни предваряли Его приезд, везде повторялось одно и то же - Его обаяние, глубина Его мысли, Его благородство, Его любовь, Его щедрость, Его блестящие проповеди растапливали лед подозрений, и Он завоевывал симпатии как чиновников, так и простого народа. Как бы повторяя путь Баба от Исфахана до Маку и Чехрика - путь, во время которого каждая новая ссылка приводила к новому всплеску Его популярности, Бахаулла был сначала сослан в Багдад, откуда воссияла, распространяясь далеко за пределы страны, Его слава, потом в Константинополь, а затем в Адрианополь. Пять лет спустя, когда авторитет Бахауллы прочно утвердился и здесь, что вновь вызвало ревность и раздражение Его врагов в Тегеране и Константинополе, Он был сослан в Акку, ставшую местом Его последнего изгнания.

Если Адрианополь как место ссылки был для Турецкой империи чем-то вроде Сибири, то исправительную колонию в Акке на Средиземноморском побережье Палестины можно было назвать островом Дьявола. Мрачный, зловонный, этот город-крепость был рассадником заразных болезней и воплощал в себе все худшее, что могло уготовать своим узникам правительство Османской империи.

Теперь, когда разрыв между братьями стал очевиден, правительство, с чисто восточным коварством, издало следующий указ: узники разделялись на две партии; одна из них, в которую входил Мирза Яхья, его семья и ближайшее окружение, должна была отправиться в ссылку на Кипр, а другая, включавшая Бахаулла, Его родных и учеников, - в город-тюрьму Акка; но при этом партии должны были обменяться несколькими людьми. Получилось так, что ближайший сподвижник Мирзы Яхья, его советник и главная опора, последовал за Бахаулла в Акку, где он постоянно шпионил за Бахаулла и распространял о Нем клеветнические слухи, делая все возможное, чтобы отравить жизнь Ему и Его спутникам. В то же время несколько несчастных бахаи против своей воли вынуждены были отправиться на Кипр и жить там в одном городе вместе с несостоявшимся убийцей их возлюбленного Вождя. Двадцать четыре года прожил Бахаулла в Палестине - сначала в городе - тюрьме Акке, потом в его окрестностях. Здесь Им была написана Книга Законов - Его величайший вклад в развитие человеческого общества; здесь Он продолжил то, что начал в Адрианополе - составление посланий царствующим особам и правителям мира - султану Абдул-Азизу, королеве Виктории, Насир-ад-Дин-шаху, Наполеону III, российскому императору Александру II, папе Пию IX и другим (эти послания-предупреждения стали уникальными документами эпохи). До последних месяцев жизни Бахауллы с Его пера стекали слова Божественного Откровения. И все же в Нем ощущались разительные перемены. Слишком много

жестоких ударов обрушило неблагодарное поколение на эту святую душу, неукротимой была ненависть Его врагов и предателя-брата! Единственной чашей, из которой Ему довелось испытать в земной жизни, исполненной превратностей и неожиданных поворотов судьбы, была чаша скорби. Еще в первые годы заточения Бахауллы в Акке разбился насмерть Его любимый младший сын, упав во время прогулки с крыши тюремной казармы; Его непримиримый враг, навязанный Ему в спутники, неустанно настраивал против Него тюремное начальство; Он терпеливо сносил хулу врагов и те неприятности, причиной которых порой были безрассудство

и фанатизм Его друзей. В далекой Персии Его последователи, чьи ряды заметно выросли, вновь подвергались преследованиям и казням. Вести об их страданиях доходили до Акки, как некогда в Чехрик приходили известия Бабу о пытках и казнях Его друзей; и в тюремной камере Бахауллы, как и четверть века до этого в камере Баба, также витал призрак ужасных сцен, разыгрывавшихся на Его далекой родине. После девяти лет строгой изоляции, в течение которых Он редко переступал порог Своей камеры, наступили лучшие дни - суровые условия Его заключения были наконец смягчены; Он снискал, как некогда Баб, любовь и уважение местных жителей; Ему разрешили поселиться в усадьбе, расположенной в долине близ Акки, где Его взгляд ласкала зелень садов. Но все это пришло слишком поздно.

В прошлом остался Тот человек, Который в первые годы Движения был всегда впереди - полный неистощимой энергии, скачущий верхом на коне от селения к селению, от города к городу; человек, который был мозгом и сердцем Веры. Ушли в прошлое те дни, когда Он в развевающихся одеждах и высоком конусообразном головном уборе в задумчивости прогуливался по улицам Багдада, одаривая окружающих то словом, то улыбкой, то подаванием; в те дни двери Его дома были открыты с утра до вечера для бесчисленного множества посетителей, среди которых были и Его почитатели, и искатели истины, и ученые-богословы. Еще в Адрианополе Он стал искать уединения, склоняясь к тому, чтобы отойти от жизни общины Своих последователей. Все чаще прибегал Он к помощи старшего сына, Абдул-Баха, все больше опирался на этот молодой крепкий побег, проросший от Его корня. Когда-то горе и страдания сокрушили сердце Баба; с годами ноша испытаний стала непосильной и для Бахауллы, и незадолго до Своей смерти Он поведал одному из Своих старейших товарищей, что порою Он желал только одного - уединиться и дать волю Своей скорби. До какой же степени было изранено Его сердце! Человеческая плоть изнашивается от времени, а сердце и мозг сгорают от страданий. Такова природа человека. Пророк - тоже человек, несмотря на то, что Его дух столь высоко вознесен над простыми смертными. Баб нес Свою ношу страданий шесть лет, Христос - три года; Бахаулле же, подобно Моисею и Мухаммаду, выпала самая горькая доля - Он страдал многие годы до самого конца Своей долгой земной жизни.

Должно быть, Баб в Свои последние дни вспоминал о проделанном Им пути - о том, как писал Он самому шаху, развивая в Своем послании мысль о необходимости перемен и реформ; как обращался к первому министру и взывал к представителям высшего мусульманского духовенства Персии; как прошел весь путь до Мекки и был готов Сам провозгласить новые Божественные истины, стоя перед главой исламского мира; как в Своей проповеди и на примере всей Своей жизни учил людей тому, что было благом для

них; и все эти попытки потерпели неудачу, а наградой за Его труды стали хула и жестокие гонения. Мы можем себе представить, как эти воспоминания камнем ложились на сердце Баба, усугубляя тяжесть Его страданий. Но воспоминания Бахауллы были еще более горькими. О чем Он мог думать в последние дни Своей земной жизни? О судьбе Баба, Его возлюбленного друга, Его Провозвестника, Вождя и Духовного Двойника; о Своих замученных друзьях бабидах, о бесчисленных жертвах, которые Он принес, оставив дом, родину, высокое положение, богатство, семью; о жизни на пределе человеческих возможностей, когда каждое мгновение есть полная самоотдача, в огне которой сгорает внутреннее <я>, изливаясь на людей потоком беспредельной любви; о том мудром, справедливом Учении, призывающем к терпимости и несущем исцеление страждущему человечеству, с которым Он обратился к сильным мира сего - приняв его, они могли бы изменить ход истории, улучшить жизнь каждого человека на земле и навсегда покончить с войнами, но они с презрением отвергли его.

Бахаулла первым призвал людей всех наций объединиться и держать совет об установлении всеобщего мира, советовал сформировать международный орган для решения мировых проблем, таких, как сокращение и постепенное уничтожение вооружения, улучшение условий жизни людей, предоставление женщинам равных прав с мужчинами, введение вспомогательного международного языка для преодоления языкового барьера, разделяющего народы, - именно этот орган должен был способствовать отмене всяких форм угнетения и рабства и реформировать все сферы человеческой жизни.

Он не был предан позорной казни; Его Учение, продолжавшее и завершавшее Учение Баба, еще при Его жизни распространилось в некоторых странах Востока; Его вера с каждым днем приобретала все больше последователей. Профессор Кембриджского университета, знаменитый востоковед Э. Г. Браун настолько заинтересовался новой религией, что приехал в Акку, чтобы лично познакомиться с ее Основателем; встреча с Бахауллой произвела на него неизгладимое впечатление. Однако Сам Пророк, наделенный всеохватным знанием, видел разницу между тем, что было, и тем, что могло бы быть. Люди нашего времени привыкли сокрушаться по поводу содеянного: о, если бы тогда мы выбрали не тот путь, а другой; если бы такой-то закон был более строгим, а такой-то приговор - более мягким; если бы тогда-то удалось избежать конфликта, если бы враждующие стороны пошли тогда на уступки! Тогда бы, говорят они, мы не пережили бы все эти ужасные страдания, не понесли такие страшные потери, не разрушили бы самые основы нашей жизни, уничтожая без разбора плохое и хорошее, как мы это делаем, начиная с 1939 года! Но мы прекрасно понимаем, что уже слишком поздно - зло содеяно. Теперь нам предстоит долгий путь - путь страданий, бедствий и разочарований - потому что мы были слишком себялюбивы, слишком ленивы, столь алчны и слепы и отказались выбрать короткий путь, когда у нас еще была такая возможность. Бахаулла знал об этом. Он предвидел несчастья, которые должны были обрушиться на человечество из-за того, что оно так легкомысленно отвергло принесенное Им исцеляющее средство; Он предсказал их с такой точностью, что теперь людям остается только сокрушаться и сожалеть о собственной слепоте. Он сделал для человечества все, что мог - отдал ему все Свои силы и посвятил всю Свою жизнь служению ему. Как Пророки прошлого, Он принес Себя в жертву жестокому поколению, которое отплатило Ему черной неблагодарностью. И покидая этот мир, Он, должно быть, сожалел лишь об одном - что по-прежнему вокруг Его Дела бушуют страсти, что

продолжается жестокое противостояние сил добра и зла, начавшееся еще при жизни Баба, и теперь в центре бушующего водоворота - один, без помощи - остается стоять Его возлюбленный сын, Его преемник Абдул-Баха

В 1892 году навсегда закрылись глаза Бахауллы. Завершился Его долгий крестный путь. Его изборожденное морщинами лицо, хранившее следы глубоких раздумий и переживаний, обрамленное, как и в юности, роскошными, иссиня-черными кудрями, в смерти было исполнено величавого покоя; торжественно покоились сильные изящные руки, привыкшие держать перо, начертавшее столько истин, столько благих законов и предписаний. Великое, непостижимое сердце, из которого столько лет щедрым потоком изливалась на людей нежная всепрощающая любовь, больше не билось. Сотни образов вставали перед мысленным взором тех, кто стоял у Его смертного одра. Они представляли Его верхом на коне, величественного, неустрашимого в минуту опасности; вот Он среди бабидов - друзей ранних лет веры, собравшихся, чтобы держать совет или отражать нападение врагов; вот Он по дороге в Тегеран спешит навстречу разгневанному шаху, который, после покушения на его жизнь, буквально кипит от ярости. А вот Он покидает Багдад, и вокруг Него волнуется море плачущих и взывающих к Нему людей; живое кольцо смыкается вокруг Его коня, который, кажется, перешагивает через людские тела, а всадник величественно плывет над толпой. Вот Он на Своем пути в Константинополь проезжает по украшенным весенней зеленью холмам Анатолии, направляясь к Черному морю. Вот Он, исполненный величайшей кротости, склонился перед маленькой старой женщиной, чтобы она могла исполнить свое сердечное желание - прикоснуться губами к Его благословенному челу. Перед взором прощавшихся с Ним вставали картины лишений и бедствий, которые Он претерпел; Его жизнь в Багдаде, когда у Него была всего одна рубашка и чтобы переодеться, Ему приходилось ждать, пока она высохнет; картины Его отшельничества, когда Он, дервиш Мохаммад, ночевал то в горной пещере, то в заброшенной пастушьей хижине, Сам готовил Себе еду, питаясь рисовой мамалыгой, овечьим сыром и сухим хлебом. Множество образов витало в той комнате, где на Своем смертном одре лежал почивший Пророк. Вспоминались та легкость и присутствие духа, которые Он проявлял в общении с людьми (однажды с Ним произошел такой случай - наемный убийца направил на Него пистолет, когда Он шел по безлюдной улице Багдада с одним из Своих братьев; однако пораженный благородством облика Бахауллы, убийца так и не смог нажать на курок; вконец растерянный, он выронил пистолет из рук, после чего Бахаулла попросил брата подобрать оружие и <сопроводить молодого человека домой>, ибо тот стоял как вкопанный, не зная, что делать). Вспоминался Его юмор, часто сквозивший в серьезных рассуждениях, выражавшийся в мастерских иронических намеках или игре слов, но более всего проявлявшийся в кругу семьи, когда Он, сидя за утренним или вечерним чаем, шутил и смеялся со Своими родными. Сорок лет сияла над миром Его Пророческая Слава - и вот Солнце закатилось. И хотя Он оставил людям Свои Писания, Свой Завет, пример Своей жизни, все же утрата была невозполнимой - глазам человеческим более не дано было взирать на Его лик, на котором лежал отсвет Божественного.

Однако Он оставил и живую память о Себе. Абдул-Баха, Его любимый старший сын, которому исполнилось сорок восемь лет, волею Отца был назначен Главой веры. Казалось, все добродетели отца воплотились в Его удивительном сыне. Как в природе бывает всплеск совершенства, так бывает он и в духовной истории человечества - в XIX веке Бог как будто распахнул перед людьми Свою сокровищницу, из которой явились

три великолепные, несравненные в своей красоте жемчужины - Баб, Бахаулла и Абдул-Баха. Абдул-Баха никогда не претендовал на роль Пророка; он считал себя простым смертным и решительно опровергал заявления некоторых восторженных бахаи, утверждавших, что он обладает таким же Пророческим даром, как Баб и Бахаулла; и все же он был исключительной личностью, воплощением святости и совершенства. Еще в те далекие годы, когда юный Абдул-Баха приходил в страшную тегеранскую тюрьму <Черная Яма>, чтобы навестить Бахаулла и справиться о Его здоровье (а на самом деле - узнать, жив ли Он), он обнаружил такую преданность Делу Своего отца, явил такое мужество и благородство, что о нем с восхищением заговорили все, кто знал его, даже враги. Когда Бахаулла удалился в горы Сулеймании и Его местопребывание в течение двух лет оставалось неизвестным, Его сын, которому в ту пору было всего одиннадцать лет, взял на себя практически все заботы о семье, да и обо всей общине бабидов, находившейся тогда в Багдаде. С каждым годом росла его внутренняя духовная сила, и Бахаулла, по возвращении из Своей добровольной ссылки, стал все больше опираться на Него, поручая Ему важные и ответственные задания. Он вырос необыкновенно красивым юношей - с голубыми глазами, вьющимися черными волосами и бородой, ростом выше отца; природа наделила его чарующим обаянием, острым умом и неиссякаемой энергией. По мере того, как развивались его способности, он все чаще выступал посредником в делах отца; он взял на себя всю тяжесть общения с внешним миром, представители которого порой проявляли назойливость, чаще - враждебность и почти всегда вели себя недостойно! Во время пребывания в Акке именно Абдул-Баха вел все переговоры с чиновниками; Он также встречался с простыми людьми и регулярно сам, своими руками раздавал щедрые дары, потоком изливавшиеся из дома Бахауллы; в конце концов его стали называть <отцом бедных>. Абдул-Баха не знал покоя до тех пор, пока не добился освобождения из тюрьмы своего возлюбленного отца и не привез Его туда, где Он снова увидел зелень, услышал плеск воды и вдохнул свежий воздух; благодаря его заботам и трудам Бахаулла провел остаток Своих лет в покое, живя в относительно благоустроенном доме. Любовь, связывавшая отца и сына, была глубокой и трогательной; сын видел смысл своей жизни в том, чтобы служить отцу и Его Делу, он был готов исполнить малейшее желание отца, в любую минуту встать на защиту Его интересов. Отец любил сына той беспредельной любовью, на которую было способно Его великое сердце. Они умели читать мысли друг друга. Задолго до кончины Бахауллы было ясно, что Абдул-Баха станет Его преемником. После ухода Бахауллы острая боль невосполнимой потери, охватившая Его последователей, немного утихла, когда стало известно, что Бахаулла в Завещании назначил Абдул-Баха главой Своей веры; последний сразу же приступил к выполнению этой миссии, проявляя мудрость и отвагу, свидетельствовавшие о том, что он во всех отношениях достоин столь высокого положения.

Подобно тому, как вращающееся колесо движется вперед, повторяя свои движения, так и жизни Бахауллы и Абдул-Баха сходятся в основных своих чертах. Подобно приливам и отливам, чередовались в жизни сына периоды гонений и славы; он жил на пределе физических и душевных сил, не жалея себя, являя жертвенность и полную самоотдачу. День за днем, год за годом он щедро изливал свой свет на всех, кто к нему обращался, независимо от того, были те люди низкого или высокого звания. И даже трагический разрыв между братьями, принесший глубокие страдания его отцу, повторился в жизни

Абдул-Баха, причем совпадение обстоятельств было столь поразительным, что это кажется почти невероятным.

Людам, которые никогда не встречали Бахауллу, но знали Абдул-Баха, было трудно себе представить, что отец мог в чем-то превосходить сына. Искромётная, проявляющаяся во всем мудрость, глубокое понимание чужой души, безупречный образ жизни, озаренный сиянием благороднейших человеческих качеств, - все это явил и Абдул-Баха. Но при всем этом он не мог превзойти отца в величии. Он был отблеском Бахауллы, его характер был отпечатком отцовского характера, Его ум - зеркалом, в совершенстве отражавшим Учение, явленное Пророческим умом отца. Он был подобен луне, отражавшей после захода солнца его лучи, светившей людям в течение жизни еще одного поколения.

Не исключено, что, читая о добродетелях и совершенствах, отличавших Бахауллу и Баба, скептики сочтут их очередным мифом, рожденным на Востоке

- земле легенд и преданий. Но вряд ли даже скептики смогут оспаривать то, что известно о личности Абдул-Баха. В отличие от двух Пророков, с Которыми не встречался практически никто из людей Запада, Абдул-Баха не только имел многочисленные контакты с Западом, но и сам путешествовал по Европе и Америке. Во время своей многомесячной поездки по Соединенным Штатам он доехал до Сан-Франциско; он был в Канаде; он посещал Англию и Францию. Записи лекций, прочитанных им в Европе и Северной Америке; отзывы о его поездках в прессе тех лет; дневники его спутников, различные книги и мемуары, написанные бахаи, а также воспоминания его друзей - все свидетельствует об одном: он действительно являл собой тот тип совершенного человека, который столь редко встречается в нашем мире. Двадцать девять лет жизни, с 1892 по 1921 год (то есть до своей кончины), Абдул-Баха посвятил выполнению возложенной на него миссии - распространению и толкованию Учения своего Отца; и все эти годы он преданно и неустанно служил людям. Трудно сказать, чему он уделял больше времени - проповеди или практическим делам. Его мощная энергия и целеустремленность, верность долгу и самопожертвование поражали всякого, кто его знал. И днем и ночью, до последней недели - нет, до последнего дня своей жизни - служил он своим братьям, ближним своим. Он раздавал милостыню беднякам, сам навещал больных и нуждающихся, расспрашивал об их жизни, приносил им лекарства, давал советы, утешал, помогал деньгами - в зависимости от того, что было нужно человеку. Он чувствовал себя одинаково непринужденно среди уличных нищих и в компании титулованных англичан или высоких гостей с Востока, в равной степени одаривая всех искренней любовью, сочувствием и пониманием. У него находилось ласковое слово и для неграмотной старухи, любительницы посудачить, которой захотелось излить ему душу, и для наследника короны. Его мудрые, кроткие голубые глаза смотрели на всех с одинаковым живым интересом, в них светилось глубокое понимание нужд и потребностей каждого человека. Вряд ли есть слово, более подходящее для него, чем Целитель, - ибо он исцелял отравленные сомнением умы, больные сердца, пораженную недугом плоть. Он достиг того состояния, которое сам выразил в прекрасном афоризме: <Секрет самообладания в самозабвении>. Примером своей жизни он вдохновлял людей на высокие и трудные свершения, превосходящие все то, что мы видим в сегодняшнем мире; его кредо выражалось в

словах: <Будь благороден, будь чист в своих помыслах, будь правдив, честен, прям; жертвуй собой во благо других; не презирай ближних своих, дабы Бог не презирал тебя за твое глупое тщеславие и гордыню; люби и прощай, не суди, да не судим будешь>. Выбранное им имя, означавшее <Слуга слуг Божиих>, полностью соответствовало его характеру и его образу жизни. Он работал над своим характером еще в раннем детстве, и к девяти годам уже полностью сформировался как личность; позже, во взрослой жизни, благородство его духовной сущности проступило со всей отчетливостью, и все грани его засияли ярким блеском.

Страдания его возлюбленного отца, пережившего тяжелейшее тюремное заключение и три ссылки, неутолимая ненависть, которую питал к Нему один из членов их семьи, бедность и бесприютность, выпавшие на долю его родных, бедствия, обрушившиеся на него самого, не озлобили Абдул-Баха; с годами он стал более великодушным и терпимым, еще сильнее проявились в нем любовь к ближнему, сострадание, кротость. Поистине, он шел по стопам своего отца, и свет его благородной личности озарил уникальное явление новой истории - мировую религию, явленную двумя Божиими Пророками.

Представляя вниманию читателей краткие очерки о жизни Баба, Бахауллы и Абдул-Баха, мы хотели показать лишь одно - если идеи и принципы, даже самые прекрасные, порожденные самым блестящим умом, не становятся внутренним убеждением человека, определяющим его характер, его поступки - нет, всю его жизнь! - они остаются всего лишь словами. Чем отличается философ от Пророка? Философы много говорят, но даже лучшие из них очень мало делают из того, что проповедуют. Пророк говорит сравнительно мало, но Своей жизнью Он демонстрирует самую суть Своего Учения. <Это возможно!> - восклицали люди на протяжении всей истории человечества, начиная с самых ранних этапов его эволюции, когда человек впервые на глазах у своих изумленных сородичей добыл огонь, до времени, не столь далекого от нас, когда первый аэроплан с механическим двигателем неуклюже поднялся и взлетел в воздух. Не слово, а действие - основа нашей жизни в этом мире. Люди любят мечтать, рисовать в воображении заманчивые картины, но, тем не менее, жизнь наша - это череда поступков. Если мысль, слово, идея не воплощаются в действие, они не приносят пользы в этом мире. Бахауллы, Баб, Абдул-Баха еще раз подтвердили - человек есть благороднейшее существо, стоящее несоизмеримо выше животного; и если он живет по истинно человеческим законам, Божественным в своей основе и соответствующим его бессмертной сущности, то происходит расцвет всех заложенных в нем способностей, и он развивается в здорового, счастливого, благородного - нормального! - представителя своего вида. В этом и заключается урок, преподанный нам Их жизнью. В этом - суть Их Послания. Мы можем задать себе такой вопрос: <А мы-то тут при чем? Ведь то были исключения, а что можем сделать мы - обыкновенные, простые люди?> Очень и очень многое! Конечно, в определенном смысле Они были исключением - в том, что касалось их духовной сути. Но Их делам подражали другие, такие же, как мы с вами, человеческие существа из плоти и крови - те, кто искренне желал быть похожим на Них, кто обратил к Ним зеркало своего сердца и решил последовать Их примеру. Многие из Их приверженцев воплощали в себе благороднейшие человеческие качества. Несть числа рассказам о богатых людях, бесповоротно и навсегда оставивших дом и пожертвовавших состоянием, чтобы вместе с товарищами вступить на стезю мученичества;

освободившись от бремени всего мирского, с презрением бросив в придорожную пыль драгоценности и деньги, они стремились разделить судьбу своих братьев, испив до конца чашу страданий. Несть числа и рассказам о тех, кто отдавал свои последние копейки или вещи в подарок своим палачам; о тех, кто, подобно христианским мученикам, распевавшим гимны на арене Рима, пел, всходя на помост виселицы; о женщинах, которые оставляли дом, детей, жертвуя собой во имя новой религии. И самое непостижимое и трогательное во всем этом - рассказы о детях-мучениках, которые отважно отстаивали свою веру, и, не дрогнув, принимали за нее пытки и смерть.

Все это - не легенды, а исторически достоверные факты. Нам не нужно сегодня жертвовать жизнью и отрекаться от всех мирских привязанностей; возможно, в наше более гуманное время от нас этого не потребуются никогда. Но в чем-то спросится и с нас. Если те простые, ничем не примечательные люди отсталой восточной страны - мужчины, женщины, дети - сумели подняться на такую высоту, то почему мы - вы и я, каждый в меру своих возможностей, не можем сделать то, чего требует от нас переживающее свой критический час человечество? Наши усилия не будут усилиями одиночек

- традиции, освященные именами Двух Пророков, живы, сегодня их продолжают новые поколения людей. Бахаи есть сейчас в двустах тридцати трех странах мира - они живут на всех континентах и островах земного шара. Послание Бахауллы, открывающее перед человечеством новые горизонты, распространено в современном мире, повсеместно признан его прогрессивный характер. Но несмотря на это, оно постоянно вызывает нападки со стороны фанатиков различных религиозных конфессий. Большинству последователей Бахауллы уже не приходится платить жизнью за свои убеждения. Но все же нередки случаи, когда бахаи, будь то представители белой или черной расы, азиаты или выходцы из среды американских индейцев, из-за своей веры подвергаются оскорблениям, избиениям, пыткам, а иной раз приговариваются к смертной казни или пожизненному тюремному заключению. В последние годы в Иране бахаи вновь терпят гонения - многие из них были брошены в тюрьмы или убиты из-за их религиозной принадлежности. Родина их веры по-прежнему остается местом их страданий.

Глава 13

Выбор за вами

Мир изменится только тогда, когда изменятся люди. Старые афоризмы, такие, как <Вода не может подняться выше собственного уровня> или <Крепость цепи определяется по ее самому слабому звену>, заключают в себе истины. Если вам не нравится окружающий вас мир, если вы ратуете за изменения в обществе, начните с себя. Ваша жизнь - в пределах вашей досягаемости, она всегда перед вами и, наверняка, в девяноста девяти случаях из ста она

требует основательной переделки! Истина проста, и она заключается в том, что когда вы становитесь лучше, становится лучше и мир: в человеческой <руде> прибавится золота, если один из ее компонентов будет лучшей пробы. Ни для кого не секрет, что жизнь - это борьба и труд; чтобы добывать себе

хлеб насущный и жить хотя бы с минимальным комфортом, мы должны постоянно работать. Большинство из нас в своей жизни идет по линии наименьшего сопротивления. Мы работаем, чтобы зарабатывать на жизнь; мы учимся, чтобы развиваться интеллектуально, или потому, что сам процесс познания приносит нам удовольствие, или ради получения более престижной и высокооплачиваемой работы. Когда же речь заходит о работе души, о том, чтобы потрудиться для развития своей внутренней духовной сущности, у нас появляется множество отговорок, которыми мы оправдываем свое бездействие.

Мы духовно ленивы и неряшливы, а в результате - духовно больны. Сегодня в мире две глобальные проблемы. Все остальное - борьба между различными политическими и экономическими системами, гонка вооружений, постоянно нарастающие разногласия между <имущими> и <неимущими>, жестокие, хотя и локального характера, войны, безработица, загрязнение окружающей среды и так далее - отходит на второй план и кажется незначительным по сравнению с глубинными проблемами, а именно: проблемой человека как индивидуума и проблемой мирового человеческого сообщества. Чтобы жизнь в этом мире стала действительно полноценной, необходимы преобразования и прогресс в двух сферах: в сфере жизни каждого индивидуума и в сфере законов, регулирующих коллективную жизнь и определяющих поведение человеческих сообществ, будь то группы, нации или расы. Что касается второй сферы, то здесь усилий предпринимается гораздо больше - возможно, потому, что это не требует напряжения душевных сил от каждого из нас. Действительно, нам ничего не стоит вступить в дискуссию по поводу демократии, коммунизма, социализма или иной формы правления, громко ратовать за социальную защиту, увеличение пенсии, свободную торговлю, Организацию Объединенных Наций, международный язык и всеобщее избирательное право. Тяжесть этой ноши распределяется на всех, она не ложится на каждого в отдельности. Но занимая активную гражданскую позицию, мы в своей частной жизни можем лицемерить, давать волю своему гневу, а иногда и рукам, не желая подчинять себе свои эмоции, быть пристрастными, злыми, двуличными - иными словами, быть своего рода цивилизованной человекообразной обезьяной, социальным полуфабрикатом высшего качества. Проку от нашей общественной активности все равно будет мало. Поэтому не надо забывать о том, что своя рубашка все-таки ближе к телу. Под <телом> понимайте внутреннее <я>. Великие и необходимые преобразования, осуществляемые сегодня в мире, в конечном итоге ни к чему не приведут, если люди не встанут на путь преобразования самих себя. После первой мировой войны произошли грандиозные сдвиги во всех сферах общественной жизни; то же случилось и после второй мировой войны. Основы того, что мы пытаемся осуществить сегодня, были заложены ранее; мы только развиваем то, что лучшие умы человечества предвосхитили задолго до нас, и подтверждаем нашу решимость довести начатое до конца. Тем не менее благие начинания не предотвратили войну 1939-1945 годов. Ничто не сможет предотвратить и следующую войну, чреватую еще более страшными катаклизмами, - ничто, кроме внутреннего преображения личности, которое целиком и полностью зависит только от нас. Изменить себя можем только мы сами, а чтобы измениться, мы должны захотеть этого, и пройти этот путь самостоятельно и прежде всего во имя самих себя.

Бахаулла сказал: <Тот, чьи слова превосходят дела, пусть знает воистину, что смерть для него лучше жизни>. Нужно перестать указывать другим, что и как делать, а действовать

самим. И это касается каждого из нас. Иначе ничто не спасет человечество от всевластия материальных сил, наращиваемых сегодня наукой, - сил, которые без контроля совести могут полностью разрушить наш цивилизованный мир. Мы сами породили монстра, и теперь он выжидающе и с угрозой смотрит на нас. Ныне наш гений, наш великий человеческий гений, не озаренный светом духовности, устремлен ко злу и саморазрушению. Нет ничего, кроме сдерживающих сил нашей собственной души, что могло бы удержать его в нужном русле, не дать ему выйти из берегов. И если осталась еще какая-то надежда на то, что этот мир принесет плод, завязавшийся в его цветке, то это надежда на нас самих, ибо великие силы человека, в которых заключается его превосходство над миром природы, - это внутренние силы: его воля, воображение, способность к творчеству, способность бескорыстно любить, его вера в себя и в невидимого Бога, Который, как он интуитивно чувствует, стоит за всем, что есть во Вселенной, в том числе и за ним; все эти силы нужно развивать, нужно уметь владеть ими и направлять их на благо.

Мы уже говорили в начале этой книги, что задача эта совсем не такая трудная, какой кажется на первый взгляд. Конечно, глупо было бы ожидать, что в одночасье все превратятся в ангелов. Но даже самый малый сдвиг внутри нас может вызвать целую цепочку изменений. В сыром рыхлом комке теста - а именно его напоминает наше поколение - не хватает закваски. Если разнесется призыв: <Измениться можно; берись за дело - все не так страшно, как кажется, - и ты почувствуешь себя по-настоящему счастливым>, - и мы откликнемся на него, то начнем выигрывать одну духовную битву за другой. И вот тогда все замечательные реформы различных сфер человеческой жизни, такие нужные и по большей части уже разработанные, поднимутся на гребне прилива, который один только и может успешно поднять их, сделав успех непреходящим. Сегодня у нас есть все, что нам нужно. Сцена готова. Нам остается только поднять занавес и начать спектакль.

В прошлом веке среди людей жили два великих Посвященных, Два Пророка, посланных Тем, Кто является Источником нашего бытия - неважно, называем ли мы Его <Отец небесный> или <Бесконечный Сущный>, ведь имя не меняет сути, а суть в том, что Он для людей есть свет и истина. Все современные концепции преобразования мира, которыми мы так гордимся и восторгаемся и которые нам не терпится применить на практике, были провозглашены, развиты, подтверждены или разъяснены, в зависимости от их характера, этими двумя провидцами - Бабом и Бахауллой. Именно Они дали нам более совершенные законы устройства мира. Они заложили фундамент, а Их последователи сейчас возводят здание: это здание строится по планам, разработанным Шоги Эффенди, ныне покойным Хранителем Веры бахаи, правнуком Бахауллы и старшим внуком Абдул-Баха, а также по планам Всемирного Дома Справедливости - высшего выборного органа, управляющего делами всемирной общины Бахаи. Могучее древо Божественного Откровения, которое с таким дьявольским упорством пытались вырвать с корнем власть имущие Персии вкуче с правительством Турции, во второй половине XIX и в начале XX века стало разрастаться не по дням, а по часам, и, орошенное самой лучшей влагой - кровью мучеников, - раскинуло ныне свою крону над всем миром.

В задачу этой книги не входило подробное знакомство читателя с Учениями, принесенными Пророками-двойниками XIX века, с Их идеями относительно устройства общества и преобразования мира в целом. Здесь мы пытались показать, в чем заключалась тайна Их воздействия на мир и на людей и тайна Их жизни. Миру отчаянно требуется помощь, помощь каждого из нас. Чтобы в совместной жизни людей этой планеты воцарились мир и счастье, нужно, чтобы толика мира и счастья появилась внутри нас. Можем ли мы вводить новые законы, разрабатывать долгосрочные планы международного сотрудничества, вместе продвигаться вперед - к мировому единству, к свободе от потребительства и от страха, если мы сами - каждый из нас - не сориентировали свой компас на тот неизменный полюс, по которому нам следует держать курс, не осознали свое место в мироздании, не оценили свои истинные способности и потребности? И пусть каждый спросит себя - а что могу сделать я? Лучше всего задать себе этот вопрос, имея перед собой счет, предъявленный всему человечеству в виде очень простой выкладки: кредит: новая мировая религия, конструктивная, проверенная историей, готовая к поставке и использованию; дебет: новое мировое оружие - атомная сила, деструктивная, проверенная историей, готовая к поставке и использованию.

Выбор, со всеми вытекающими из него последствиями, должны сделать вы.